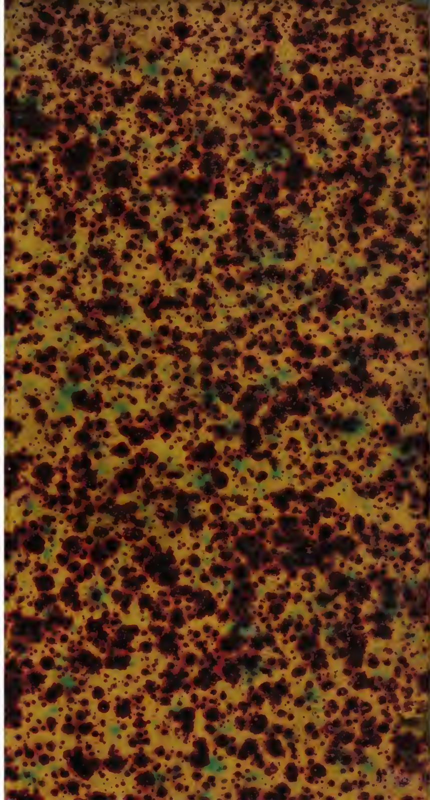

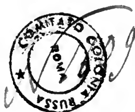
COMITATO COLONIA RUSSA
ROMA

COMITATO COLONIA
ROMA

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА.

ЗАПИСКИ
Г. БУРІЕННА,
ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА
О
НАПОЛЕОНѢ,
ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго

С. де Шаплетъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1834.

Печатать Позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Петербургъ 16 Іюля 1834 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Слѣдствія смерти Герцога Ангенскаго. — Перемѣна расположенія умовъ въ провинціяхъ. — Обитатели зáмковъ. — Мысль Наполеона о жизни въ зáмкахъ. — Семейство Була-дю-Коломбіе.—Упадокъ въ мнѣніи. — Дѣйствіе, произведенное въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ Санктпетербургѣ смертью Герцога Ангенскаго. — Замѣчательныя слова Г. Питта. — Принужденное молчаніе Вѣны и Берлина. — Печальное положеніе Королей Испанскаго и Неаполитанскаго. — Отосланные обратно знаки ордена Златаго-Руна. — Письмо Лудовика XVIII. — Бонапарте и Карломанъ.—Моро сообщникъ не будучи таковымъ.—Тайна Пишегрю, проданная однимъ изъ друзей его. — Поддѣльные ключи и ночное взятіе подъ стражу. — Компеаръ Коменжъ. — Насиліе и сопротивленіе. — Прекрасная черта Пишегрю.—Его бывшій Адъютантъ и портретъ.

Непосредственныя слѣдствія смерти Герцога Ангенскаго не ограничились всеобщимъ ужасомъ, которымъ этотъ Государственный ударъ

поразилъ столицу. Вѣсть объ этомъ злодѣйствѣ распространилась по всѣмъ провинціямъ и чужимъ землямъ, возбудивъ повсюду скорбь и страхъ. Цѣлое сословіе общества, имѣющее наиболѣе вліянія въ Департаментахъ, такъ называемые обителями за́мковъ, составлявшіе, если можно такъ выразиться, *Сенъ-Жерменское Предмѣстіе* провинцій, были поражены ею. Мнѣніе владѣльцевъ за́мковъ не было до сихъ поръ неблагопріятно Первому Консулу; они въ особенности ощутили на себѣ тяжесть закона заложниковъ и за исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ, привыкшихъ считать себя въ свѣтѣ тѣмъ же чѣмъ они были въ окружности двухъ миль, то есть знаменитыми особами,—всѣ разсудительные люди въ провинціи, даже и сохранявшіе искреннюю привязанность къ прежнему порядку вещей, съ удовольствіемъ видѣли, что Консульское Правленіе заступило мѣсто правленія Директоріи и не питали неприязни къ особѣ Перваго Консула. Въ за́мкахъ болѣе чѣмъ гдѣ либо, всегда созидали прекрасныя мечты касательно направленія, которое слѣдовало дать Государственны́мъ дѣламъ и порицали дѣйствія Правительства. Въ самомъ дѣлѣ всякому извѣстно, что въ эту эпоху не существовало во Франціи ни одного помѣщичьяго дома съ флюгарками, который не имѣлъ бы своего великаго политика и въ которомъ не было бы

разсуждаемо о томъ, какую ролю изберетъ Первый Консулъ — Кромвеля или Монка. При этихъ невинныхъ преніяхъ истолковывали также немногія извѣстія, которыя дозволялось помѣщать въ журналахъ и полученное изъ Парижа письмо часто болѣе недѣли служило пищею для разговоровъ. Пока я былъ при Бонапарте, онъ часто разговаривалъ со мною о жизни въ зáмкахъ, которую онъ считалъ самою счастливою для людей, имѣющихъ посредственное состояніе и чуждыхъ честолюбія. Онъ могъ знать и цѣнить этотъ образъ жизни, ибо онъ очень часто повторялъ мнѣ что время его жизни, вспоминаемое имъ съ наибольшимъ удовольствіемъ было то, которое онъ провелъ въ окрестностяхъ Валанса въ зáмкѣ, принадлежащемъ семейству Була-дю-Коломбье. Онъ очень уважалъ мнѣніе зáмковъ, ибо былъ свидѣтелемъ нравственнаго вліянія, производимаго обитателями ихъ на сосѣдство; онъ успѣлъ большею частью преклонить его въ свою пользу; но извѣстіе о смерти Герцога Ангенскаго отчуждило отъ него колебавшіеся еще умы и даже тѣ, которые склонились уже на его сторону. Этотъ тиранскій поступокъ разочаровывалъ на счетъ того, что можно было ожидать отъ его Правительства, и смерть сія болѣзненно пробудила преданность, только лишь дремавшую; даже тѣ, которые были къ этому происшествію равнодуш-

ны, не менѣе огорчились; ибо нѣкоторыя аристократическія правила всегда были въ силѣ въ извѣстномъ кругу общества. Такимъ образомъ по разнымъ причинамъ можно утвердительно сказать, что чрезъ это преступное дѣло, Бонапарте чрезвычайно много потерялъ во мнѣніи цѣлой Франціи.

Послѣдствія онаго были не менѣе важны и даже могли сдѣлаться пагубными при иностранныхъ дворахъ. Наполеонъ сказалъ на островѣ Св. Элены, говоря о смерти Мюрата, что роковое дѣло разстрѣливать Короля. Въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ Санктпетербургѣ сочли тогда роковымъ дѣломъ нарушеніе поземельныхъ правъ Бадена, похищеніе Герцога Ангенскаго и трагическую смерть его. Достовѣрно извѣстно, что съ того самаго дня, какъ Императоръ Александръ былъ увѣдомленъ объ ономъ, Англія могла уже питать основательныя надежды на возобновленіе союза противъ Франціи; Александръ громко изъявилъ свое негодованіе. Я также имѣлъ случай положительно узнать, что Г. Питтъ, извѣстясь о смерти Французскаго Принца, кому-то сказалъ: «Бонапарте сдѣлалъ самъ себѣ болѣе вреда, чѣмъ сколько мы могли ему сдѣлать съ объявленія послѣдней войны.» Г. Питтъ былъ не такой человѣкъ, который бы пожалѣлъ о чьей либо смерти; но онъ умѣлъ понимать и соображать всѣ выгоды, ко-

торыя могла ему доставить столь важная политическая ошибка, сдѣланная величайшимъ врагомъ Англіи. Въ Англійскихъ Журналахъ долгое время иначе не называли Бонапарте, какъ убійцею Герцога Ангенскаго. Это въ тоже время послужило внѣшнимъ эмигрантамъ могущественнымъ средствомъ для возстановленія повсюду противъ Перваго Консула враговъ, особенно когда они видѣли друзей своихъ, Жоржа и его соумышленниковъ задержанными и еще не осужденными.

Неподвижная политика Вѣнскаго кабинета не позволила ему обнаружить свое негодованіе какими либо представленіями или внѣшними дѣйствіями; въ Берлинѣ, сосѣдство Французскихъ войскъ, находившихся въ Гановрѣ, равномѣрно принудило заключить выраженіе скорби, причиненной смертью Герцога Ангенскаго, въ кабинетѣ Короля а особенно въ кабинетѣ Королевы Прусской; но достовѣрно что смерть сія почти повсюду перемѣнила расположеніе Государей къ Первому Консулу и что она, если не причинила, то покрайней мѣрѣ ускорила успѣхъ переговоровъ, которые Англія вела подъ рукою съ Австріею и съ Пруссіею. Не было ни одного Принца въ Германіи, который бы не восчувствовалъ обиды, нанесенной Великому Герцогу Баденскому чрезъ нарушеніе правъ земли его и повсюду смерть Принца Королевской крови долженствовала раз-

дражить соучастіе къ роду, которое до сихъ поръ взаимно питали между собою коронованныя главы и Княжескія фимиліи Европы; ибо это была обида, нанесенная всѣмъ Государямъ. Правда что эта обида болѣе касалась Королей Неаполитанскаго и Испанскаго, чѣмъ прочихъ царствующихъ Домовъ, ибо ихъ кровь была пролита; но что могли сдѣлать эти Государи такъ сказать связанные и окованные на своихъ престолахъ силою главы Французскаго Правительства? терпѣть и молчать. И такъ они сохранили принужденное молчаніе; но Лудовикъ XVIII, болѣе Король, хоть и безъ подданныхъ, чѣмъ были тогда Монархи его фамиліи, написалъ къ Королю Испанскому письмо, которое заслуживаетъ быть сохраненнымъ въ исторіи какъ памятникъ благородства и величія.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Герцога Ангенскаго, поразившей скорбью всѣхъ его окружавшихъ, онъ отослалъ Королю Испанскому обратно знаки Ордена Златаго-Руна при слѣдующемъ письмѣ:

«Государь и любезный братецъ,

«Съ огорченіемъ отсылаю вамъ обратно зна«ки Ордена Златаго-Руна, ввѣренные мнѣ, бла«женныя памяти вашимъ родителемъ. Не мо«жетъ быть ничего общаго между мною и вели«кимъ преступникомъ, возведеннымъ смѣлостью «и счастіемъ на престолъ мой, который онъ

«имѣлъ варварство обагрить кровью Бурбона, «Герцога Ангенскаго.

«Вѣра можетъ преклонить меня простить «убійцѣ; но тиранъ моего народа долженъ на«всегда пребыть врагомъ моимъ.

«Въ настоящемъ вѣкѣ, славнѣе быть достойнымъ скипетра, чѣмъ носить его.

«Провидѣніе, по непостижимымъ причинамъ «можетъ осудить меня окончить дни мои въ «изгнаніи; но никогда, ни мои современники, ни «потомство не скажутъ что въ годину бѣдствія «я показалъ себя недостойнымъ, до послѣдняго «моего издыханія, занимать престолъ моихъ «предковъ.

ЛУДОВИКЪ.»

Нѣсколько списковъ съ этого письма, распространилось въ Парижѣ съ экземпляра, присланнаго къ Аббату Монтескіу. Я самъ списалъ съ него копію, никакъ тогда не полагая что черезъ десять лѣтъ будетъ позволено его напечатать; ибо хотя я никогда не сомнѣвался въ томъ, что возстановляя Французскій престолъ, Бонапарте трудится для Бурбоновъ, но я очень былъ далекъ отъ той мысли что стеченіе столь близкихъ обстоятельствъ принудитъ его еще при жизни своей сойти съ онаго.

Смерть Герцога Ангенскаго была, какъ я сказалъ, ужаснымъ эпизодомъ въ производившем-

ся тогда важномъ слѣдственномъ дѣлѣ, по коему приговоръ былъ произнесенъ вскорѣ по достиженіи Наполеономъ Императорскаго сана; и одною изъ наиболѣе разительныхъ несообразностей той эпохи былъ приговоръ,—осуждавшій преступные замыслы противъ Республики—произнесенный отъ имени Императора, который столь очевидно уничтожилъ оную, не взирая на утонченность, съ помощью коей онъ сперва объявилъ себя Императоромъ Республики а въ послѣдствіи уже Императотомъ Французовъ. Дѣйствительно, если оставить въ сторонѣ средства, то нельзя довольно надивиться генію Бонапарте, стойкости его въ достиженіи своей цѣли и тому искусному соединенію гибкости и отваги, чрезъ которое онъ, порою мгновенно пользовался расположеніемъ фортуны, а порою обходилъ непреодолимыя препятствія для достиженія престола, не Лудовика XVI-го, а Карломанова. Такъ какъ я произнесъ имя Карломана, то дозволю себѣ краткое размышленіе о сходствѣ, находимомъ многими между имъ и Наполеономъ, у котораго я впрочемъ не оспориваю величія. По моему мнѣнію, между ими существуетъ пребольшая разница: Карломанъ былъ дѣйствительно превыше своего вѣка, который онъ старался пріобщить къ своей славѣ, двигая его впередъ къ просвѣщенію; между тѣмъ какъ Бонапарте былъ превыше, не своего вѣка, коего

онъ хотѣлъ захватить себѣ славу, но только людей своего вѣка, что совсѣмъ дѣло иное. Надобно однакоже согласиться въ одномъ, что Карломанъ имѣлъ предъ Наполеономъ выгоду полученія готовой короны, похищенной уже отцемъ его.

Но я не намѣренъ пускаться въ историческія разсужденія; разскажу только что мнѣ было извѣстно тогда, и что я узналъ въ послѣдствіи справедливаго о различныхъ обстоятельствахъ заговора Жоржа, Пишегрю, Моро и другихъ обвиненныхъ,—заговора, за ходомъ коего, какъ ниже увидятъ, я тщательно слѣдовалъ. Какъ ниже мною сказано, я убѣжденъ и имѣю доказательства что Моро не былъ въ заговорѣ; но могу себѣ представить, что Первый Консулъ имѣлъ поводъ полагать что онъ въ немъ участвовалъ; и равномѣрно постигаю что настоящіе заговорщики считали Моро своимъ соучастникомъ и главою, ибо цѣль ковъ Полиціи состояла въ томъ чтобы внушить имъ эту вѣру, содѣйствующую ея видамъ.

Выше сказано, какъ Моро былъ задержанъ на другой день послѣ объявленія Буве де Лозье; Пишегрю былъ взятъ подъ стражу въ слѣдствіе самаго безчестнаго вѣроломства, которое человѣкъ можетъ сдѣлать. Офиціяльная Полиція извѣстилась наконецъ о пребываніи его въ Парижѣ; но она не знала о мѣстѣ его убѣ-

жища и агенты ея тщетно старались открыть оное, когда старинный другъ его, тотъ самый, который далъ ему последнее убежище, явился съ предложенiемъ предать его за сто тысячъ ефимковъ. Этотъ подлый человекъ сообщилъ точное описанiе комнаты, которую Пишегрю занималъ въ улице Шабане и съ помощью этихъ сведенiй, Полицейскiй Приставъ Коменжъ отправился ночью съ отважными и сильными людьми въ означенную квартиру. Все эти предосторожности сочли нужными, ибо знали что Пишегрю одаренъ чрезвычайною силою и сверхъ того известно было, что окруженный оборонительными средствами, онъ не сдастся безъ сильнаго сопротивленiя. Въ его комнату пробрались съ помощью поддельныхъ ключей, которые человекъ, его продавшiй, имелъ подлость самъ заказать; его застали спящимъ. Свеча стояла на ночномъ столике. Отрядъ, предводительствуемый Коменжемъ, опрокинулъ столъ дабы загасить свечу и бросился на Генерала, который началъ биться, крича изо всехъ силъ, такъ что принуждены были его связать. Въ этомъ то положенiи завоеватель Голландiи былъ отведенъ въ Тампль, откуда онъ не долженствовалъ уже выйти живой.

Пишегрю, должно сознаться, вовсе не возбуждалъ того участiя какъ Моро. Ему не прощали, особенно въ армiи, прежнихъ его переговоро-

ровъ съ Принцемъ Конде до 18 Фруктидора. Однакожъ я знаю о немъ, во время пребыванія его въ Парижѣ—черту, которая по моему мнѣнію, дѣлаетъ ему много чести. Пишегрю имѣлъ у себя Адъютантомъ сына Г-на Лагрене, бывшаго Директора Французской Академіи въ Римѣ: этотъ молодой человѣкъ, дослужась до Капитанскаго чина, вышелъ въ отставку по осужденіи къ ссылкѣ его Генерала и опять принялся за кисть, которую онъ оставилъ для военной службы. Пишегрю, во время укрывательства своего въ Парижѣ, посѣтилъ своего бывшаго Адъютанта, который непремѣнно хотѣлъ дать ему у себя убѣжище. Пишегрю упорно отвергнулъ предложеніе Г-на Лагрене, никакъ не желая подвергать опасности человѣка, который представилъ уже ему столь сильное доказательство привязанности, оставя службу послѣ бѣды, его постигшей. Я обязанъ свѣдѣніемъ объ этомъ дѣлѣ очень странному случаю: именно около этого времени жена моя, желая имѣть портретъ съ одного изъ нашихъ дѣтей, обратилась къ Г-ну Лагрене, котораго талантъ ей хвалили и который сообщилъ ей вышепомѣщенныя подробности.

✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤✤

ГЛАВА II.

Пишегрю воспитанникъ Бріенскій и репетиторъ Наполеона. — Сестра милосердія и Монахи. — Два Артиллерійскіе Офицера.—Видъ тюрьмы.—Я испрашиваю у Г. Реаля дозволеніе видѣть Г-на Карбонне въ Сен-Пелажійской тюрьмѣ.— Цѣна свободы Г-на Карбонне. — Правдолюбіе Г-на Барбе-Марбуа.—Достопримѣчательное сближеніе чиселъ.—Внутренность Тампля.—Нелѣпость прозванія *разбойниками.* — Г.Г. Полиньякъ и де Ривіеръ. — Отмѣна Присяжныхъ.—Снисходительный Сенатскій указъ.—Обвинительныя предосторожности. — Ругательная статья Г-на Монгаліара. — Всеобщее мнѣніе благопріятствуетъ Моро. — Вліяніе имени Моро. — Твердость Пишегрю.

Ночью съ 22 на 23 Февраля былъ взятъ подъ стражу Пишегрю, какъ сказано въ предъидущей главѣ; вѣроломный другъ, его предав-

шій, былъ нѣкто Лебланъ, который отправился жить въ Гамбургѣ съ деньгами, добытыми измѣною. Я совершенно потерялъ изъ вида Пишегрю по выходѣ нашемъ изъ Брiенна, ибо Пишегрю также воспитывался въ этой школѣ; но будучи старше насъ лѣтами, онъ былъ уже репетиторомъ, тогда какъ мы были учениками и я очень помню, что онъ повторялъ Наполеону первыя четыре правила Ариѳметики.

Пишегрю происходилъ отъ семейства земледѣльцевъ въ Франшъ-Конте. Монахи, коимъ было поручено воспитанiе учениковъ военной Брiенской Школы, имѣя по бѣдности своей очень мало средствъ къ улучшенiю своего заведенiя, обратились къ Монахамъ Франшъ - Конте. Тогда-то родственникъ Пишегрю прiѣхалъ съ нѣсколькими другими въ Брiеннъ, привезя съ собою тетку Пишегрю, бывшую Сестрою Милосердiя, коей поручили смотрѣнiе за больницею. Имѣя у себя на рукахъ племянника, добрая сестра привезла его съ собою въ Брiеннъ, гдѣ онъ получилъ воспитанiе даромъ. Какъ только лѣта дозволили, то Пишегрю былъ назначенъ Старшимъ и Репетиторомъ; все честолюбiе его ограничивалось тѣмъ, чтобы сдѣлаться Монахомъ; но онъ былъ отклоненъ отъ того отцемъ, ему покровительствовавшимъ и вступилъ на военное поприще. Въ молодости Пишегрю достопримѣчательно еще то, что хотя онъ нѣсколькими

годами былъ старѣе Наполеона, но ихъ почти въ одно время произвели въ Поручики Артиллеріи. Какая разница въ ихъ судьбинѣ! между тѣмъ какъ одинъ готовился взойти на престолъ, другой сидѣлъ въ тайной темницѣ Тампля.

Видъ тюрьмы всегда возбуждалъ во мнѣ тяжкое чувство. Дабы хладнокровно вступать во внутренность этихъ обителей скорби, надобно быть очень жестокосердымъ или глубокимъ Философомъ; ужасъ, внушаемый мнѣ большею частью заключеній, еще сильнѣе возбуждается во мнѣ при воспоминаніи о людяхъ, сидѣвшихъ въ Тамплѣ, въ Ла Форсѣ и въ Сен-Пелажійской тюрьмѣ въ продолженіе времени, протекшаго между взятіемъ подъ стражу всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ соучастіи съ Жоржемъ и произнесеніемъ по ихъ дѣлу приговора. Я не имѣлъ причинъ посѣщать Тампль и Ла Форсъ, хоть я и получалъ тогда подробныя свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ особенно въ послѣдней изъ этихъ темницъ, но я часто бывалъ въ Сен-Пелажской тюрьмѣ куда какъ выше сказано, посадили Г-на Карбонне. Освѣдомясь гдѣ онъ содержится, я тотчасъ отправился къ Реалю просить у него туда пропуска. Реаль сдѣлалъ мнѣ нѣсколько обязательныхъ представленій на счетъ неблагоразумія моего поступка особенно по причинѣ положенія моего относительно Перваго Консула; но

какъ я не хотѣлъ слышать объ отношенiяхъ, которыя могли бы воспрепятствовать мнѣ утѣшать несчастнаго друга, то Реаль перестаЛъ возражать. Г-нъ Карбонне находился въ тайной темницѣ, гдѣ онъ просидѣлъ около двухъ мѣсяцевъ; ему сдѣлали нѣсколько допросовъ, но эти допросы ничего не обнаружили; и не смотря на желанiе его запутать по причинѣ дружбы его съ Генераломъ Моро, надобно было сознаться въ невозможности предать его вмѣстѣ съ прочими суду. Я постоянно навѣщалъ его каждые два дня въ продолженiе его заключенiя, такъ что онъ никогда не оставался безъ писемъ и безъ извѣстiй о своемъ семействѣ и зналъ обо всемъ, происходившемъ внѣ темницы.

Хотя этимъ я упреждаю нѣсколько ходъ событiй, а скажу здѣсь, на какихъ условiяхъ Г. Карбонне получилъ свою свободу, когда Моро выѣхалъ изъ Францiи: это характерическая черта политическихъ нравовъ начала Имперiи. И такъ Г. Карбонне былъ освобожденъ; но прежде выпуска изъ тюрьмы, отъ него потребовали чтобы онъ раздѣлался съ Казначействомъ по поручительству, данному имъ прежде по одному дѣлу. Хотя это дѣло было произведено съ законнымъ утвержденiемъ, но условiемъ освобожденiя его поставили чтобы онъ пополнилъ убытокъ, понесенный по оному казною. Убытокъ сей исчислили въ 120.000 франковъ и я дол-

женъ прибавить что при этомъ случаѣ Г. Карбонне многимъ обязанъ Г-ну Барбе-Марбуа, бывшему въ то время Министромъ Казначейства. Еслибъ не правдолюбіе и твердость сего Министра, то Г-на Карбонне непремѣнно принудили бы заплатить гораздо болѣе этой суммы и какъ онъ очень богатъ, то онъ за счастіе почелъ что, не смотря на свою совершенную невинность, отдѣлался двумя мѣсяцами заключенія и деньгами. Ниже увидятъ, что я узналъ въ Полиціи, куда я проводилъ его въ день выпуска его изъ тюрьмы для вытребованія обратно чемодановъ его съ бумагами.

Тампль, болѣе чѣмъ Пелажійская тюрьма возбуждалъ отчаянія, не въ тѣхъ которые были тамъ заключены, ибо ни одна изъ этихъ великихъ жертвъ козней тайной Полиціи не обнаружила ни минутной слабости за исключеніемъ Буве де Лозье, который ощутилъ эту слабость и хотѣлъ предупредить ее смертью. Но публика не сводила глазъ съ темницы, въ коей находился Моро. Я сказалъ, какимъ образомъ былъ приведенъ туда Пишегрю ночью съ 22 на 23 Февраля; не прежде какъ черезъ двѣ недѣли послѣ того, захватили и посадили туда Жоржа. День взятія подъ стражу Жоржа очень достопримѣчателенъ ибо это было 9 Марта, т. е. наканунѣ того дня, когда собрался Совѣтъ, въ которомъ Бонапарте рѣшилъ жребій

Герцога Ангенскаго; т. е. тогда уже какъ всѣ тѣ, коихъ считали начинщиками заговора находились въ рукахъ Правительства и ужъ конечно въ эту эпоху, не было никакой возможности выставить предлогомъ присутствіе въ Парижѣ таинственнаго лица.

Каждый день Реаль или Демаре, а иногда и оба они, отправлялись въ Тампль для допрашиванія заключенныхъ. Тщетно Полиція, для возбужденія противъ сихъ послѣднихъ всеобщаго негодованія облѣпливала списками заговорщиковъ стѣны цѣлаго Парижа, даже еще прежде, чѣмъ они были взяты подъ стражу. Въ этихъ спискахъ ихъ означали подъ названіемъ *разбойниковъ* и между этими *разбойниками* имя Генерала Моро стояло первымъ; безпримѣрная нелѣпость, приводившая къ цѣли, совсѣмъ противной той, которой хотѣли достигнуть; ибо какъ никто не могъ видѣть разбойника въ Генералѣ, всѣми уважаемомъ, то заключили что и тѣ, коихъ имена находились вмѣстѣ съ нимъ, также не были разбойники. Всѣ также принимали участіе въ Г. Г. Полиньякѣ и де Ривіерѣ, въ которыхъ трудно было видѣть разбойниковъ. Какъ глупо было назвать этимъ именемъ даже и Жоржа! Его, котораго Первый Консулъ принялъ къ себѣ на частную аудіенцію и котораго вѣрность къ принятой имъ сторонѣ, онъ старался поколебать блиста-

тельными предложеніями. Съ которой стороны я ни гляжу на это великое дѣло 1804 года, разсматривая ли оное вообще въ совокупности или отдѣльными сценами, а я вижу въ немъ нынѣ, какъ и тогда видѣлъ одно сплетеніе ужасовъ и нелѣпостей.

Что теперь сказать о внезапной отмѣнѣ порядка судопроизводства, бывшаго еще въ дѣйствіи въ ту минуту какъ тайная Полиція дозволила Офиціяльной Полиціи открыть заговоръ? Что касается до меня, то я сильно былъ огорченъ видя что Бонапарте съ такою быстротою устремляется на путь самовластія; и какъ назвать иначе отмѣну на два года суда Присяжныхъ при содѣйствіи къ тому снисходительнаго Сенатскаго указа, изданнаго черезъ двѣнадцать дней по взятіи подъ стражу Моро? А притомъ отмѣна сія была сдѣлана на одинъ только исключительный случай; Присяжные продолжали дѣйствовать кромѣ суда за посягательства на жизнь Перваго Консула. И такъ, еслибъ кто покусился на жизнь Втораго и Третьяго Консуловъ, то Присяжные судили бы его, но для Перваго Консула нужно было особое Судилище, т. е. такое, коего рѣшеніями были бы смертные приговоры. Не толиже было бы возстановить законъ взысканія за оскорбленіе Величества? Къ Сенатскому указу, о которомъ я говорю, на другой же день былъ прибав-

ленъ законъ, причислявшiй къ Жоржу и къ его соумышленникамъ всѣхъ тѣхъ, которые дадуть имъ убѣжище и подвергавшiй ихъ одинакому наказанiю—законъ, достойный *чернаго* уложенiя. Всѣ эти предосторожности, принятыя для осужденiя обвиненныхъ, не служили ли обвинительными доводами противъ тѣхъ, которые къ онымъ прибѣгали и не обнаруживалиль онѣ тому, кто умѣлъ раскрывать правду въ этомъ лабиринтѣ увертокъ—что не довольно были увѣрены въ винѣ подсудимыхъ для того чтобы осмѣлиться предоставить дѣло обыкновенному ходу правосудiя.

Всеобщее мнѣнiе склонилось въ пользу Моро и всѣ вознегодовали за прозванiе его разбойникомъ; въ немъ не только не видѣли виновнаго, но сочли его обреченною жертвою потому что слава Моро мѣшала еще Наполеону и что его всегда выставляли способнымъ воспротивиться честолюбивымъ замысламъ Бонапарте. Вся вина Моро состояла въ томъ что онъ имѣлъ много приверженцевъ между людьми, которые вѣрили еще призраку Республики и эта вина была непростительна въ глазахъ Перваго Консула, который два года уже, какъ верховный властитель управлялъ судьбами Францiи. Къ какимъ средствамъ не прибѣгали для того чтобы внушить ложное мнѣнiе о Моро? Полицiя разсѣвала всякаго рода пасквили и Графъ

Монгаліаръ былъ вызванъ изъ Ліона для того чтобы написать ругательную статью противъ Моро, Пишегрю и находившихся въ изгнаніи Французскихъ Принцевъ. Но все это не произвело, относительно Моро ожидаемаго дѣйствія и ниже увидятъ сколько судопроизводство еще возвысило его въ мнѣніи, не смотря на осужденіе, бывшее слѣдствіемъ онаго.

Правда что Моро, извѣстный своею слабостью, дался въ обманъ нѣкоторымъ пройдохамъ, старавшимся извлечь выгоду изъ вліянія его имени; но онъ такъ былъ противъ возстановленія прежней Монархіи, что сказалъ въ отвѣтъ одному изъ этихъ агентовъ: «Я не могу принять начальства ни надъ какимъ движеніемъ въ пользу Бурбоновъ: подобная попытка не имѣла бы успѣха. Если Пишегрю станетъ дѣйствовать съ иною цѣлью и въ такомъ случаѣ я сказалъ ему что надобно чтобы Консулы и Парижскій Губернаторъ исчезли—то я надѣюсь имѣть въ Сенатѣ довольно сильную партію для того чтобы получить власть, которою прежде всего воспользуюсь для того чтобы взять подъ мою защиту его людей, а потомъ общее мнѣніе рѣшитъ что надобно будетъ дѣлать; но я ни къ чему не обяжусь письменно.» Предположивъ что Моро точно сказалъ эти слова, — они доказываютъ только что онъ былъ недоволенъ Консульскимъ Правленіемъ, и что онъ желалъ перемѣны; но

отъ этого очень еще далеко до условленнаго участія въ заговорѣ.

Въ минуту взятія подъ стражу Жоржа, Тампль такъ наполнился, что въ немъ считалось болѣе ста заключенныхъ и что принуждены были перевести многихъ изъ нихъ, — избравъ менѣе замѣшанныхъ — въ другія темницы. Тогда Бонапарте ввѣрилъ главное начальство надъ стражею Тампля Генералу Савари, коего Лейбъ-Жандармы усилили эту стражу. Плѣнники не смѣли входить между собою въ сношенія страшась повредить другъ другу, но всѣ обнаруживали мужество, заставлявшее страшиться на счетъ послѣдствій суда; дѣйствительно ни предложенія, ни страхъ казни не могли принудить ихъ къ признаніямъ при допросахъ. Пишегрю въ особенности показалъ такую твердость, что Реаль, выходя однажды изъ комнаты, въ которой онъ его допрашивалъ, громко, въ присутствіи многихъ сказалъ: «Какой человѣкъ этотъ Пишегрю!» Въ слѣдующей Главѣ увидятъ что должно думать о его трагической смерти.

ГЛАВА III.

Пишегрю, удавленный въ темницѣ.—Обѣщаніе его говорить и страхъ услышать то что онъ скажетъ.—Намѣреніе выѣхать изъ Парижа.—Врожденное чувство въ народѣ.—Добровольныя ошибки Герцога Ровиго.—Противорѣчіе.—*Странный случай.*—Слова Бонапарте на островѣ Св. Елены.—Ложная мысль объ общемъ мнѣніи.—Необходимая смерть. —Утайка послѣдняго допроса Пишегрю.—Дѣйствія Полиціи.—Удобная высадка и приготовленныя квартиры. —Разсмотрѣніе показаній о смерти Пишегрю.—Слова, несправедливо приписанныя Реалю.—Ослѣпленіе заговорщиковъ.—Вопросы.—Статья Г. Монгаліара.—Невѣдѣніе Моро о замыслахъ Пишегрю.—Г. Карбонне въ библіотекѣ Моро.—Роллань и Лажоле.

Черезъ сорокъ дней по взятіи подъ стражу Генерала Пишегрю, — 6 Апрѣля утромъ, онъ былъ найденъ мертвымъ въ комнатѣ, занимае-

мой имъ въ Тамплѣ. Пишегрю выдержалъ десять допросовъ, но ни въ чемъ не признался и никого не замѣшалъ въ дѣло своими отвѣтами; во всѣхъ своихъ показанiяхъ онъ объявлялъ что будетъ говорить, но будетъ говорить громко и всенародно при открытiи надъ нимъ судопроизводства. «Когда я предстану предъ судей,» говорилъ онъ, «то рѣчи мои будутъ согласоваться съ истиною и съ выгодами моего отечества.» Въ чемъ долженствовали состоять эти рѣчи? конечно не хотѣли услыхать оныхъ; а Пишегрю сдержалъ бы свое слово ибо онъ еще меньше былъ искусный Полководецъ, чѣмъ мужъ, славившiйся твердостью духа, отличаясь тѣмъ отъ Моро, покорнаго влiянiю жены своей и тещи, которыя обнаружили смѣшное чванство у Г-жи Бонапарте.

День, въ который Реаль, въ присутствiи свидѣтелей сдѣлалъ о Пишегрю, вышеприведенный отзывъ—былъ день его послѣдняго допроса; въ послѣдствiи я достовѣрно узналъ что при этомъ допросѣ Пишегрю, тщательно остерегаясь сказать что нибудь ко вреду своихъ товарищей, не пощадилъ своего гонителя, опредѣлившаго смерть его и объявилъ твердую свою рѣшимость обнаружить предъ глазами публики ненавистные ковы заговора, въ который вовлекла его Полицiя. Онъ объявилъ также что онъ и товарищи его заключенiя заботились уже

только о средствахъ какъ бы уѣхать изъ Парижа дабы избавиться отъ разставленныхъ имъ повсюду сѣтей; когда ихъ задержали. Сверхъ того онъ показалъ, что всѣ они отреклись отъ замысла ниспровергнуть Наполеона,—отъ замысла, въ который они были вовлечены ненавистными ковами и я увѣренъ что опасеніе, внушенное обнаруженіемъ столь суровой искренности, ускорило смерть Пишегрю. Г. Реаль, который еще живъ, лучше всякаго другаго знаетъ въ чемъ состояли показанія Пишегрю потому что онъ самъ его допрашивалъ; не знаю угодно ли ему будетъ нынче или въ послѣдствіи разорвать таинственную завѣсу, облекающую это происшествіе; но я увѣренъ что онъ не опровергнетъ ничего, изложеннаго мною. Мнѣ очевиднѣйшимъ образомъ доказано что Пишегрю былъ удавленъ въ своей темницѣ и слѣдовательно всякая мысль о самоубійствѣ кажется мнѣ непріемлемою. Меня спросятъ, имѣю ли я положительныя, существенныя доказательства? нѣтъ; но сближеніе обстоятельствъ и всѣ вѣроятности не оставляютъ мнѣ на счетъ этого трагическаго происшествія—сомнѣній, которыя желалъ бы я имѣть. Притомъ же въ народѣ есть какое-то врожденное чувство, которое рѣдко ошибается; а люди, тогда жившіе должны помнить, что не только почти общимъ мнѣніемъ было что Пишегрю умерщвленъ въ

темницѣ, но это мнѣнiе еще подкрѣпилось заботливостью, съ которою хотѣли отклонить оное чрезъ выставку тѣла Пишегрю. Добровольно говорить: «Я не сдѣлалъ такого то преступленiя,» значитъ сознаваться что въ немъ можешь быть подозрѣваемъ.

Я читалъ, какъ можно себѣ представить, съ величайшимъ вниманiемъ все, что было написано о смерти Пишегрю; и тщетно я искалъ сущей истины въ Запискахъ Герцога Ровиго; даже не нашелъ я въ нихъ и правдоподобiя. Какъ напримѣръ Г. Ровиго говоритъ, что Офицеръ его полка, бывшiй въ Тамплѣ въ караулѣ, явился въ Тюлiери 6 Апрѣля *въ восемь часовъ утра* для донесенiя ему о смерти Пишегрю, между тѣмъ какъ извѣстно, что тюремщикъ вошелъ въ комнату Генерала не раньше какъ *въ девять часовъ*? если это только недосмотръ, то надобно сознаться что онъ непостижимъ. Какъ еще, говоря о насильственной смерти Пишегрю, какова бы ни была причина оной, можетъ онъ видѣть въ ней одинъ только *странный случай*? Ужъ конечно тутъ было нѣчто больше, чѣмъ одинъ только странный случай. Впрочемъ я не стану ни опровергать показанiй Г. Ровиго, ни выставлять его ошибокъ, потому что онѣ добровольны. Слишкомъ очевидно что питая къ Наполеону даже за предѣлами гроба преданность, можетъ быть безпримѣр-

ную, онъ сдѣлалъ изъ Записокъ своихъ длинное похвальное слово всѣмъ его дѣяніямъ. Изъ нихъ конечно есть великія, необъятныя, даже великодушныя, которыя будутъ превознесены Исторіею; но есть и такія, въ которыхъ невозможно его оправдать и къ которымъ я не колеблясь, но не безъ размышленія, причисляю смерть Пишегрю. На счетъ сего я не болѣе какъ и въ другихъ случаяхъ, вѣрю показаніямъ самого Бонапарте на островѣ Св. Элены.

Наполеонъ, разсуждая съ Ласъ-Казомъ о расположеніи умовъ при взятіи подъ стражу обвиненныхъ, говоритъ: «Обстоятельство было очень важно; общественный духъ находился въ броженіи; клеветали противъ искренности Правительства на счетъ заговора, имъ объявленнаго и на счетъ заговорщиковъ, имъ выставляемыхъ. Число ихъ въ Парижѣ, по мнѣнію Правительства, простиралось до сорока. Имена ихъ были объявлены и Первый Консулъ за честь себѣ поставилъ переловить ихъ. Потребовавъ къ себѣ Бессіера, онъ приказалъ ему окружить Гвардіею Парижъ и стеречь стѣны онаго. Въ продолженіе шести недѣль никто не выѣхалъ изъ Парижа безъ опредѣлительныхъ причинъ и безъ дозволенія. Всѣ умы были мрачны (*); но каждое утро, Монитёръ извѣщалъ объ излов-

(*) Они сдѣлались еще мрачнѣе по смерти Герцога Ангенскаго и Пишегрю.

леніи одного или двухъ изъ означенныхъ людей. Въ мнѣніи произошла перемѣна; оно *обратилось въ мою пользу* и негодованіе возрастало по мѣрѣ того какъ захватывали заговорщиковъ. Ни одинъ не ушелъ и всѣ были переловлены.»

Не смѣю сомнѣваться на счетъ написаннаго такимъ человѣкомъ, какъ Г. *Ласъ-Казъ*; но если Бонапарте это сказалъ, то надобно сознаться что онъ до послѣдней минуты страннымъ образомъ себя обманывалъ. *Мнѣніе обратилось въ его пользу*, говоритъ онъ, и относитъ это обращеніе къ той самой минутѣ, когда это мнѣніе, на столькихъ правахъ имъ пріобрѣтенное, въ первый разъ отъ него отклонилось. Ни одинъ изъ заговорщиковъ не ушелъ,—прибавляетъ онъ. — Очень вѣрю, потому что тайная Полиція знала, гдѣ они находились.

По всей справедливости, общее мнѣніе никогда столько не вооружалось противъ Перваго Консула какъ въ продолженіе суда надъ Моро; и оно не ошиблось на счетъ смерти Пишегрю, очевидно удавленнаго въ Тамплѣ тайными агентами, касательно чего трудно сомнѣваться. Виновники, исполнители и свидѣтели этой ужасной сцены одни только въ состояніи разсѣять сомнѣнія, могущія еще существовать на счетъ насильственной смерти Пишегрю; но надобно сказать, что предшествовав-

шія оной обстоятельства, всеобщее тогда мнѣніе и вѣроятности, опровергаютъ всякую мысль о самоубійствѣ Пишегрю. Смерть его была нужна; и эта необходимость была настоящею причиною оной.

Я узналъ отъ Реаля, что Пишегрю былъ сдѣланъ допросъ, о которомъ не объявили по нижеизложеннымъ причинамъ. Не сообщая никакихъ подробностей, онъ объявлялъ какъ выше упомянуто, что будетъ говорить предъ судомъ, что никого не обвинитъ, ни на кого не донесетъ, а скажетъ сущую правду. Не скрывая чувствъ своихъ къ правленію Бурбоновъ, Пишегрю обнаружилъ вѣроломные ковы, посредствомъ коихъ онъ и его сотоварищи были вовлечены въ сѣти. Къ этому онъ прибавилъ, что происходившее въ Парижѣ наконецъ открыло имъ глаза. Удобство, съ коимъ были сдѣланы одна за другою три высадки, непроизведшія никакой тревоги; квартиры, заблаговременно приготовленныя по всей дорогѣ, которую они свободно проѣхали; лживость всѣхъ свѣдѣній и ничтожность распоряженій, будто бы сдѣланныхъ въ Парижѣ, какъ ихъ вѣроломно въ томъ обнадеживали; переѣздъ ихъ, очевидно покровительствуемый ковами скрытной, таинственной Полиціи, и который безъ сего не могъ бы избѣгнуть вниманія Офиціальной Полиціи; мѣстопребыванія, ихъ въ Парижѣ, ско-

рѣе заблаговременно уже извѣстныя, чѣмъ послѣ отысканныя,—все это озарило свѣтомъ умъ его. Пишегрю не сообщилъ никакихъ свѣдѣнiй, не открылъ ничего, отъ него ожидаемаго, никого не обвинилъ и ни на кого не донесъ. Онъ съ этою рѣшимостью вступилъ въ заговоръ.

Вотъ нѣкоторыя извлеченiя изъ донесенiй о томъ что оказалось при освидѣтельствованiи тѣла Пишегрю, 16 Апрѣля 1804:

«Трупъ имѣлъ на шеѣ черный галстукъ, въ который была продѣта палка длиною около сорока сантиметровъ и отъ четырехъ до пяти сантиметровъ въ окружности; палка сiя, служа галстуку заверткою была остановлена лѣвою щекою, задержавшею одинъ изъ концевъ ея; отъ чего воспослѣдовало удавленiе, достаточное для произведенiя смерти.»

Многiе врачи въ томъ же свидѣтельствѣ показали: «что тутъ существовало удавленiе, причиненное туго завязаннымъ чернымъ галстукомъ, въ который была продѣта палка и проч.

«Что они притомъ замѣтили, что вышеупомянутая палка лежала однимъ изъ концевъ своихъ на лѣвой щекѣ, и что оборотъ оной неправильнымъ движенiемъ произвелъ на той щекѣ поперечную царапину длиною около шести сантиметровъ, простирающуюся отъ верха до оконечности лѣваго уха.»

Далѣе, Лейбъ-Жандармъ Сиро объявилъ: «что

стоя на часахъ внѣ Тампля близъ комнаты Генерала Пишегрю, онъ нѣсколько разъ слышалъ въ той комнатѣ кашель и плеваніе; и что судя по тому какъ кашляли и плевали, ему казалось что у того человѣка какъ будто стѣснялось дыханіе; но что, не услыхавъ болѣе ничего, онъ не счелъ нужнымъ кого либо будить.»

Нѣкто Лапуантъ, сторожъ въ Тампльской тюрьмѣ, показалъ: «что спавъ съ полуночи до четырехъ часовъ, онъ ничего не слыхалъ.»

Фоконье объявляетъ: «что въ семь съ половиною часовъ утра, гражданинъ Попонъ, дежурный стражъ при Генералѣ Пишегрю, пришелъ къ нему сказать что онъ развелъ огонь въ комнатѣ вышесказаннаго Пишегрю и удивился что не слышалъ и не видѣлъ чтобы онъ шевелился.

Онъ прибавилъ: «что ключъ отъ комнаты Пишегрю былъ унесенъ имъ въ десять часовъ вечера послѣ подачи ему ужина и что онъ оставался у него въ карманѣ до той минуты какъ онъ пришелъ разводить огонь.»

Очень некстати приписали Реалю слѣдующія слова: «Хоть и ничего не можетъ быть яснѣе доказано какъ это самоубійство; но что ни дѣлай а все станутъ говорить, что не въ состояніи будучи его уличить, — его удавили.» Реаль этого не говорилъ.

Я вовсе не думаю оправдывать тѣхъ, кото-

рые приняли участіе въ этомъ заговорѣ. Всякое дѣйствіе, ведущее къ предосудительному поступку, должно возбуждать негодованіе. Откуда бы ни было дано къ оному побужденіе, а преступленіе чрезъ то не уменьшается. Но если это побужденіе было дано тайною Полиціею, если Полиція сама поощряла преступные замыслы, ею внушенные до взрыва, который отъ нея зависѣло остановить; если она искусно, но подло льстила склонностямъ и надеждамъ людей, бывшихъ врагами тогдашняго Правительства, то негодованіе уменьшается въ соразмѣрности со средствами, употребленными для возбужденія онаго.

Заговорщики увлеклись мечтами и искушеніями, внушенными людьми, хотѣвшими извлечь себѣ пользу изъ замысла, къ которому несчастныхъ подстрекали и который могли когда заблагоразсудится разрушить. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію для тѣхъ, которые наблюдали за судопроизводствомъ; это можетъ статься будетъ очевидно для тѣхъ, которые прочтутъ обстоятельства онаго со вниманіемъ, безъ страсти, и которые хорошенько разсмотрятъ ходъ дѣла отъ начала его, до кроваваго конца. Исторія должна и будетъ имѣть въ виду безпрепятственную высадку съ Англійскаго судна почти всѣхъ обвиненныхъ; принятіе ихъ на твердой землѣ подосланными людьми; спо-

койные ихъ ночлеги по мызамъ отъ одной до другой и скрытіе пребыванія ихъ въ Парижѣ до той минуты, когда сочли нужнымъ захватить ихъ.

Зачѣмъ было по смерти Жоржа совершенно умалчивать о его допросѣ? Зачѣмъ онъ лишилъ себя жизни? Развѣ ему не предстояло еще надежды оправдаться? А еслибъ ему это не удалось, то развѣ не было бы еще послѣ осужденія довольно времени для лишенія себя жизни? Зачѣмъ онъ прождалъ до десятаго вопроса, если онъ уже заблаговременно на это рѣшился? Средство, которое какъ говорятъ, онъ употребилъ, не ушло бы отъ него и послѣ осужденія. Еще одно, совершенно другаго рода обстоятельство, должно устранить всякую мысль о самоубійствѣ: Пишегрю сохранилъ набожныя чувства, внушенныя ему въ дѣтствѣ (*).

*) Вотъ какимъ образомъ выражается Аббатъ Монгаліаръ въ своей Исторіи Франціи на счетъ роковаго случая съ Пишегрю: «Чрезвычайно какъ вѣроятно, что Бонапарте хотѣлъ предупредить объявленіе предъ всенароднымъ судомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, лично до него касавшихся; обстоятельствъ, извѣстныхъ Пишегрю, вождю партіи, низверженной 18 Фруктидора. Обнародованіе оныхъ могло бы повредить народному расположенію, которымъ Первый Консулъ долженъ былъ болѣе чѣмъ когда либо стараться себя окружить при рѣшительномъ обстоятельствѣ преобразованія его сана. Представъ предъ судъ, Пишегрю безъ сомнѣнія громогласно бы опровергнулъ множество обстоятельствъ, недавно обнародованныхъ *по приказу* въ сатирахъ, въ коихъ политическое его поведеніе въ 1795, 96 и 97 годахъ было ис-

Ложные друзья объявили людямъ, ослѣпленнымъ страстью, будто бы Сенатъ и Моро надѣялись другъ на друга для произведенія перемѣны. Но Моро объявилъ Пишегрю, что его обманули; что онъ ничего не зналъ о тѣхъ причинахъ, на которыхъ основывался прiѣздъ его; что это было безумiе; что онъ находилъ неисполнимымъ и страннымъ замыселъ, клонящiйся къ ниспровержению Правительства. Въ этомъ смыслѣ, какъ ниже увидятъ, Моро всегда отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы и предложенiя.

Г. Карбонне, другъ семейства Гюло и Генерала Моро, находился въ библiотекѣ Генерала въ тотъ день, когда Пишегрю приходилъ къ нему повидаться. Съ нимъ были Ролланъ и Лажоле. Г. Карбонне вышелъ дабы дать имъ переговорить; когда же они удалились, то самъ Генералъ Моро сказалъ Г-ну Карбонне имена этихъ господъ. Это обстоятельно сообщено мнѣ Г-мъ Карбонне.

кусно выставлено въ неблагопрiятномъ видѣ. Потаенное убiйство предупредило это страшное обнародованiе, и сличенiе онаго съ умерщвленiемъ Герцога Ангенскаго можетъ служить къ объясненiю этой эпохи исторiи.»

+++

ГЛАВА IV.

Взятіе подъ стражу Жоржа—Необходимость огласки. — Послѣднее жилище Жоржа.—Дочь овощницы въ Сен-Женевьевской улицѣ.—Узелъ Жоржа.—Содержаніе подъ стражею отдѣльно.—Лудовикъ Бонапарте смотритъ Жоржа въ Тамплѣ.—Человѣколюбивыя чувства Лористона.—Замѣчаніе.—Взятіе подъ стражу остальныхъ обвиненныхъ.—Вильнёвъ и Барко.—Коменжъ и Жандармы.—Выстрѣлы изъ пистолета въ шкафъ.—Вильнёвъ раненъ.—Полицейскій приказъ.—Свобода и права гражданъ.—Строгость законовъ.—Расчеты относительно Моро.—Окончаніе предварительныхъ допросовъ.—Приготовленіе къ переѣзду изъ Тампля. — Замѣчательная перемѣна въ Жоржѣ.—Рѣчь Жоржа товарищамъ.

Пока производился судъ, съ тѣхъ поръ какъ Фуше присовѣтовалъ Наполеону сдѣлать рѣшительный приступъ къ достиженію Императорскаго престола, начали подъ рукою приготовлять

пути къ оному. Прежде описанія этой важной перемѣны въ жребіи Наполеона и въ судьбинахъ Франціи, необходимо обратиться къ эпохѣ взятія подъ стражу Жоржа, который во всѣхъ обстоятельствахъ суда своего, показалъ характеръ истинно геройскій. Его взяли подъ стражу 9-го Марта съ другимъ заговорщикомъ, кажется по имени Лериданомъ. Въ этотъ день, въ седьмомъ часу вечера онъ проѣзжалъ въ кабріолетѣ чрезъ Одеонскую площадь, куда конечно направилъ путь его, Полицейскій агентъ, его не покидавшій. Не взявъ его на квартирѣ, вѣроятно хотѣли придать болѣе огласки его задержанію дабы подѣйствовать тѣмъ на умы толпы. Этотъ расчетъ стоилъ жизни одному человѣку и едва не погубилъ еще другаго, ибо Жоржъ, никогда не выходившій изъ дому безъ оружія, прежде всего убилъ изъ пистолета Полицейскаго Офицера, остановившаго его лошадь и ранилъ того, который первый бросился схватить его въ кабріолетѣ. При немъ нашли, кромѣ пистолетовъ, кинжалъ Англійскаго издѣлія. Весьма естественно было, что въ его положеніи, это оружіе при немъ находилось; но изъ этого обстоятельства вывели и на другой день чрезъ журналы объявили публикѣ, будто бы Жоржъ признался что онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ находится въ Парижѣ, куда онъ прибылъ съ намѣреніемъ умертвить Перваго Консула. Прочитавъ

то чего я былъ свидѣтелемъ при судопроизводствѣ, всякой разсудить, что должно думать объ этомъ мнимомъ признаніи.

Послѣднее убѣжище Жоржа было у овощницы, жившей въ Сен-Женевьевской улицѣ. Отъ этой то женщины, по имени Лемуанъ, Жоржъ вышелъ съ тѣмъ чтобы сѣсть въ кабріолетъ и ѣхать, какъ говорили, къ Карону, продавцу благовонныхъ товаровъ. Трудно повѣрить, чтобы одинъ простой случай привелъ туда въ ту самую минуту Полицейскій отрядъ. Дочь овощницы несла узелъ Жоржа и въ то мгновеніе какъ она сбиралась положить его въ кабріолетъ, Жоржа схватили. Видя что идутъ его брать, онъ закричалъ этой дѣвушкѣ чтобы она какъ можно скорѣе убѣжала, конечно боясь попасть въ нея, выстрѣливъ въ Полицейскихъ; она бросилась бѣжать съ узломъ, который отнесла къ сосѣдкѣ. Полиція, какъ можно себѣ представить, скоро отыскавъ молодую дѣвушку, узнала что мужъ сосѣдки, къ которой она укрылась, любопытствуя увидѣть что заключается въ узелкѣ, нашелъ тамъ между прочими вещами мѣшокъ съ тысячью Голландскими суверендорами т. е. на сумму около 32.000 франковъ; и любопытный сосѣдъ не могъ отпереться, что онъ уже припряталъ себѣ тысячу ефимковъ. Всѣхъ этихъ людей забрали, а самого Жоржа отвезли въ Тампль, гдѣ онъ пробылъ до перемѣщенія

его въ тюрьму Консiержери при началѣ суда.

Во все время произведенія допросовъ Жоржъ и другіе важные плѣнники, были содержаны отдѣльно безъ всякаго между собою сообщенія. Когда произошелъ роковой случай съ Пишегрю, то подсудимые объ ономъ провѣдали и какъ, зная Генерала, никто изъ нихъ не повѣрилъ самоубійству, о которомъ распространили слухъ, то можно себѣ представить какой страхъ, какой ужасъ это трагическое происшествіе возбудило въ заключенныхъ. Я узналъ тогда и признаюсь пожалѣлъ, что Лудовикъ Бонапарте, который былъ прекрасный человѣкъ и безъ всякаго сравненія лучшій во всемъ семействѣ, —имѣлъ жестокое любопытство посмотрѣть на Жоржа въ его темницѣ и притомъ вскорѣ по смерти Пишегрю, когда ужасное впечатлѣніе, произведенное оною во внутренности Тампля, было еще въ полной своей силѣ. Лудовикъ отправился въ тюрьму въ сопровожденіи блистательнаго Штаба и Генералъ Савари имѣлъ честь представить ему своего плѣнника. Какое недостойное зрѣлище! Жоржъ, въ ту минуту какъ Лудовикъ пришелъ смотрѣть его, лежалъ на постелѣ имѣя руки крѣпко стянутыя на брюхѣ цѣпью. Лористонъ сопутствовавшій Лудовику, разсказалъ мнѣ черезъ нѣсколько времени эти ужасныя подробности и я долженъ по сущей истинѣ объявить что Лористонъ, не смотря

на свою искреннюю привязанность къ Первому Консулу, не скрылъ отъ меня что это зрѣлище сильно его тронуло. Я тому не удивился ибо Лористонъ не имѣлъ души холодной, чуждой человѣколюбивыхъ чувствъ; чего по несчастію я не могу сказать обо всѣхъ прочихъ Адъютантахъ Перваго Консула. Бонапарте очень уважалъ Лористона и конечно не далъ бы ему иныхъ порученій, которыя оскорбили бы его разборчивость.

Я помню одно, сдѣланное мною тогда замѣчаніе, котораго я никому не сообщалъ, но которое содѣйствовало къ убѣжденію меня въ содѣйствіи Полиціи Фуше въ ковахъ, пріуготовившихъ заговоръ. Жоржъ и нѣкоторые другіе обвиненные были извѣстны; ихъ видали въ Парижѣ прежде чѣмъ они замѣщались въ это дѣло, а потому легко было описать въ точности ихъ примѣты. Но какимъ образомъ, спросилъ я самъ себя, могли достать примѣты тѣхъ, которыхъ никогда не видали, еслибы Полиція ихъ не знала? Не думаю чтобъ было средство отвѣчать на этотъ вопросъ или вывести изъ него другія заключенія кромѣ тѣхъ, которыя довершили мое убѣжденіе.

Послѣ взятія подъ стражу Жоржа, оставалось еще нѣсколько человѣкъ, означенныхъ въ числѣ участниковъ заговора, которые нашли средство укрыться отъ розысковъ Полиціи; по-

слѣ всѣхъ были захвачены, кажется мнѣ, Вильнёвъ, одинъ изъ главныхъ повѣренныхъ Жоржа и Бюрбанъ Малабръ, называвшій себя Барко; ихъ взяли черезъ пять дней по смерти Герцога Ангенскаго. Знаменитый Полицейскій Приставъ Коменжъ, съ Надзирателемъ и со взводомъ Жандармовъ Лейбъ-Легіона, нашли ихъ у человѣка по имени Дюбюиссона, жившаго въ Жан-Робертской улицѣ.

Этотъ Дюбюиссонъ и жена его давали у себя убѣжище многимъ изъ главныхъ лицъ, преслѣдуемыхъ Полиціею; Г. Г. Полиньякъ и де Ривіеръ жили у нихъ. Когда пришли для взятія подъ стражу двухъ послѣднихъ заговорщиковъ, то желая спасти ихъ, хозяева дома начали увѣрять, будто бы они еще утромъ удалились; но глаза Полицейскихъ скоро открыли устроенное въ шкафу потайное мѣсто и какъ никто оттуда не отзывался, то Лейбъ-Жандармы, прибѣгнувъ къ одному изъ своихъ обыкновенныхъ средствъ, выстрѣлили въ шкафъ изъ двухъ пистолетовъ; Вильнёвъ, коего называли Жойо, былъ раненъ въ руку, что принудило его показаться и ихъ взяли подъ стражу.

Чтобы дать понятіе о свободѣ, которою жители Парижа пользовались въ эту эпоху и чтобы показать какъ понимались права гражданъ, я приведу краткій отрывокъ изъ Полицейскаго приказа, найденнаго мною какъ то между бу-

магами. Въ немъ сказано: «Дошло до свѣдѣнія Префекта Полиціи что многіе Парижскіе граждане отдаютъ въ наемъ квартиры пріѣзжающимъ въ столицу чужимъ людямъ, не объявляя о томъ Полицейскимъ Приставамъ своихъ частей. Эти граждане явно нарушаютъ установленныя для гостинницъ правила и должны подвергаться строжайшему за сіе взысканію, ибо всякая отдача въ наемъ на мѣсяцъ и *даже на годъ* меблированной квартиры подлежитъ тѣмъ же самымъ правиламъ, которыя предписаны для гостинницъ и никакой хозяинъ дома или жилецъ не можетъ отдать въ наемъ квартиры или даже одной комнаты, съ мебелью или безъ оной, человѣку чужому въ столицѣ, т. е. не имѣющему въ оной постояннаго пребыванія и который не представитъ своего письменнаго вида на гражданство,—не объявивъ объ немъ въ теченіе сутокъ Полицейскому Комисару, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ взысканія.» А извѣстно какова была строгость сего закона, новаго и установленнаго именно на этотъ случай, т. е. что тотъ кто давалъ убѣжище обвиненному другу, родственнику, брату, подвергался одинакому съ нимъ наказанію! И такъ этотъ Французскій народъ, которому Бонапарте въ своихъ пышныхъ воззваніяхъ льстилъ именемъ Великаго, онъ подготовлялъ къ раболѣпію принуждая его къ предательству. Какъ

справедлива была ненависть доброй Іозефины къ Полиціямъ того времени!

Справедливость требуетъ замѣтить что съ Моро не поступали въ Тамплѣ столь же сурово какъ съ прочими плѣнниками; это не безопасно было бы сдѣлать, ибо даже въ темницѣ своей, онъ ни на минуту не переставалъ быть предметомъ почтенія и уваженія всѣхъ военныхъ, не исключая и тѣхъ, коимъ была поручена его стража. Очень многіе изъ этихъ воиновъ, служивъ подъ его начальствомъ, помнили, сколько онъ былъ любимъ въ арміяхъ, имъ предводительствованныхъ. Онъ не имѣлъ какъ Бонапарте непреодолимаго, увлекательнаго очарованія, но привязывалъ къ себѣ умѣренностью, кротостью и справедливостью. Весь Парижъ былъ убѣжденъ, что еслибъ Моро захотѣлъ сказать одно слово солдатамъ, его стрегущимъ, то эта тюремная стража вдругъ бы превратилась въ почетную охрану, готовую исполнить все что повелитъ ей для своей безопасности Гогенлинденскій побѣдитель; и можетъ быть что оказываемое ему уваженіе и пріятность, доставленная ему дозволеніемъ ежедневно видѣть жену и дѣтей, были искусно расчислены съ тѣмъ чтобы удержать его въ предѣлахъ обыкновеннаго его характера. Притомъ же Моро такъ былъ увѣренъ въ несправедливости сдѣланнаго противъ него обвиненія, что онъ

всегда былъ спокоенъ и покоренъ судьбѣ своей, не желая вспышкою раздражить своего непріятеля, который за счастіе бы почелъ найти настоящія причины къ его обвиненію. Симъ - то соединеннымъ причинамъ, я всегда приписывалъ покорность жребію и родъ беспечности, обнаруженныя Генераломъ Моро, какъ въ тюрьмѣ такъ и въ продолженіе судопроизводства.

По окончаніи предварительныхъ допросовъ, содержавшимся въ Тамплѣ плѣнникамъ было дозволено между собою сообщеніе; и въ беспечности о жизни, внушаемой соединеніемъ молодости, несчастія и мужества, они занялись играми, служащими забавою дѣтямъ. При концѣ этихъ игръ, которыми они старались заглушить свои тягостныя чувства, былъ полученъ приказъ о перемѣщеніи плѣнниковъ въ тюрьму Консіержери. Ни одинъ изъ нихъ не лишился своей твердости и они начали собираться въ путь точно также какъ будто бы дѣло шло о простомъ переѣздѣ. Это непоколебимое постоянство особенно оказалось въ Жоржѣ, ибо въ немъ произошла тогда перемѣна, замѣченная всѣми товарищами его несчастія.

Жоржъ до сихъ поръ нагло пренебрегалъ смертью; онъ насмѣхался надъ Республикою, надъ Бонапарте и надъ его агентами, словомъ сказать, онъ обнаруживалъ скорѣе циническое мужество, чѣмъ важную и торжественную по-

корность волѣ Божіей, ознаменовавшую послѣднія минуты Лудовика XVI-го и Мальгерба. Въ минуту отбытія изъ Тампля, онъ временно прекратилъ свои ѣдкія насмѣшки и жестокія ругательства; я говорю временно, ибо ниже увидятъ, что предъ судомъ, характеръ нѣсколько разъ выводилъ его изъ круга, повидимому начертаннаго имъ себѣ при отправленіи въ Консіержери. Собравъ своихъ товарищей на дворѣ Тампля, Жоржъ сказалъ имъ рѣчь, совѣтуя имъ быть благоразумными, скромными; и убѣждая ихъ не говорить ничего такого, чѣмъ бы они могли повредить другъ другу. «Когда вы не почувствуете въ себѣ довольно твердости,» прибавилъ онъ, «то взгляните на меня и вспомните что я съ вами; вспомните что мой жребій будетъ и вашимъ; такъ, любезные дѣти, мы не можемъ имѣть разнаго жребія и это должно ободрять насъ, это украшаетъ наше положеніе. Будьте же кротки и снисходительны другъ ко другу; удвойте взаимное уваженіе; да придастъ общая судьбина новую силу вашей привязанности. Не оглядывайтесь назадъ; мы тамъ гдѣ мы есть и гдѣ Богу угодно чтобъ мы были; умирая будемъ молиться дабы отечество наше, освободясь отъ ига, надъ нимъ тяготѣющаго, вновь сдѣлалось счастливымъ подъ отеческимъ скипетромъ Бурбоновъ. Не забывайте никогда, что эта темница, которую мы покидаемъ, есть

та самая, изъ коей Лудовикъ XVI пошелъ на смерть; да просвѣтитъ васъ и да послужитъ вамъ руководствомъ высокій примѣръ его.» Такова была рѣчь, сказанная Жоржемъ своимъ товарищамъ, если не слово въ слово, то по крайней мѣрѣ въ томъ самомъ смыслѣ; въ заключеніе онъ сказалъ: «Покажите всему свѣту вашимъ видомъ, вашими рѣчами и лицемъ что вы обладаете тѣмъ мужествомъ и рѣшительностью, которыя внушали мнѣ столько къ вамъ довѣренности и которыя восторжествовали бы надъ врагами нашей вѣрности и нашего Короля, еслибъ намъ безчестнымъ образомъ не измѣнили.»

++

ГЛАВА V.

Поздравительные адресы. — Тарифъ восторга. — Братья Наполеона. — Забытыя прежнія слова Перваго Консула. — Тайные переговоры съ Сенатомъ.—Оффиціальное предложеніе Трибуна Кюре касательно наслѣдія.—*Я* присутствую въ засѣданіи Трибуната.—*Желаніе* Конституціоннаго Собранія.—Права Бонапарте на признательность Франціи. — Выгоды предложеннаго правленія.—Заключеніе.—Льстивыя рѣчи.—Камбасересъ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Преданность къ Первому Консулу Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели и свойства сего послѣдняго.—Засѣданіе Государственнаго Совѣта.— Реніо дѣлаетъ приступъ. — Сильное сопротивленіе Берлье.—Возраженіе Реніо.—Воля Наполеона о представленіи мнѣній отдѣльно.—Семь противъ двадцати.—*Подданные и мой народъ.*

Давно уже агенты Правительства были выучены во всей Франціи просить Перваго Консула о дарованіи народу того, чего онъ вовсе

не требовалъ, но что Бонапарте хотѣлъ взять, показывая видъ что уступаетъ общему желанію — верховную власть безъ ограниченій, безъ предѣловъ и безъ обмана въ наименованіи. Посему не пропустили случая недавно открытаго большаго заговора, въ которомъ Бонапарте ни на минуту не подвергался опасности, подобно какъ и при устроеніи адской машины; этимъ случаемъ, напротивъ того съ жадностью воспользовались всѣ начальства какъ Гражданскія, такъ духовныя и военныя; новый, обильный дождь поздравительныхъ адресовъ оросилъ Тюлiери и кажется что съ этой поры Полиція начала отмѣчать по своимъ спискамъ тарифъ восторга. Зная что нужно для того чтобы угодить повелителю, большая часть сочинителей адресовъ не ограничивались одними безплодными поздравленіями; они искусно намекали, что выгоды Франціи требуютъ, дабы знаменитый глава ея былъ поставленъ на такую высокую степень, гдѣ бы онъ не могъ подвергаться опасности отъ какихъ либо новыхъ, противъ него умысловъ; всѣ наконецъ обращались къ Первому Консулу съ таинственною просьбою *упрочить свое твореніе*; что для всякаго, несовершенно лишеннаго здраваго смысла — значило что пора Наполеону сдѣлаться Императоромъ съ наслѣдственнымъ правомъ. Такимъ образомъ братья его приближались къ достиже-

нію своей цѣли и какъ великое число мѣстъ было занято ихъ тварями, то Іосифъ и Луціанъ вели переписку съ чиновниками всѣхъ родовъ подстрекая ихъ усердіе приманкою быстраго производства, пышнаго титула или блистательнаго состоянія при учрежденіи новой Имперіи. Тѣ, которые въ точномъ смыслѣ поняли волю Наполеона, не побоялись при этомъ возбудить гнѣвъ его, показавъ явное сопротивленіе мнѣнію, изложенному имъ въ Государственномъ Совѣтѣ при учрежденіи пожизненнаго Консульства. Онъ дѣйствительно сказалъ: «*Наслѣдіе нелѣпо, несовмѣстно съ началами народнаго самодержавія и невозможно во Франціи.*» На этотъ разъ какъ видно, не слишкомъ уважили слова Перваго Консула, хотя сказанныя не болѣе полутора года тому назадъ.

Бонапарте въ этой сценѣ великой драмы, коей онъ былъ героемъ, сыгралъ свою ролю съ обыкновеннымъ своимъ искуствомъ, не выставляя себя внаружу и предоставляя другимъ попеченіе о подготовленіи развязки. Сенату была предоставлена честь первенства на стезѣ внушеній; поздравляя Перваго Консула съ избавленіемъ отъ заговоровъ, устроиваемыхъ чужеземцами и отъ такъ называемыхъ офиціяльно *Англійскихъ кинжаловъ*, — онъ не пропустилъ случая умолять его немедлить довершеніемъ своего творенія. Черезъ шесть дней по смерти

Герцога Ангенскаго Сенатъ объявилъ сіе желаніе. Ощущалъ ли Бонапарте раскаяніе о совершеніи безполезнаго преступленія, или онъ извѣстился о дурномъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ роковымъ событіемъ на общее мнѣніе; или наконецъ онъ нашелъ употребленныя Сенатомъ выраженія нѣсколько неопредѣлительными;—какъ бы то ни было, а онъ оставилъ этотъ адрессъ около мѣсяца безъ отвѣта и уже по прошествіи сего времени далъ знать Сенату что онъ приглашаетъ его яснѣе выразить мысль свою и вполнѣ изложить оную. Эти переговоры между Сенатомъ и Главою Правительства не тотчасъ были обнародованы; Бонапарте какъ извѣстно любилъ объявлять только о томъ что имѣло уже развязку; однакожъ для достиженія этой развязки, составлявшей цѣль его честолюбія, надобно было питаемый имъ замыселъ представить Трибунату, коему принадлежало право первоначальнаго приступа ко всякимъ мѣрамъ и Трибунъ Кюре имѣлъ честь первый предложить офиціяльно превращеніе Консульской Республики въ Имперію и возведеніе Наполеона въ санъ Императора съ правомъ наслѣдія.

Кюре представилъ свое предложеніе Трибунату въ засѣданіе тридцатаго Апрѣля; меня заблаговременно извѣстилъ о томъ Трибунъ Пере, къ назначенію котораго я имѣлъ счастіе

содѣйствовать во время бытности моей при Наполеонѣ и который доставилъ мнѣ способы присутствовать въ этомъ достопамятномъ засѣданіи, сдѣлавшемся предметомъ разговоровъ всего Парижа, а вскорѣ и цѣлаго свѣта. Кюре началъ исчисленіемъ всѣхъ бѣдствій, удручавшихъ Францію при различныхъ Правительствахъ, которыя существовали одно за другимъ послѣ Конституціоннаго Собранія; онъ вмѣнялъ въ важную ошибку этому Собранію то, что оно не перемѣнило династію Бурбоновъ перемѣнивъ форму Французскаго Правительства; онъ увѣрялъ что ни одинъ Принцъ этой фамиліи никогда бы искренно не согласился считать себя Королемъ Французовъ, но что онъ всегда бы захотѣлъ царствовать надъ Франціею по фамильному и феодальному праву. Начертавъ потомъ картину ужасовъ Конвента и мерзостей Директоріи, онъ дошелъ до 18-го Брюмера, справедливо представя оное днемъ избавленія; онъ въ тоже время кратко исчислилъ всѣ права, которыя слава съ этой эпохи собрала на главѣ завоевателя Италіи и Египта; потомъ, перешедъ къ новымъ правамъ, которыя Бонапарте пріобрѣлъ на удивленіе и признательность Франціи съ тѣхъ поръ какъ онъ держалъ въ рукахъ своихъ бразды ея правленія, — онъ показывалъ въ немъ правителя, не менѣе великаго, какъ и воина. Кюре, обратясь потомъ къ

точкѣ, съ которой онъ началъ, старался увѣрить своихъ слушателей въ томъ что желаніе Конституціоннаго Собранія осуществилось бы чрезъ восшествіе Наполеона на престолъ; что было по словамъ его единственнымъ средствомъ для утвержденія правъ свободы Франціи.

«Чрезъ сіе,» прибавилъ Кюре, «воздвигнется вѣчная преграда противъ замысловъ партій, насъ раздирающихъ. Чрезъ сіе Французскій народъ обеспечится въ сохраненіи своего достоинства, своей независимости и своихъ владѣній. Чрезъ сіе Французская армія пріобрѣтетъ увѣренность въ сохраненіи блистательнаго состоянія, вѣрныхъ вождей, неустрашимыхъ Офицеровъ и знаменитыхъ знаменъ, которыя столь часто водили его къ побѣдѣ; ей не должно будетъ страшиться ни постыдныхъ уничиженій, ни позорнаго распусканія, ни ужасовъ междоусобій, и прахъ защитниковъ отечества не подвергнется опасности, по зловѣщему предсказанію, быть развѣяннымъ вѣтромъ.

«Такъ поспѣшимъ же и требовать право наслѣдія верховному сановнику; ибо предоставивъ право наслѣдія вождю, мы препятствуемъ, какъ говорилъ Плиній Траяну, возврату властителя. Но въ тоже время дадимъ и высокое имя высокой власти; предоставимъ верховному сану величайшаго народа въ свѣтѣ, уваженіе высшаго названія. Изберемъ то, которое давая

понятie о верховномъ гражданскомъ санѣ, возбуждало бы знаменитыя воспоминанiя и въ тоже время нисколько бы не посягало на самодержавie народа. Я не вижу для главы нацiональной власти никакого титула, болѣе достойнаго блеска народа какъ титулъ Императора. Если онъ означаетъ побѣдоноснаго Консула, то кто болѣе заслужилъ носить его? какой народъ, какiя армiи были когда либо болѣе достойны предоставленiя этого титула вождю ихъ.

«И такъ я предлагаю представить Сенату желанie, которое есть общее всего народа и имѣетъ предметомъ:

«1-е Чтобы Наполеонъ Бонапарте, нынѣшнiй «Первый Консулъ былъ объявленъ Императо-«ромъ и въ этомъ званiи сохранилъ управленiе «Французскою Республикою.

«2-е Чтобы Императорское достоинство было «объявлено наслѣдственнымъ въ его фамилiи.

3-е Чтобы тѣ изъ нашихъ учрежденiй, кото-«рыя только еще начертаны, были окончатель-«но утверждены.»

Таково было заключенie этой похвальной рѣчи, которую произнесъ Кюре и я увидѣлъ множество Трибуновъ, торопившихся записаться для того, чтобы говорить и еще болѣе преувеличить сказанное сочинителемъ или лучше сказать *объявителемъ* сего предложенiя, столь очевидно проистекшаго отъ того, къ которому

оно долженствовало въ заключеніе всего обратиться. Рѣчи ихъ были одна другой льстивѣе.

Еслибъ могли возникнуть сомнѣнія на счетъ снисходительной роли, которую принялъ на себя Кюре, то всѣ они кажется мнѣ, разсѣялись бы при одномъ заключеніи: за десять дней до сдѣланія имъ сего предложенія, Бонапарте приказалъ тайно разсмотрѣть въ Государственномъ Совѣтѣ учрежденіе Имперіи и наслѣдства въ пользу его фамиліи. Я узналъ отъ одного Государственнаго Совѣтника о подробностяхъ происшедшаго въ Совѣтѣ и долгомъ считаю замѣтить съ какимъ жаромъ Камбасересъ старался споспѣшествовать, какъ въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ и послѣ въ Сенатѣ, къ тому чтобы сдѣлаться подданнымъ того, который былъ его товарищемъ въ Консульствѣ.

Около половины Апрѣля, Первый Консулъ не прибылъ въ одно изъ обыкновенныхъ засѣданій Государственнаго Совѣта, въ коихъ онъ часто присутствовалъ. Явился Камбасересъ, который по званію своему Втораго Консула занялъ предсѣдательство и Государственные Совѣтники замѣтили въ немъ видъ, болѣе торжественный чѣмъ обыкновенно, хотя онъ и всегда старался принимать на себя чрезвычайно важную осанку. Реніо де Сен-Жанъ д' Анжели, съ которымъ я иногда видался у мачихи его Г-жи де Боннёль, заговорилъ со мною объ этомъ засѣ-

данія со всѣмъ восторгомъ, который онъ дѣйствительно питалъ къ Первому Консулу. Я не былъ съ Реніо въ тѣсной дружбѣ, только мы довольно коротко съ нимъ познакомились въ эпоху 18-го Брюмера и я потомъ часто видался съ нимъ у Г-жи Бонапарте. Реніо де Сен-Жанъ д' Анжели очень свободно и очень пріятно объяснялся, имѣлъ мало глубокомыслія, но много смѣтливости и удивительную способность излагать понятія, ему внушенныя. Г. де Фонтанъ имѣлъ тоже достоинство, присовокупляя къ тому болѣе истиннаго знанія. Однакожъ я помню что Бонапарте, въ то время какъ я при немъ находился, часто говаривалъ мнѣ, что онъ предпочитаетъ изложеніе Реніо всѣмъ другимъ, кромѣ Рёдерера, хоть онъ и находилъ что Рёдереръ по его выраженію слишкомъ *спѣшитъ въ дѣлѣ*.

Реніо де Сен-Жанъ д' Анжели имѣлъ честолюбіе, но не жертвовалъ оному всѣмъ; менѣе изъ выгодъ, чѣмъ по убѣжденію предался онъ Первому Консулу. Онъ былъ непричастенъ ужасовъ Революціи и самымъ приличнымъ образомъ отозвался при мнѣ на счетъ смерти Герцога Ангенскаго. Онъ не могъ не раздѣлять чувствъ, господствовавшихъ въ семействѣ, къ коему онъ былъ привязанъ, но до такой степени ослѣплялся своимъ восторгомъ, что полагалъ учрежденіе Имперіи средствомъ къ осно-

ванію во Франціи разсудительнаго представительнаго Правительства, коего онъ былъ приверженцемъ. Когда Реніо начиналъ говорить со мною въ смыслѣ понятій своихъ на этотъ счетъ, то я давалъ ему волю, ибо положеніе мое не позволяло мнѣ съ нимъ спорить; но я очень помню что въ 1814 году мы имѣли съ нимъ разговоръ, въ которомъ, не скрывая своей привязанности къ Императору, онъ сознался въ томъ что ошибся. Я буду имѣть случай напомнить отъ этомъ разговорѣ, тогда какъ дойду до изложенія любопытныхъ и неизвѣстныхъ обстоятельствъ, которыя я знаю о возстановленіи Бурбоновъ и обо всѣхъ событіяхъ этой эпохи; теперь я сообщу только то, что Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели сказалъ мнѣ о знаменитомъ тайномъ засѣданіи, въ которомъ онъ взялся сдѣлать первоначальный приступъ.

«Давно уже,» сказалъ мнѣ Реніо, «всѣ разсудительные люди, всѣ истинные друзья земли своей желаютъ чтобы Первый Консулъ сдѣлался Императоромъ и возстановилъ бы въ пользу своего Дома древній уставъ о наслѣдіи. Это единственный способъ доставить прочность и продолжительное существованіе новымъ имуществамъ и людямъ, которые чрезъ свои достоинства, возвысились въ чины. Республика, которую я любилъ страстно, ненавидя съ тѣмъ вмѣстѣ злодѣйства Революціи, представляется

мнѣ уже только мечтою. Первый Консулъ убѣдилъ меня; онъ не для чего инаго желаетъ верховной власти какъ для того, чтобы сдѣлать Францію великою, свободною и счастливою и дабы предохранить ее отъ неистовства партій. Онъ просилъ меня сдѣлать въ Совѣтѣ къ этому приступъ и я не поколебался. Послѣ того какъ Камбассересъ сообщилъ Совѣту въ чемъ долженъ состоять предметъ разсужденія, пригласилъ насъ, отложа обыкновенную торжественность засѣданія, обратить оное въ частное совѣщаніе и удалился, я рѣшительно приступилъ къ вопросу, коего всѣ члены Совѣта ожидали и предложилъ его такимъ образомъ: «Прилично ли сдѣлать право наслѣдія основаніемъ Правительства Франціи?

Не помню въ точности всѣхъ выраженій Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели для того, чтобы говорить его словами, но у меня въ свѣжей памяти все, имъ мнѣ сказанное. Онъ первый началъ разбирать вопросъ, мною приведенный и, какъ можно себѣ представить, рѣшилъ его утвердительно, Онъ представилъ право наслѣдія единственнымъ средствомъ для предупрежденія потрясеній и волненій, неразлучныхъ съ возведеніемъ верховнаго сановника на избирательный престолъ и не отрицаюсь что въ этомъ я совершенно раздѣляю мнѣніе, которое изложилъ тогда Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. Престолы,

на которые восходятъ по выборамъ представляютъ менѣе прочности чѣмъ тѣ гдѣ непосредственный наслѣдникъ назначенъ закономъ. Это столь справедливо что древніе Императоры еще при жизни своей назначали Короля Римскаго дабы престолъ былъ уже занятъ съ самой минуты его упраздненія. Какъ бы то нибыло, а оставя въ сторонѣ вопросъ о новой династіи, которую ничѣмъ въ свѣтѣ не можно бы заставить меня одобрить, даже для пользы самого Наполеона,—я думалъ согласно съ Реніо, что наслѣдіе необходимо для правильности и хода дипломатическихъ сношеній; и лучшимъ доводомъ въ пользу его служитъ то что оно повсюду введено въ Европѣ и что чѣмъ болѣе есть сходства въ Правительствахъ, тѣмъ легче учреждать между ними связи приличій, которыя поддерживаютъ согласіе и обеспечиваютъ спокойствіе народовъ.

Реніо не скрылъ отъ меня, что его предложеніе не было принято безъ сопротивленія. «Фуркруа говорилъ въ одномъ смыслѣ со мною,» сказалъ онъ «но строгій Берліе сильно воспротивился.» Дѣйствительно въ мнѣніи, изложенномъ Берліе, замѣчалась истинно Республиканская суровость. Онъ напомнилъ органическій указъ Сената, который предвидѣлъ случай упраздненія верховнаго сана и начѣрталъ правило замѣщенія Перваго Консула; онъ сказалъ

что не видитъ причины считать неудовлетворительнымъ то что за полтора года предъ тѣмъ полагалось достаточнымъ для соглашенія общественнаго спокойствія съ нуждами общества. «Съ учрежденіемъ наслѣдія» прибавилъ Берліе, «не останется ничего изъ Республиканскаго Правленія, для котораго Франція истощила сокровища и пожертвовала миліонами людей. Притомъ же я не думаю чтобы Французскій народъ былъ расположенъ отказаться отъ того что у него осталось отъ блага, столь дорогою цѣною пріобрѣтеннаго.» Берліе выставилъ сомнительное положеніе, въ которое законъ Монархическаго наслѣдія приведетъ тѣхъ, которые въ разныхъ степеняхъ показали себя приверженцами Революціи. Онъ замѣтилъ какъ они покажутся странными и какому подвергнутся справедливому презрѣнію Роялистовъ, когда эти послѣдніе будутъ въ правѣ упрекнуть ихъ въ возстановленіи того что сами они ниспровергнули. На это, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели возразилъ что мужъ, коего Франція призываетъ въ главы своего Правительства, есть самъ сынъ Революціи, что онъ заставитъ чтить права, чрезъ оную пріобрѣтенныя и что притомъ онъ довольно силенъ для того чтобы воспрепятствовать одной партіи, восторжествовать надъ другою.

Нѣкоторые другіе Государственные Совѣтники говорили въ одномъ смыслѣ съ Берльс, но не столь сильно и не столь положительно; однакожъ большинство голосовъ оказалось на сторонѣ приверженцевъ наслѣдія, которые рѣшились поднести Первому Консулу адресъ; Совѣтники, бывшіе противнаго этому мнѣнія, вознамѣрились представить ему противо-адресъ и дабы избѣгнуть сего столкновенія мнѣній, Бонапарте, извѣстясь о томъ, далъ знать Государственному Совѣту что онъ желаетъ, дабы каждый членъ Совѣта прислалъ ему отдѣльно свое мнѣніе имъ подписанное. По довольно странному соображенію, Берлье было поручено представить Первому Консулу отдѣльныя мнѣнія Совѣта. Изъ двадцати семи присутствовавшихъ Совѣтниковъ оказалось только семь противнаго мнѣнія. Бонапарте обошелся со всѣми ими чрезвычайно ласково, и между прочимъ сказалъ имъ, что онъ желаетъ наслѣдственной власти только для большаго блага Франціи; что никогда граждане не будутъ *его подданными* и равномѣрно народъ Французскій никогда не будетъ его народомъ. Таковъ былъ въ Совѣтѣ предварительный приступъ къ офиціяльному предложенію Кюре въ Трибунатѣ; и Члены Совѣта, принявъ въ соображеніе что всякое сопротивленіе будетъ безполезно и можетъ

статься опасно для тѣхъ которые оное окажутъ—положили чтобы меньшее число голосовъ присоединилось къ бо̀льшему, что и воспослѣдовало.

ГЛАВА VI.

Приличие Императорскаго Титула.—Потребности Франціи по мнѣнію Сената.—Камбасересъ, Бонапарте и Франція.—Сенатъ отголосокъ народа.—Неопредѣлительный адресъ. — Отвѣтъ Перваго Консула.—Требованіе опредѣлительныхъ объясненій.—Притворный видъ любви къ свободѣ.—Льстивый отзывъ.—Бонапарте, названный въ первый разъ Государемъ Sire.—Пріятіе Имперіи и пышныя обѣщанія. — Первая бумага за подписью Наполеона Императора. — Большой выходъ въ Тюлієри.—Бессіеръ и Императорская Гвардія.—Слова Наполеона.—Торжественныя провозглашенія.—Органическій указъ Сената. — Возстановленіе прежнихъ формъ.—Титулы Высочества, Свѣтлости и Monseigneur.—Великіе сановники Имперіи.—Первые Маршалы Имперіи.—Республиканство Луціана. — Испанская Принцесса.—Ослушаніе.—Тайный бракъ.—Продѣлки Іосифа. — Неудовольствіе Наполеона.—Луціанъ Сенаторъ.—Отысканный важный документъ. — Цесарь, Кромвель, Монкъ и Бонапарте.

По принятіи Трибунатомъ, какъ сказано въ

предъидущей главѣ, предложенія Кюре, не было болѣе причины содержать въ тайнѣ перваго вызова Сената; и такъ адрессъ его Первому Консулу былъ напечатанъ черезъ сорокъ дней по написаніи онаго: *груша уже созрѣла!* Эта эпоха слишкомъ важна для того чтобы я не изложилъ здѣсь самыхъ примѣчательныхъ обстоятельствъ, которыя я могъ узнать тогда или въ послѣдствіи объ основаніи Имперіи посреди заговора.

Давно уже Бонапарте говорилъ мнѣ о титулѣ Императора, какъ о самомъ приличномъ для новой державы, которую онъ хотѣлъ учредить во Франціи. Онъ находилъ что это незначитъ совершенно возстановить прежній уставъ и въ особенности опирался на то, что этотъ титулъ носилъ Цесарь; онъ часто говаривалъ: «Можно быть Императоромъ Республики, но не Королемъ Республики; эти два послѣднія названія одно съ другимъ не совмѣстны.»

Въ первомъ своемъ адресѣ Сенатъ принялъ за основаніе сообщенные ему отъ Правительства документы относительно козней Драке, Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Минхенѣ, козней, о которыхъ я буду имѣть случай въ послѣдствіи говорить, ибо эти таинства политики были мнѣ вполнѣ обнаружены. Это подало Сенату поводъ неопредѣлительно выразиться на счетъ такъ названныхъ имъ нуждъ

Франціи. Дабы придать своему поступку болѣе торжественности, Сенатъ отправился цѣлымъ сословіемъ въ Тюлери; и Камбасересъ, Второй Консулъ, въ званіи Предсѣдателя произнесъ адресъ къ Первому Консулу. Такимъ образомъ Камбасересъ, говоря отъ имени Сената, между прочимъ сказалъ, что при видѣ покушеній, отъ коихъ Провидѣніе спасло Героя, нужнаго для Его намѣреній, прежде всего поражало размышленіе, что умышлять погибель Перваго Консула, значило умышлять погибель Франціи. «Англичане и эмигранты,» прибавилъ онъ, «знаютъ что ваша судьба есть судьба Французскаго народа. Еслибъ ихъ гнусные замыслы удались, то они никакъ себѣ не воображаютъ сколь жестоко имъ отмстилъ бы за то народъ.» Сенатъ укорялъ тогда Перваго Консула въ его великодушной довѣренности, которая воспрепятствовала учредить верховный національный судъ присяжныхъ для сужденія посягательствъ противъ его особы. Даже и этотъ судъ казался недостаточнымъ Сенату, который считалъ себя истолкователемъ мнѣнія народа. «Дайте намъ,» говорили Наполеону, «учрежденія, такъ соображенныя, чтобы система ихъ пережила васъ. Вы основываете новую эру, вы должны ее увѣковѣчить; блескъ ничего не значитъ безъ продолжительнаго существованія. Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что эта ве-

ликая мысль васъ занимаетъ; ибо вашъ творческій геній все объемлетъ и ничего не забываетъ; но не медлите. Васъ побуждаютъ къ тому время, происшествія, заговоры и честолюбцы; васъ побуждаетъ къ тому безпокойство, волнующее всѣхъ Французовъ. Вы можете оковать время, подчинить себѣ происшествія, обуздать заговорщиковъ, обезоружить честолюбцевъ, успокоить цѣлую Францію даровавъ ей учрежденія, которыя утвердили бы созданное вами и продолжили бы для дѣтей то что вы сдѣлали для отцевъ. Будьте увѣрены что Сенатъ говоритъ вамъ это отъ имени всѣхъ гражданъ. Всѣ удивляются вамъ и любятъ васъ и нѣтъ ни одного, который часто съ безпокойствомъ не думалъ бы о томъ что будетъ съ кораблемъ Республики, еслибъ онъ имѣлъ несчастіе потерять своего кормчаго прежде чѣмъ онъ станетъ на непоколебимыхъ якоряхъ. Въ городахъ, въ деревняхъ, еслибъ вы могли спросить всѣхъ Французовъ, одного послѣ другаго, то не нашлибы ни одного, который бы не сказалъ вамъ также какъ и мы: «Великій мужъ, доверши твое твореніе, сдѣлавъ его безсмертнымъ подобно твоей славѣ. Ты извлекъ насъ изъ хаоса прошедшаго; ты заставляешь насъ благословлять настоящее; обеспечь намъ будущее.»

Кто бы могъ устоять противъ такой лести? конечно никто; однакожъ Первый Консулъ какъ

выше сказано, не нашелъ довольно ясными выраженія, употребленныя Сенатомъ въ его адресѣ,—который сочинялъ Францискъ де Нёшато; и продержавъ этотъ адресъ у себя въ карантинѣ ожиданія, онъ сообщилъ Сенату подписанный имъ адресъ въ которомъ онъ говорилъ: «Адресъ вашъ былъ предметомъ моихъ постоянныхъ размышленій.» И хотя о наслѣдіи нислова неупоминалось въ адресѣ, а онъ прибавлялъ: «Вы признали наслѣдіе верховнаго сана необходимымъ дабы привести Французскій народъ въ безопасность отъ заговоровъ нашихъ враговъ, и отъ волненій, которыя родятся отъ соперничества честолюбій. Многія изъ нашихъ учрежденій въ тоже время показались вамъ долженствующими быть усовершенствованными для того чтобы безвозвратно утвердить торжество равенства и общественной свободы, доставя народу и Правительству двойное обеспеченіе, въ коемъ они имѣютъ нужду.

«Мы постоянно руководствовались великою истиною, что самодержавіе пребываетъ во Французскомъ народѣ въ томъ смыслѣ что все, все безъ исключенія должно дѣлаться для его пользы, для его счастія и для его славы. Для достиженія сей-то цѣли верховный санъ, Сенатъ, Государственный Совѣтъ, Законодательный Корпусъ, Избирательныя Коллегіи и раз-

личныя отрасли управленія, суть и долженствують быть учрежденными (*).

По той мѣрѣ, какъ я останавливалъ вниманіе мое на этихъ великихъ предметахъ, я болѣе и болѣе убѣждался въ истинѣ чувствъ, мною вамъ изъясненныхъ болѣе, и болѣе чувствуя, что при обстоятельствѣ стольже новомъ какъ и важномъ, совѣты вашей мудрости и вашей опытности необходимы мнѣ для окончательнаго рѣшенія.

«И такъ я приглашаю васъ вполнѣ объявить мнѣ мысль вашу.

«Французскій народъ не имѣетъ ничего прибавить къ почестямъ и къ славѣ, коими онъ окружилъ меня; но обязанность, самая для меня священная, равно какъ и драгоцѣннѣйшая для моего сердца, состоитъ въ томъ, чтобы обеспечить дѣтямъ его выгоды, пріобрѣтенныя имъ чрезъ Революцію, которая столь многоему стоила, особенно смертію миліона храбрыхъ людей, павшихъ при защищеніи правъ его.

«Желаю чтобы 4-го Іюля сего года, мы могли сказать ему: Только пятнадцать лѣтъ тому какъ пріявъ изъ добровольнаго побужденія оружіе, вы пріобрѣли себѣ свободу, равенство и славу. Нынѣ сіи первыя блага народовъ, навѣ-

(*) Пропускъ Трибуната въ этомъ исчисленіи, довольно замѣчателенъ; онъ показывалъ обѣщаніе, которое не замедлило исполниться.

ля утвержденныя, обеспечены отъ всякихъ бурь: они сохранены вамъ и дѣтямъ вашимъ: учрежденія, задуманныя и начатыя посреди бурь внѣшней и внутренней войны, съ постоянствомъ развитыя — нынѣ приведены къ окончанію, не взирая на покушенія и заговоры нашихъ смертельныхъ враговъ, чрезъ принятіе всего, что опасность вѣковъ и народовъ признала способнымъ къ обеспеченію правъ, которыя нація сочла необходимыми для своего достоинства, свободы и счастія.»

Когда по прошествіи двадцати лѣтъ съ хладнокровіемъ перечитываешь столько обманчивыхъ обѣщаній, когда сближаешь событія, показавшія въ послѣдствіи лживость оныхъ, то съ трудомъ можно постигнуть легковѣріе, съ какимъ эти обѣщанія были приняты; что касается до меня, то я не могъ быть ими обманутъ ибо слишкомъ хорошо зналъ закоренѣлую ненависть Наполеона противъ всякаго рода свободы. Я думаю, что Сенатъ былъ скорѣе соучастникомъ, чѣмъ обманутымъ, ибо никакъ невозможно было не видѣть честолюбія Наполеона и воли его учредить въ свою пользу власть болѣе неограниченную, чѣмъ какова была даже власть Людовика XIV.

По объявленіи такимъ образомъ воли Наполеона въ отзывѣ его Сенату, сіе сословіе, основанное для охраненія учрежденій, постановлен-

ныхъ Конституцiею VIII года, не могло сдѣлать ничего другаго, какъ изъявить покорность намѣренiямъ, объявленнымъ ему Первымъ Консуломъ; а посему отвѣтъ его былъ не что иное, какъ распространенное Наполеоново предложенiе. Въ немъ опредѣлительно говорилось, что наслѣдственное правленiе необходимо для счастiя, для славы и для благосостоянiя Францiи, и что это правленiе не могло быть ввѣрено никому другому кромѣ Наполеона и его семейства. Однакоже, играя въ этой искусно составленной пiэсѣ столь снисходительную ролю, Сенатъ, для лучшаго обмана толпы, не пропустилъ въ отвѣтѣ своемъ громко провозгласить, подобно Наполеону, слова *свобода* и *равенство*. Онъ даже имѣлъ смѣлость сказать, что предоставленiе Наполеону наслѣдственной власти есть вѣрное обезпеченiе свободы тисненiя, къ коей Бонапарте питалъ такую непреодолимую ненависть.

Чрезъ этотъ отвѣтъ Сената, главный шагъ былъ сдѣланъ; оставалось только учредить церемонiялъ и соблюсти формы. Эти различныя распоряженiя произвели двухнедѣльную отсрочку; наконецъ 18-го Маiя Наполеонъ былъ въ первый разъ привѣтствованъ именемъ Государя (Sire) отъ своего бывшаго сотоварища Камбасереса, который въ сопровожденiи всего Сената явился для представленiя Новому Импера-

тору органическаго Сенатскаго Указа объ учреждении Имперіи (*). Наполеонъ былъ въ Сен-Клу, куда Сенатъ отправился торжественнымъ поѣздомъ. На рѣчь Камбассереса, въ коей первый разъ явился вновь титулъ Величества, Императоръ отвѣтствовалъ.

«Все что можетъ содѣйствовать ко благу отечества, нераздѣльно связано съ моимъ счастіемъ.

«Я принимаю титулъ, который вы считаете полезнымъ для славы націи.

«Представляю на утвержденіе народа законъ о наслѣдіи. Надѣюсь, что Франція никогда не раскается о почестяхъ, которыя она предоставитъ моему семейству.

«Во всякомъ случаѣ, духъ мой не будетъ пребывать въ моемъ потомствѣ съ того дня, какъ оно перестало бы заслуживать любовь и довѣренность великой націи.»

Камбассересъ съ Сенатомъ отправились потомъ поздравить Императрицу, и такимъ образомъ сбылось для Іозефины пророчество, которое я сдѣлалъ ей три года тому назадъ въ Мальмезонѣ.

Первымъ дѣйствіемъ Бонапарте Императора, въ самый день восшествія его на Императорскій престолъ, было пожалованіе Іосифа, Вели-

(*) Смотри приложеніе въ концѣ книги.

кимъ избирателемъ съ титломъ Императорскаго Высочества, а Лудовика, Коннетаблемъ съ тѣмъ же титломъ; наконецъ Камбасереса, Архиканцлеромъ, а Лебрёна, Архиказначеемъ Имперіи. Въ тотъ же день первая бумага, на которой Бонапарте подписался Императоромъ было слѣдующее письмо, написанное имъ къ Камбасересу.

«Гражданинъ, Консулъ Камбасересъ, титулъ «вамъ перемѣнится; обязанности ваши и моя «довѣренность останутся тѣже. Въ высокомъ са«нѣ, коимъ вы будете облечены, вы покажете, «также какъ и въ званіи Консула, мудрость ва«шихъ совѣтовъ и отличные таланты, чрезъ «которые вы пріобрѣли столь важное участіе «во всемъ, что я могъ сдѣлать хорошаго.«

«Мнѣ остается только желать отъ васъ про«долженія тѣхъ же чувствъ къ Государству и «ко мнѣ.»

«Дано въ Сен-Клудскомъ Дворцѣ 28 Флореаля 12 года.

НАПОЛЕОНЪ»

подпись Императора

Скрѣпилъ: Г. Б. МАРЕ.»

Я счелъ нужнымъ помѣстить здѣсь это первое письмо Императора, потому что оно подаетъ поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, по-

видимому неважнымъ, но такъ хорошо изображающимъ характеръ Наполеона и искуство его дѣлать переходы.

Императоръ обращается къ *Гражданину Консулу* и употребляетъ еще Республиканское счисленіе времени. Отъ Республики осталось только это, и обманчивая надпись ея на монетахъ.

На другой день Императоръ пріѣхалъ въ Парижъ для большаго выхода въ Тюльери; ибо онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы откладывать пышныя наслажденія, которыя новый санъ доставлялъ удовлетворенной его гордости. Собраніе было болѣе чѣмъ когда либо многочисленно и блистательно, и на рѣчь, произнесенную отъ имени Гвардіи Бессіеромъ, Генералъ-Полковникомъ оной, Императоръ отвѣтствовалъ: «*Я* знаю чувства Гвардіи къ моей особѣ и имѣю полную довѣренность къ храбрости и вѣрности Полковъ ее составляющихъ;—*я* всегда съ новымъ удовольствіемъ вижу сподвижниковъ избѣгнувшихъ столькихъ опасностей и покрытыхъ столькими почетными ранами. *Я* всегда ощущаю удовольствіе, когда могу сказать взирая на нихъ, стоящихъ подъ знаменами, что нѣтъ ни одной битвы, ни одного сраженія, данныхъ въ продолженіи послѣднихъ пятнадцати годовъ, и во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта,

которыхъ между ими не было бы свидѣтелей и участниковъ.»

Въ тотъ же день, всѣ находившіеся въ Парижѣ Генералы и Полковники были представлены Императору Лудовикомъ Бонапарте, вступившимъ уже въ должность свою Коннетабля. Все въ короткое время приняло совершенно новый видъ. По наружности всѣ показывали удивленіе; но въ Парижѣ потихоньку надсмѣхались надъ новыми неотесанными царедворцами, что чрезвычайно сердило Наполеона, когда ему объ этомъ доносили съ тою цѣлію, дабы охладить склонность его къ людямъ прежняго Двора, какъ-то къ Графу Сегюрю, а въ послѣдствіи къ Графу Лудовику Нарбонну.

Между тѣмъ Наполеонъ, желая придать всевозможную торжественность восшествію своему на престолъ, повелѣлъ самому Сенату обнародовать въ Парижѣ органическій Сенатскій указъ, совершенно измѣнявшій прежнюю Конституцію Государства (*). По одному изъ тѣхъ уклоненій при переходахъ, которыя я часто уже

(*) Органическій Сенатскій Указъ 18 Маія, гораздо лучше было бы назвать Императорскою Конституціею. Онъ состоялъ изъ 142 статей, заключавшихся въ шестнадцати главахъ, а именно:

1. Правительство Республики ввѣрено Императору, который принимаетъ титулъ Императора Французовъ.

2. О наслѣдіи.

3. Объ Императорской фамиліи.

имѣлъ случай замѣчать, Императоръ назначилъ днемъ для этой церемоніи *Воскресенье* 30 Флореаля, что было праздествомъ для цѣлаго Парижа, между тѣмъ какъ несчастные подсудимые томились въ темницахъ Тампля.

На другой же день по восшествіи Бонапарте на престолъ, были возстановлены прежнія формы. Императоръ опредѣлилъ что Французскимъ Принцамъ и Принцессамъ будетъ присвоенъ титулъ Императорскаго Высочества; что сестры его примутъ тотъ же титулъ; что великихъ Сановниковъ Имперіи будутъ называть *Ваша*

4. О Регенствѣ.

5. О Великихъ сановникахъ Имперіи, кои суть: Великій Избиратель, Архиканцлеръ Имперіи, Государственный Архиканцлеръ, Архиказначей, Коннетабль и Великій-Адмиралъ.

6. О Великихъ Офицерахъ Имперіи.

7. О присягахъ.

8. О Сенатѣ.

9. О Государственномъ Совѣтѣ.

10. О Законодательномъ Корпусѣ.

11. О Трибунатѣ.

12. Объ Избирательныхъ Коллегіяхъ.

13. О верховномъ Императорскомъ Судѣ.

14. О Судебномъ порядкѣ.

15. Объ обнародованіи.

16. Предложеніе о наслѣдіи Императорскаго достоинства въ потомствѣ Наполеона Бонапарте, представленное на учрежденіе народа.

Въ этомъ росписаніи можно замѣтить какое мѣсто занимаютъ Законодательный Корпусъ и Трибунатъ, считаемые представителями націи и какъ далеко они откинуты, не только отъ всего приближеннаго къ особѣ Императора, но и отъ его фамиліи и отъ окружающихъ престолъ.

Свѣтлость; что Принцы и высшіе чины будутъ также именоваться *Monseigneur,* что Г. Маре, Государственный Секретарь, будетъ въ чинѣ Министра; что Министры удержатъ титулъ Превосходительства, съ присоединеніемъ къ тому названія *Monseigneur,* въ подаваемыхъ имъ просьбахъ, и что Предсѣдатель Сената будетъ именоваться Превосходительствомъ.

Въ тоже время Наполеонъ пожаловалъ первыхъ Маршаловъ Имперіи и опредѣлилъ чтобы ихъ называли Г. Маршалъ, говоря съ ними и *Monseigneur* на письмѣ. Вотъ имена этихъ сыновей Республики, превращенныхъ волею одного изъ ихъ сподвижниковъ въ подпоръ его Имперіи: Бертье, Мюратъ, Монсей, Журданъ, Малено, Ожеро, Бернадотъ, Сультъ, Брюнъ, Ланнъ, Мортье, Ней, Даву и Бельеръ.—Титулъ Маршала Имперіи былъ также предоставленъ Сенаторамъ: Коллерману, Лефебру, Перніону и Серрюрье, какъ бывшимъ главнокомандующими.

Во всемъ сказанномъ мною о титулахъ, коими Бонапарте облекъ свою фамилію и любимцевъ можно замѣтить, что имя Луціана не было произнесено; это отъ того что братья находились между собою не въ ладу; не чрезъ то какъ говорили, будто бы Луціанъ поздо вздумалъ играть ролю Республиканца; но отъ того, что онъ нехотѣлъ покориться волѣ Наполеона въ такомъ обстоятельствѣ, гдѣ этотъ послѣдній

надѣялся на готовность Луціана содѣйствовать выгодамъ его политики. Въ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ великой перемѣнѣ, которая произошла въ формѣ Правительства, не Луціанъ а Зомфъ, вѣроятно для того чтобы заставить себѣ противорѣчить, или дабы извѣдать мнѣніе, показалъ видъ сопротивленія довольно искусно сыгранный, для того чтобы обмануть нѣсколько человѣкъ и заставить повѣрить его Республиканству. Что касается до Луціана, то дѣйствительно оказавъ своему брату великія услуги въ день 19 Брюмера въ Сен-Клу и преувеличивая еще въ мнѣніи своемъ эти услуги, онъ не видѣлъ иной награды, достойной его и его честолюбія, кромѣ престола, независимаго отъ его брата. Достовѣрно, что во время нахожденія своего въ Мадритѣ, онъ простеръ свои виды до того, чтобы понравиться Испанской Инфантѣ и распространилъ на счетъ сего слухи, о которыхъ я ничего не говорю, потому что я не имѣлъ никогда случая ихъ повѣрить. Знаю только, что по смерти первой жены Луціана, Бонапарте вознамѣрился опять женить его на Нѣмецкой Принцессѣ, дабы чрезъ то вступить въ первое высокое родство. Луціанъ не захотѣлъ выполнить желаній Наполеона и вступилъ въ тайный бракъ съ женою повѣреннаго по дѣламъ Жубертона, котораго для бо̀льшаго удобства отправили на острова, гдѣ онъ вскорѣ послѣ

того умеръ. Когда Бонапарте узналъ объ этомъ бракѣ отъ самого священника, который тайно былъ призванъ въ Бріенскій отель, гдѣ Луціанъ тогда жилъ, то онъ сильно вознегодовалъ и съ той поры рѣшился не давать Луціану титула Французскаго Принца по причинѣ этаго неровнаго брака. И такъ онъ былъ только Сенаторомъ. Іеронимъ пошелъ совсемъ противоположною стезею, и сдѣлался Королемъ. Что касается до Республиканства Луціана, то оно не пережило 18 Брюмера; Луціанъ, какъ видѣли, всегда показывалъ себя самымъ жаркимъ поборникомъ наслѣдія и читатели вѣрно не забыли о книжкѣ, которую въ общемъ своемъ нетерпѣніи, оба брата, столь не въ пору, распространили въ первое время пребыванія нашего въ Тюлієри.

Этой любопытной книжки не было у меня въ бумагахъ; я думалъ что затерялся имѣвшійся у меня экземпляръ, тотъ самый, который Бонапарте бросилъ на полъ въ нашемъ Тюлієрійскомъ кабинетѣ; по счастію онъ былъ только заложенъ съ бумагою, я нашелъ его и очень радъ, что могу представить моимъ читателямъ этотъ документъ, столь же важный, какъ и любопытный, говоря о эпохѣ, когда сбылись замыслы, которые, нетерпѣніе Наполеона питало уже четыре года тому назадъ. Отыскавъ мой экземпляръ я замѣтилъ, что изъ числа зары-

тыхъ мною изъ осторожности бумагъ, онъ наиболѣе потерпѣлъ отъ времени и отъ сырости. Помѣщаю его здѣсь точно такъ, какъ онъ былъ напечатанъ съ его заглавіемъ, выносками и подчеркнутыми словами.

СРАВНЕНІЕ

между

ЦЕСАРЕМЪ, КРОМВЕЛЕМЪ, МОНКОМЪ и БОНАПАРТЕ.

Отрывокъ переведенный съ Англійскаго.

«Есть люди, которые являются въ извѣстныя эпохи для того, чтобы основывать, разрушать или возстановлять Государства. Все покорствуетъ ихъ вліянію. Судьба ихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто, столь необыкновенное, что она увлекаетъ за собою всѣхъ тѣхъ, которые сначала считали себя достойными быть ихъ соперниками. Наша Революція до сихъ поръ производила болѣе великихъ событій, чѣмъ людей. Вожди, слишкомъ слабые, хотѣвшіе управлять оною, одинъ послѣ другаго падали. Она казалась движимою какою-то слѣпою силою, которая уничтожала и ниспровергала все предъ собою. Десять лѣтъ уже какъ искали твердой, искусной руки, которая могла бы все остановить и все поддержать.

«Пока еще не учредилось, такъ сказать нѣкоторой соразмѣрности между величiемъ обстоятельствъ и людей, между силою вещей и талантовъ,—народъ и Государство, безпрестанно волнуемые, долженствовали пребывать въ вѣчномъ кругѣ перемѣнъ и ниспроверженiя. Для возстановленiя порядка въ эту достопамятную эпоху, былъ надобенъ мужъ, достойный самъ служить эпохою Французскому н ароду. Мужъ сей явился. Кто не узнаетъ его въ Бонапарте?

«По удивительной его судьбѣ, его неоднократно уже уподобляли всѣмъ необыкновеннымъ людамъ, являвшимся на сценѣ свѣта. Я не вижу въ послѣднихъ вѣкахъ никого, имѣющаго съ нимъ сходство.

«Нѣкоторые поверхностные или недоброжелательные наблюдатели, принаровили его къ Кромвелю. Нѣкоторые съумазброды надѣятся найти въ немъ новаго Монка; Францiя и Европа находятъ въ немъ болѣе разительное сходство съ Цезаремъ.

«Кромвель началъ плутовствомъ и лицемѣрiемъ ролю, оконченную имъ тиранствомъ и угрызенiями совѣсти. Его первое появленiе не было ознаменовано тѣмъ блескомъ, который возвѣщаетъ вселенной людей, созданныхъ для владычества надъ оною.

«Открываю его исторiю и прежде всего ви-

жу юность его, терлемую въ низкихъ удовольствіяхъ. Вдругъ перемѣнивъ ролю, онъ показываетъ видъ самой строгой нравственности; онъ дѣлается восторженнымъ и богословомъ; онъ хочетъ быть священникомъ и Эпископомъ. Наскучивъ духовнымъ званіемъ онъ кидается на военное поприще. Онъ былъ съ Букингамомъ въ жалкой экспедиціи противъ острова Ре, въ которой геній Ришельё восторжествовалъ надъ Англичанами. Кромвель не предвѣщалъ тогда никакими разительными качествами жребія, нѣкогда его ожидавшаго. Ничто не отличало его отъ другихъ, обыкновенныхъ Офицеровъ. Средства его возвышенія были болѣе пріуготовлены другими, чѣмъ имъ самимъ. Войска, доставившія ему побѣды, были обучены Ферфиксомъ. Однимъ словомъ историки (*) хвалили его болѣе какъ искуснаго Офицера, чѣмъ какъ великаго Полководца. Притомъ же его военные таланты, каковы бы оные ни были, нигдѣ не обнаруживались кромѣ какъ противъ своего отечества. Онъ былъ Апостоломъ, вождемъ и, если угодно, героемъ междоусобной войны. Но онъ не былъ *однимъ изъ тѣхъ завоевателей, которые раждаются въ назначенный день для возобновленія свѣта.* Еще того менѣе

(*) Смотри Рапина де Тойраса, Гума, Гаври и проч. современыя хроники.

имѣлъ онъ славы миротворца. Однимъ изъ первыхъ его подвиговъ было разграбленiе Университетовъ Кембриджскаго и Оксфордскаго, обителей наукъ. Съ Профессорами, по его приказанiю было поступлено самымъ недостойнымъ образомъ: ихъ сѣкли розгами, почти передъ его глазами. Мрачный фанатизмъ, врагъ литературы и искуствъ, руководствовалъ всѣми его дѣянiями. Духъ его армiи былъ столько же жестокосердъ, какъ его собственный. Какое наконецъ было слѣдствiе всѣхъ его успѣховъ? ужасное злодѣйство, котораго даже самые закоренѣлые враги Государей, не смѣютъ оправдывать.

«И кто не вознегодуетъ въ самомъ отдаленномъ потомствѣ на злодѣянiе Кромвеля! сколь люто и безчестно было его поведенiе съ злополучнымъ Карломъ Первымъ, который ничѣмъ его не оскорбилъ и ввѣрился его обѣщанiямъ. Кромвель, вмѣстѣ и тюремщикъ, и палачъ своего Государя; Кромвель, который изъ окна, выходящаго на Цайтгальскую площадь, имѣлъ жестокость видѣть паденiе главы, имъ осужденной; Кромвель, не смотря на его побѣды, кажется въ самую достопамятную эпоху его жизни, могъ служить образцемъ только свирѣпому Робеспьеру и подлому Орману. Этимъ двумъ чудовищамъ недоставало только храбрости для того, чтобы совершенно ему уподобиться. И что я говорю? . . . Достойные вѣ-

ры писатели (*) говорятъ, что мать Кромвеля была крови Стуартовъ и что убійца былъ родственникъ жертвы: это новое сходство съ Филиппомъ Орлеанскимъ должно дѣлать Кромвеля еще болѣе ненавистнымъ и преступнымъ. Итакъ Англійскій хищникъ престола есть искусный убійца, а не блистательный герой. Это глава партіи, скорѣе чѣмъ глава народа. Онъ обладалъ большимъ умомъ, но душа его не имѣла въ себѣ ничего высокаго; характеръ его представляетъ разительныя черты, но поведеніе его было гнусно; онъ навсегда сохранитъ ужасную именитость; но посрамленное имя его не пріобрѣло славы.

«Можетъ ли такой человѣкъ, въ какомъ либо отношеніи быть сравненъ съ Бонапарте?

«Юность, воспитаніе Французскаго Героя, были совершенно воинственныя. Онъ былъ уже знаменитъ въ томъ возрастѣ когда Кромвель, занятый жалкими богословскими преніями, даже не могъ подозрѣвать того, что онъ нѣкогда пріобрѣтетъ какую либо славу. Да вспомнятъ эпоху, въ которую Бонапарте получилъ предводительство Италіянскою Арміею: едва только окончилъ онъ свою воинскую науку, какъ уже сталъ на ряду съ величайшими полководцами. Нѣсколько оробѣвшихъ солдатъ, безъ продовольствія, безъ жалованья, безъ магазиновъ, сла-

(*) Гушъ, Рапинъ де Тойрасъ и проч.

бо защищали южныя границы противъ союзныхъ Державъ. Бонапарте является. Онъ вскорѣ создалъ армiю; противъ всѣхъ препонъ дѣятельность его прiискиваетъ средства. Крѣпости Пiемонта предъ нимъ падаютъ. Старинная и знаменитая тактика Генерала Больё уступаетъ смѣлости двадцати-четырехъ-лѣтняго вождя. Опытность побѣждена генiемъ. Вурсизеръ подвергается томуже жребiю какъ и Бальё. Вся Италiя покорена Французскому владычеству. Бонапарте продолжаетъ свои успѣхи. Онъ перемѣняетъ, опредѣляетъ и передвигаетъ по своему произволу границы государствъ. Онъ чтитъ вѣру побѣжденныхъ народовъ. Онъ приводитъ въ трепетъ гордость царей и въ тоже время оказываетъ уваженiе слабости Главы Церкви. Онъ не хочетъ идти въ Римъ, который онъ бы могъ покорить, но приближается на растоянiе тридцати миль отъ Вѣны и заключаетъ съ Эрцгерцогомъ *Кампо-Формiйскiй договоръ*, который обезпечилъ бы благоденствiе Францiи и спокойствiе Европы, еслибъ не были потеряны плоды стольких побѣдъ. Поражая враговъ Францiи, прiобрѣтая намъ новыя области, покрывая лучами своей славы *чужiя преступленiя*, Бонапарте взошелъ на первое мѣсто. Какой законный упрекъ могутъ ему сдѣлать враги Революцiи? *Бѣдствiя*, *сю произведенныя*, *начались прежде его*. Блескъ, оказанныхъ имъ услугъ, нѣ-

сколько разъ встревоживалъ деспотовъ Франціи. Онъ налагалъ предь ними безмолвіе на свою славу. Дабы избѣгнуть ихъ зависти онъ, какъ говорятъ, перенесъ величіе свое и побѣду въ дальнія страны. Но хотя бы сему была и не та причина, а быстрое и почти чудесное завоеваніе Египта, тѣмъ не менѣе онъ напоминаетъ Александра и Цесаря, которые побѣждали въ тѣхъ же мѣстахъ. Возвращеніе побѣдителя еще болѣе удивляетъ, чѣмъ отъѣздъ его. Онъ возвращается, тогда какъ наши бѣдствія опять сдѣлались чрезвычайными; тогда, какъ мы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе претерпѣвали пораженій; онъ возвращается, и Франція воспринимаетъ спокойствіе! и Италія вновь завоевана одною битвою! И миръ, столько разъ ожидаемый, обѣщаетъ намъ вскорѣ закрыть раны отечества!

«Дерзните теперь сравнивать Кромвеля съ Бонапарте! Чувствуемъ изумленіе и содрагаемся, читая Исторію перваго; удивленіе и надежда возникаютъ при чтеніи исторіи послѣдняго. Одинъ разрушалъ, другой возстановляетъ; одинъ возбуждалъ междоусобія и терзалъ свое отечество для того, чтобы самому возвыситься; другой достигъ тогоже, восторжествовавъ надъ иноземными врагами и прекративъ междоусобія. Кромвель былъ неизвѣстенъ въ сорокъ лѣтъ; а Бонапарте, съ самой юности своей, былъ уже ге-

роемъ. Первый обманывалъ вѣкъ свой; вторый просвѣтилъ его. Одинъ оскорблялъ ученыхъ, другой чтитъ ихъ. Одинъ хотѣлъ владычествовать чрезъ заблужденія, другой чрезъ просвѣщеніе. Кромвель взялъ нѣсколько городовъ, Бонапарте завоевалъ цѣлыя государства. Кромвель умертвилъ своего Короля; Бонапарте поспѣшилъ уничтожить ненавистный праздникъ, установленный палачами своего Государя; и между тѣмъ какъ имя Англійскаго *Протектора* внесено навѣки въ списокъ счастливыхъ тирановъ, —Первый Консулъ заслужилъ уже себѣ мѣсто рядомъ съ величайшими героями древности.

«Должно ли отвѣтствовать тѣмъ, которые ищутъ въ Монкѣ отношеній не менѣе нелѣпыхъ и еще болѣе недостойныхъ завоевателя Италіи? Генерала Монка сравнивать съ Бонапарте! Монка, переметчика всѣхъ партій! Монка, который не имѣлъ ни одного качества высшей степени, который попеременно былъ приверженцемъ Короля, Парламента и Кромвеля, и котораго двусмысленный, нерѣшительный характеръ оставляетъ еще Исторію въ сомнѣніи, хотѣлъ ли онъ точно взять сторону Республики или Монархіи! Неужели по нѣсколькимъ ничтожнымъ походамъ, сдѣланнымъ Монкомъ, между утесами Шотландіи, можно найти въ немъ соперника тому, котораго трофеи покрываютъ Европу, Азію и Африку? Неужели въ извѣстной медленности, нерѣши-

тельности и безпечности перваго хотятъ искать сравненій съ самымъ дѣятельнымъ, съ самымъ предпрімчивымъ изъ полководцевъ? Титулъ Герцога Альбемарля удовлетворилъ гордость Монка и послужилъ ему утѣшеніемъ въ его праздной старости (*); но неужели полагаютъ что Маршальскій жезлъ или мечъ Коннетабля достаточенъ для мужа, *предъ коимъ умолкла вселенная,* для разрушителя царствъ? . . . развѣ не знаютъ что есть извѣстныя судьбины, призывающія на первое мѣсто; что Бонапарте слишкомъ великъ для того, чтобы играть второстепенную ролю? а притомъ, еслибъ онъ когда либо могъ сдѣлаться подражателемъ Монка, то развѣ не видятъ, что Франція опять погрузилась бы въ ужасы новой Революціи? Бури, вмѣсто того, чтобы усмириться, вновь бы со всѣхъ сторонъ воздвиглись? видали возстановленіе свергнутыхъ съ престола Государей, когда они имѣли мужество и сердца народа; *но Короли, претерпѣвшіе униженіе, лишены всякихъ средствъ.* Всѣ ослѣпленія, поддерживавшія престолъ ихъ, изчезли; они должны уступить той скрытной, непреодолимой силѣ, которая правитъ вселенною и располагаетъ тронами, какъ и всемъ прочимъ. Лѣтописи всѣхъ народовъ, даже наши, наполнены по-

(*) Историки замѣчаютъ, что Монкъ былъ очень праздно любивъ и что, сдѣлавшись Герцогомъ Альбемарлемъ, онъ совершенно предался лѣни.

добными перемѣнами. Наши предки видѣли вторгнувшимся въ чертоги праздролюбивыхъ Королей племя великихъ людей, долженствовавшее заступить мѣсто Кловисова. При упадкѣ Королей Карловинскихъ, когда Монархія была близка къ уничтоженію, внезапно явился необыкновенный мужъ, котораго ни одинъ историкъ не зналъ въ точности происхожденія и котораго великія качества сдѣлали вождемъ Французовъ. Время, чрезъ необъятное разнообразіе событій, неоднократно приводитъ тѣже причины и тѣже дѣйствія; и тотъ, кто хорошо знаетъ прошедшее, могъ бы предвидѣть будущее. Мартелямъ и Карломанамъ, а не Монкамъ прилично уподоблять Бонапарте.

«Надобно прейти двѣ тысячи лѣтъ дабы сыскать человѣка, въ нѣкоторомъ отношеніи, на него похожаго. Человѣкъ сей есть Цесарь.

«Цесарь въ самой юности своей, явилъ знаки своего будущаго величія. Онъ, какъ бы чудомъ, избѣгнулъ предусмотрительности Силлы, который видѣлъ въ немъ не одного Марія; онъ восторжествовалъ въ трехъ частяхъ свѣта; онъ покорилъ народы самые варварскіе и самые образованные; онъ обезсмертилъ себя въ Италіи, въ Галліи и въ Африкѣ. Бонапарте прославился въ томъ же возрастѣ и въ тѣхъ же странахъ. Азіятскія ополченія и лучшія войска Европы признали его превосходство. Оба они

родились посреди междоусобій и оба ихъ прекратили; но Цесарь исполнилъ сіе поработивъ болѣе правую сторону, а Бонапарте ополчивъ гражданъ противъ партіи разбойниковъ: и здѣсь Бонапарте, и Цесарь, сходствуя между собою какъ воины, различествуютъ какъ политики.

«Дѣйствительно Цесарь возбудилъ ярость толпы противъ мудрости Патриціевъ, которая была истиннымъ оплотомъ свободы: Брутъ, напавъ на Цесаря, защитилъ общественный порядокъ отъ безначалія, собственность отъ земледѣльческаго закона, народъ отъ черни. Робеспьеръ и соумышленники его, призывавшіе имя Брута, были осуждаемы и дѣйствіями его, и ученіемъ (*). Революціонное невѣжество все смѣшало; пора возстановить истинныя понятія исторіи и политики: *Брутъ вооружился противъ демагоговъ; а Цесарь былъ вождемъ демагоговъ.* Онъ достигъ верховной власти, заглушивъ голоса добрыхъ гражданъ неистовыми криками толпы. Бонапарте, напротивъ того, ополчилъ сословіе владѣльцевъ и просвѣщенныхъ людей противъ бѣшеной толпы. Клики солдатъ были единственнымъ одобреніемъ Диктатора; а власть Перваго Консула была освящена утвержденіемъ трехъ милліоновъ гражданъ, подавшихъ голоса свои отдѣльно и съ полною свободою. Первый

(*) Смотри знаменитое его письмо къ Цицерону.

Консулъ не только не ниспровергъ всѣхъ блюстительныхъ понятій общества, но возвратилъ имъ прежнюю ихъ силу. Онъ покровительствуетъ всѣмъ сословіямъ Государства; но старается сдѣлать почетнымъ то, котораго собственность, свѣдѣнія, обязанности или выгоды, необходимѣе призываютъ къ поддержанію общественнаго состава. Однимъ словомъ, Цесарь былъ *похититель и народный Трибунъ*, Бонапарте есть *законный Консулъ*.

«Эта различная стезя двухъ героевъ зависѣла можетъ быть отъ обстоятельствъ, въ которыхъ тотъ и другой находились; но впрочемъ нельзя отрицать того, что характеръ ихъ и судьбина имѣли разительное между собою сходство.

«Взгляните на Цесаря когда, плывя по Эпирскому проливу на ненадежной ладьѣ, носимой бурею, онъ говоритъ рыбаку, его везущему: *не страшись ничего, ты везешь Цесаря и его судьбину.* Взгляните на него когда онъ на минуту останавливается у Рубикона и вдругъ поставя судьбину свою на другой берегъ, внимаетъ гласу, призывающему его къ обладанію міромъ.

«Не тотъ ли это самый геній, который, въ ту минуту какъ онъ приставалъ къ берегу Египта, при видѣ Англійскаго флота, побудилъ его воскликнуть: *О фортуна! еще два дня.*

«Не думаешь ли, что читаешь депешу Цесаря, когда Бонапарте пишетъ въ одномъ изъ до-

О возраждающіяся вновь бѣдствія! еслибъ Бонапарте былъ вдругъ похищенъ у отечества! гдѣ его преемники? гдѣ учрежденія, которыя могли бы поддержать его примѣры и увѣковѣчить его геній? Судьба тридцати миліоновъ людей зависитъ отъ жизни одного только человѣка! Французы, что сдѣлалось бы съ вами, если бы плачевный вопль возвѣстилъ вамъ, что этотъ человѣкъ престалъ существовать? Подпалиль бы вы опять владычеству собранія? Увы! десять лѣтъ волненій, заблужденій и бѣдъ, научили уже васъ, чего вы можете ожидать отъ онаго. Очень близки еще отъ васъ тѣ ужасные дни, когда власть, безпрестанно раздѣляемая, предоставляла судьбу вашу произволу партій, когда тиранія повсюду находилась, поелику истинной власти нигдѣ не существовало. Она нынѣ существуетъ эта охранительная власть: *но ничто не обезпечиваетъ оную, ни для васъ, ни для потомковъ вашихъ*. И такъ вы опять можете очутиться посреди предателей, темницъ и эшафотовъ; вы можете завтра при вашемъ пробужденіи опять увидѣть себя на кровавой стезѣ Революціи.

«Если тиранія собраній васъ устрашаетъ, то кто будетъ вашимъ прибѣжищемъ, кромѣ военной власти? Гдѣ преемникъ Перикла? гдѣ герой, котораго единогласная довѣренность народа и арміи спокойно поставитъ Консуломъ

и который будетъ умѣть удержаться въ этомъ званіи? . . . Вы конечно обрѣтете великіе таланты въ вашихъ военныхъ вождяхъ; но кто поручится вамъ за то, что армія не раздѣлится въ своей привязанности? что каждый изъ Генераловъ не будетъ имѣть своихъ приверженцевъ? По смерти Александра узрѣли только пагубные раздоры, кровавыя битвы, ужасныя революціи. Наслѣдники его, бывшіе нѣкогда друзьями, сподвижниками въ побѣдахъ и завоеваніяхъ, — устремясь къ верховной власти, одни изъ честолюбія, другіе по желанію воиновъ, ими предводительствуемыхъ, вскорѣ причинили разрушеніе Государства, которое они нѣкогда столь достославно защищали. О мое отечество! не ужели бѣдствія древнихъ Республикъ и твои собственныя останутся безполезными? . . .

«Приверженцы низложеннаго Дома возстанутъ противъ моего гласа: они конечно закричатъ, что они не хотятъ ни *Собраній*, ни *Императоровъ*, но что законный Король находится на границахъ нашихъ. Законный Король! Несчастные! едва избѣгнувъ одной Революціи, вы уже накликаете новую? . . . Взгляните на Англію при возвращеніи Карла II-го. . . Со всѣхъ сторонъ кровь струится по ея почвѣ.—Люди безвѣстные, философы, воины, падаютъ подъ сѣкирою мести . . . Взгляните на Неаполь; вы услышите клики, раздававшіеся при пролитіи

крови на улицахъ, въ чертогахъ, на площадяхъ; последуйте въ ихъ бѣгствѣ чрезъ моря за этими бѣглецами, несущими съ собою нищету и отчаяніе! . . . —Вотъ жребій вашъ если Бурбоны когда либо опять вступятъ на престолъ... Вы бы имѣли еще революцію десять, можетъ быть двадцать лѣтъ, и дѣти ваши получали бы въ наслѣдіе междоусобную войну.

«Французы! таковы опасности отечества: каждый день вы можете подвергнуться вновь владычеству Собраній, игу С*** или Бурбоновъ... Каждую минуту спокойствіе ваше можетъ изчезнуть . . . Вы спите надъ бездною! ! . . . и сонъ вашъ покоенъ! . . . Безразсудные! ! . . .»

Къ сколькимъ размышленіямъ могло бы подать поводъ приведенное мною сочиненіе, котораго я уже прежде разсказалъ исторію! Ограничусь двумя или тремя замѣчаніями. Не говоря уже о глубокомысліи Наполеона при сужденіяхъ его и оцѣнкѣ людей, съ коими онъ пріемлетъ или отвергаетъ сравненіе себя; не поразитъ ли всякаго удивленіе при мысли что это, такъ сказать, его произведеніе; ибо Фуше видѣлъ рукопись у Луціана съ собственоручными отмѣтками Перваго Консула? Что касается до меня, то я нахожу въ немъ какую то наглость славы, которая вполнѣ напоминаетъ мнѣ Наполеона. Съ такимъ горделивымъ убѣжденіемъ онъ ставитъ себя выше всѣхъ героевъ, съ которыми онъ

себя сравниваетъ! Какимъ притомъ свѣтомъ эти замыслы, заблаговременно обнаруженные, озаряютъ событія, въ коихъ они постепенно свершались до совершеннаго исполненія оныхъ чрезъ основаніе Имперіи! Но какъ постигнуть, что Луціанъ и Бонапарте, или лучше сказать Бонапарте одинъ, собравъ въ такой небольшой книжкѣ всѣ сокровища своихъ историческихъ сужденій, могъ прибѣгнуть къ такой политикѣ, неловкой хитрости, для того чтобы обмануть на счетъ происхожденія этого отрывка? Въ заглавіи сказано, будто бы онъ *переведенъ съ Англійскаго*, а съ первыхъ строчекъ видно что пишетъ Французъ, ибо онъ говоритъ *наша Революція*, говоря о Французской Революціи. Эта странность была бы для меня неизъяснимою, еслибъ я не видалъ, что Бонапарте соединялъ иногда то, что можно назвать вздоромъ, съ обширнѣйшими соображеніями своего генія.

++

ГЛАВА VII.

Присяга Почетнаго Легіона. — Францискъ де Нёшато. — Льстивыя рѣчи. — Сократъ и Фенелонъ. — Покорность или война.—Вліяніе Бонапарте на Принцевъ Германіи.— Указъ Великаго Герцога Баденскаго, предписанный изъ Парижа. — Изгнаніе Эмигрантовъ изъ Великаго Герцогства Баденскаго. — Козни Англіи. — Ложныя вѣсти, распространяемыя съ примѣненіемъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. — Главная квартира козней. — Драке въ Мюнхенѣ. — Перехваченная переписка. — Заблаговременное обнародованіе оной.—Замыселъ Англіи ниспровергнуть Правительство Наполеона. — Циркулярное письмо Министра Внѣшнихъ Сношеній къ Членамъ Дипломатическаго Корпуса. — Списокъ Дипломатическаго Корпуса. — Великое искуство Наполеона.

«Клянусь моею честью посвятить себя *служ*«*бѣ Республики*, сохраненію въ цѣлости ея вла«дѣній, защитѣ ея Правительства, ея законовъ и

«утвержденныхъ оными имѣній; сопротивляться «всѣми способами, дозволенными справедливо«стью, разсудкомъ и законами—всякому пред«пріятію, клонящемуся къ возстановленію фео«дальнаго управленія, *къ введенію вновь титловъ и «достоинствъ, бывшихъ принадлежностью онаго;* «наконецъ содѣйствовать всѣми моими силами «*къ поддержанію свободы и равенства.*» Какая это была присяга? та, которую давали всѣ члены Почетнаго Легіона при полученіи ими грамоты. Ни одинъ изъ прежнихъ рыцарей Республики не вспомнилъ объ этой присягѣ, тогда какъ они возвели Наполеона въ Императорскій санъ; ибо нельзя полагать, чтобы Г. Францискъ де Нешато намекалъ на оную тогда какъ, представляя Сенатъ для произнесенія присяги Императору, онъ между прочимъ сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Когда Ваше Величество, исправляя столь многія разрушенія, *возстановляете у насъ также и обрядъ присяги*, то мы должны хорошенько поразмыслить о предметѣ и обширности ненарушимыхъ обѣщаній, которыя мы готовимся вамъ дать.» Рѣчи, послѣдовавшія за восшествіемъ Бонапарте на Императорскій престолъ, терявшіеся тогда отъ великаго ихъ множества, отъ льстиваго ихъ единообразія и заглушаемыя, надобно сказать, необдуманнымъ восторгомъ, — сдѣлались теперь любопытными памятниками, которые читаешь

съ какимъ-то изумленiемъ. Съ трудомъ постигаешь чтобы степенные люди могли возобновить въ просвѣщенный вѣкъ тѣ Римскiя безумiя, когда народъ воздвигалъ Сежану статуи и потомъ разбивалъ эти низвергнутыя статуи.

Да позволено мнѣ будетъ, при описанiи сей великой эпохи, сказать еще нѣсколько словъ объ этихъ рѣчахъ, которыхъ сочинители, не знали уже что выдумывать дабы преувеличить лесть свою до такой степени, которую можно бы счесть даже невозможною. Не только они говорили отъ своего имени, но призывали на память все что только могло усилить расточительность ихъ похвалъ; нѣкоторые заставляли говорить Сократа и Фенелона, «что народъ, избалованный чрезмѣрною свободою, есть самый несносный изъ всѣхъ тирановъ, и что чернь, возставшая противъ законовъ есть самый наглый изъ всѣхъ владыкъ.» Какiя рѣчи могли быть способнѣе, для утвержденiя Императора съ самыхъ первыхъ дней его могущества, въ презрѣнiи его къ народной свободѣ? Когда онъ уничтожалъ сiю свободу, то его поздравляли съ тѣмъ что Францiя ему обязана за свободныя понятiя, которыя онъ хотѣлъ искоренить.

Но оставляя эти скучныя преувеличенiя, которыя всегда внушали мнѣ такое сильное отвращенiе, я разскажу то, что мнѣ было тогда извѣстно о невѣроятномъ влiянiи, какое Бо-

напарте, при самомъ основаніи Имперіи, имѣлъ на Державы, не смѣвшія еще открыто противъ него возстать. Я очень внимательно изучалъ политику Наполеона и вывелъ заключеніе, что онъ такъ увлекался своимъ честолюбіемъ и потребностью владычествовать, что никакое сношеніе, на правахъ равенства, между другою Державою и имъ, не могло быть продолжительно; другимъ Государствамъ Европы оставался только выборъ между покорностью и войною. Что касается до второстепенныхъ владѣтелей, то ихъ съ тѣхъ поръ можно было считать какъ бы подвластными Французскому Правительству; и какъ они не могли сопротивляться, то Бонапарте заблаговременно пріучилъ ихъ покорствовать игу—его волѣ. Что можетъ служить лучшимъ доказательствомъ этого самовластнаго вліянія, какъ происшедшее въ Карлеруэ послѣ нарушенія поземельныхъ правъ Бадена для взятія подъ стражу Герцога Ангенскаго? Не только не дозволивъ себѣ никакого замѣчанія противъ этого насильствія, столь явно нарушившаго права людей, Великій Герцогъ Баденскій принужденнымъ нашелся издать указъ, очевидно предписанный ему Наполеономъ. Въ этомъ указѣ было сказано, что какъ многіе изъ служившихъ прежде въ арміи Конде, дерзнули прибыть въ окрестности Карлеруэ, то Его Курфирстерское Высочество долгомъ считаетъ по-

велѣть что бы никакому лицу, возвращающемуся изъ арміи Конде, равно какъ вообще никакому Французскому эмигранту, не получившему на то дозволенія прежде мира, не было дозволяемо имѣть другаго пребыванія, кромѣ того которое предоставляется иностраннымъ путешественникамъ.

Можетъ ли что либо быть унизительнѣе покорности, выраженной въ слѣдующемъ параграфѣ: «По случаю требованія Французскимъ Правительствомъ задержанія нѣкоторыхъ поименованныхъ эмигрантовъ замѣшанныхъ въ заговоръ противъ Конституціи (*) и взятія ихъ подъ стражу военнымъ отрядомъ, Его Курфирстерское Высочество принужденнымъ находится признать, что пребываніе эмигрантовъ въ его владѣніяхъ вредно для спокойствія Имперіи и подозрительно Французскому Правительству; въ слѣдствіе чего онъ признаетъ необходимымъ возобновить во всей строгости запрещеніе Французскимъ эмигрантамъ жить въ его владѣніяхъ; распространяя сіе запрещеніе на всѣ свои земли какъ прежнія такъ и новыя, и уничтожая симъ всѣ дозволенія ограничен-

[*] Какой Конституціи? . . . Баденской? . . . Оной не существовало. Французской Конституціи? . . . Она была близка къ концу своему; и одинъ Бонапарте долженствовалъ ее уничтожить.

ныя, или неограниченныя, данныя прежнимъ или нынѣшнимъ Правительствомъ; повелѣвая сверхъ того дабы всѣ тѣ, которые не представятъ немедленно доказательствъ объ исключеніи своемъ изъ списка эмигрантовъ или покорности своей Французскому Правительству, были высланы; а если добровольно не выѣдутъ въ теченіе трехсуточнаго срока, то были бы выпровождены за границу.»

Таково уже было вліяніе Наполеона на Германію, коей Принцы, сообразно съ выраженіемъ, употребленнымъ имъ въ одномъ изъ послѣдовавшихъ указовъ, долженствовали быть *стерты* великими соображеніями Имперіи.

Соблюдая справедливость и не оправдывая впрочемъ Наполеона, я долженъ сознаться, что козни, устроиваемыя Англіею во всѣхъ мѣстахъ твердой земли, долженствовали по свойству своему, довести до высшей степени его врожденную раздражительность. Агенты Англіи были разсѣяны по всей Европѣ, разнообразя слухи, которые имъ было приказано распространять, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Такъ напримѣръ, между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ носился слухъ, что Франція посылаетъ великое число войскъ въ Италію, что на Адижѣ разбитъ даже лагерь для сорока тысячъ человѣкъ, въ Константинополѣ увѣряли, будтобы Французскій флотъ съ высадною арміею гото-

вится плыть въ Морею и въ Египетъ, и что даже видѣли уже Французскія войска, идущія къ Таренту. Въ Берлинѣ разсказывали совсѣмъ другое: тамъ говорили о тридцатитысячномъ лагерѣ, долженствовавшемъ собраться въ Герцогствѣ Клевскомъ. Въ Даніи выдавали за вѣрное, что сорокотысячная армія идетъ въ Гановеръ, не только для усиленія войскъ, оный занимающихъ, но съ очевидною цѣлію напасть на Гольштейнъ и запереть Зундъ. Даже въ самомъ Парижѣ, повѣренные Англичанъ, незамѣчаемые Полиціею, вторили подъ рукою этимъ вѣстямъ: то Турецкая армія, уже прибывшая въ Морею, располагала напасть на наши войска, стоявшія въ нижней Италіи; то Русскій флотъ вооруженный въ Чермномъ морѣ, готовился плыть въ Средиземное море, для содѣйствія Туркамъ; то Австрійская армія вступила въ Швабію между тѣмъ какъ другой отрядъ оной составлялся въ Тиролѣ; наконецъ говорили о лагеряхъ, разбитыхъ въ Польшѣ гдѣ Русская и Прусская арміи долженствовали соединиться для исполненія совокупнаго плана атаки и выгнать Французовъ изъ Гановера.

Всѣ эти слухи были ложны, но легковѣріе хватало ихъ, а пройдохи старались, смотря по своимъ выгодамъ, внушить къ нимъ нѣкоторую вѣру. Главная квартира этихъ козней была въ Минхенѣ, гдѣ Драке, Великобри-

танскій повѣренный, въ дѣлахъ имѣлъ главное оною управленіе. Козни Драке надѣлали тогда много шуму, и я буду еще имѣть случай ниже говорить объ оныхъ. Переписка его, перехваченная Французскимъ Правительствомъ, была сначала присоединена къ прочимъ документамъ суднаго дѣла производимаго надъ Жоржемъ, Моро и прочими обвиненными; но въ продолженіи допросовъ, главный судья получилъ повелѣніе отдѣлить ее и представить объ оной особый докладъ Первому Консулу, съ тою цѣлью, дабы заблаговременное обнародованіе оной подѣйствовало на общее мнѣніе, расположивъ оное неблагопріятнымъ образомъ для тѣхъ, которыхъ хотѣли погубить. Достовѣрно, что наставленія, которыя Драке далъ подчиненнымъ ему агентамъ, не оставляли никакого сомнѣнія на счетъ умысла Англіи ниспровергнуть правительство Бонапарте. Онъ писалъ къ одному человѣку, отправленному для объѣзда по Франціи: «Такъ какъ главная цѣль «вашей поѣздки состоитъ въ ниспроверженіи на«стоящаго правительства, то одно изъ средствъ «къ достиженію сего, есть пріобрѣтеніе свѣдѣ«ній о намѣреніяхъ непріятеля. На этотъ ко«нецъ, прежде всего должно завести сношенія «съ разными Канцеляріями, дабы получать точ«нѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ внѣшнихъ и внутрен«нихъ намѣреніяхъ. Извѣстность объ этихъ на-

»мѣреніяхъ доставить лучшее оружіе къ тому, «чтобы ихъ разстроить; а неуспѣхъ ихъ послу-«житъ къ уничтоженію всякой довѣренности «къ правительству и будетъ первымъ, важнѣй-«шимъ шагомъ къ достиженію предположенной «цѣли. Для сего надобно учрежденіемъ надеж-«ныхъ связей озаботиться съ Канцеляріями «Военною, Морскою, Иностранныхъ Дѣлъ и Ду-«ховною: должно также постараться развѣдать «о томъ, что происходитъ въ тайномъ Комитетѣ, «учрежденномъ, какъ думаютъ въ Сен-Клу, изъ «друзей Перваго Консула. Слѣдуетъ доносить о «различныхъ замыслахъ, которые Бонапарте могъ «бы возъимѣть относительно Турціи и Ирлан-«діи. Извѣщать также о перемѣщеніяхъ войскъ «и кораблей, о постройкѣ сихъ послѣднихъ и «о всякихъ военныхъ приготовленіяхъ.»

Драке подтверждалъ еще въ своихъ наставле-ніяхъ, чтобы въ настоящую минуту занимать-ся только ниспроверженіемъ правительства Бо-напарте, не говоря ничего о намѣреніяхъ Короля, до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ точности узнаны его расположенія; но большая часть его писемъ и наставленій писаны прежде 1804 года. Общее содержаніе перехваченныхъ бумагъ доказывало то, чего Бонапарте не могъ не знать, а именно: что Англія ему явная непріятельница; но раз-смотрѣніе оныхъ удостовѣрило меня, что не существовало ничего, могущаго подать поводъ

вѣрить покушенію къ убійству, одобренному Великобританскимъ правительствомъ.

Первый Консулъ, получивъ донесеніе о козняхъ Драке противъ его правительства, сообщилъ копію съ онаго Сенату и въ отвѣтъ-то своемъ на это предложеніе, Сенатъ, какъ выше видѣли, сдѣлалъ первый приступъ, который Бонапарте нашелъ неопредѣлительнымъ и который тѣмъ не менѣе довелъ до основанія Имперіи; не смотря на это важное обстоятельство, я счелъ приличнымъ не упоминать о Драке до сихъ поръ, ибо козни его къ низпроверженію Наполеона показались мнѣ состоящими еще болѣе въ непосредственной связи съ судомъ надъ Жоро и Жоржемъ, которымъ я займусь въ слѣдующей главѣ.

Въ тоже время, какъ Бонапарте сообщилъ Сенату донесеніе Главнаго Судьи, Министръ Внѣшнихъ Сношеній отнесся слѣдующимъ циркулярнымъ письмомъ къ членамъ Дипломатическаго Корпуса.

«Господинъ Посланникъ,

«Первый Консулъ приказалъ мнѣ сообщить «Вашему Превосходительству экземпляръ пред«ставленнаго ему донесенія, о постороннемъ за«говорѣ, устроенномъ во Франціи Г-мъ Драке «Министромъ Е. Б. В. при Минхенскомъ дворѣ «и который цѣлью своею и временемъ своего

«учрежденія, имѣлъ отношеніе къ гнусному за«говору, о коемъ теперь производится судъ.»

«Печатныя копіи съ писемъ и прочихъ под«линныхъ бумагъ Г. Драке прилагаются къ до«несенію. Подлинники оныхъ будутъ, по волѣ «Перваго Консула, немедленно отправлены къ «Е. В. Курфирстру Баварскому.

«Такое посрамленіе почетнѣйшей должности, «какая только можетъ быть ввѣрена человѣку, «не имѣло донынѣ примѣра въ исторіи образо«ванныхъ народовъ. Оно удивитъ, оно огорчитъ «Европу соблазномъ неслыханнаго злодѣйства, «коего до нынѣ никакое самое вѣроломное пра«вительство не дерзало еще предпринять. Перво«му Консулу слишкомъ извѣстны чувства и ка«чества особъ Дипломатическаго Корпуса, при «немъ уполномоченныхъ и онъ совершенно увѣ«ренъ что онѣ съ глубочайшимъ прискорбіемъ «примутъ посрамленіе священнаго Посланьичья«го сана, превращеннаго въ ремесло заговоровъ, «коварства и подкуповъ.»

Въ началѣ чертвертой части моихъ Записокъ я говорилъ о томъ какія лица составляли Дипломатическій Корпусъ въ то время, когда мы переѣхали изъ Люксембурга въ Тюлієри; думаю, что читателямъ не непріятно будетъ сдѣлать сравненіе состава онаго въ ту эпоху, съ тѣмъ временемъ, когда Первый Консулъ сдѣлался Императоромъ.

«Г. КАРДИНАЛЪ КАПРАРА, Легатъ Его «Святѣйшества Папы.

«ГРАФЪ КОБЕНЦЕЛЬ, Посолъ Императора, «Короля Богемскаго и Венгерскаго.

«МАРКИЗЪ ЛУККЕЗИНИ, Чрезвычайный «Посланникъ Короля Прусскаго.

«ШИММЕЛЬПЕННИКЪ, Посолъ Батавской «Республики.

«ДРЕЙЕРЪ, Чрезвычайный Посланникъ и «Полномочный Министръ Короля Датскаго.

«МАРКИЗЪ де ГАЛЛО, Посолъ Короля Не«аполитанскаго и Обѣихъ-Сицилій.

«СЕТТО, Чрезвычайной Посланникъ и Пол«номочный Министръ Курфирстра Бавар«скаго.

«ГРАФЪ БУНАУ, Полномочный Министръ «Курфирстра Саксонскаго.

«КАРЛЪ, ГРАФЪ де БЕЙСТЪ, Полномоч«ный Министръ избирателя Курфирстра Ар«хи-Канцлера Имперіи.

«АВГУСТЪ ПАППЕНГЕЙМЪ, Полномочный «Министръ Ландграфа Гесенъ-Дармштдскаго.

«БАЛЬИ де ФЕРРЕТТЪ, Полномочный Ми«нистръ Гросмейстера Мальтійскаго Ордена.

«АБЕЛЬ, Резидентъ вольныхъ Имперскихъ «городовъ.

«ФЕРРЕРИ, Полномочный Министръ Лигу«рійской Республики.

«БЕЛЛЮОМИНИ, Чрезвычайный Послан«никъ Лукской Республики.

«ДЕ МАЛЛАРДОЦЪ, Посланникъ Швейцар-«скаго Союза.

«ІОСИФЪ МАРІЯ де СУЗА, Чрезвычайный «Посланникъ Португаліи.

«ПЕТРЪ УБРИ, Повѣренный въ дѣлахъ «Россіи.

«ЛИВИНГСТОНЪ, Полномочный Министръ «Соединенныхъ-Американскихъ Штатовъ.

«БАРОНЪ ШТЕЙБЕ, Полномочный Ми-«нистръ Виртемберга.»

Можно видѣть, что Дипломатическій Корпусъ значительно увеличился, и что за исключеніемъ Г. Шиммельпенника, онъ былъ совершенно возобновленъ. Какъ бы то ни было, а почти всѣ эти Послы, Полномочные Министры, Посланники и проч. представили Министру Внѣшнихъ Сношеній отъ имени своихъ Правительствъ отвѣты, въ коихъ они вполнѣ изъявляли ужасъ и негодованіе, возбужденныя въ нихъ повсденіемъ Англіи и козцами Драке. Эти отвѣты были сдѣланы только черезъ пять дней по смерти Герцога Ангенскаго и здѣсь въ особенности надобно подивиться глубокому искуству Бонапарте, который этимъ средствомъ заставилъ представителей всѣхъ Державъ Европы офиціяльно изъявить участіе къ его особѣ и Правительству.

++

ГЛАВА VIII.

Гемаръ Председатель Уголовнаго Суда. — Открытіе суда надъ Жоржемъ.— Моро и прочіе обвиненные. — Необходимость осужденія.— Я вхожу однимъ изъ первыхъ въ залу суда.— Первое присутствіе и актъ обвиненія.—Общій разсудокъ — Письмо Моро къ Бонапарте. — Почетное объясненіе поведенія Моро. — Долгъ службы и обязанность благороднаго человѣка. — Позоръ, неразлучный съ предательствомъ. — Ожесточеніе Гемара противъ Моро.—Спокойствіе Моро.— Иностранная кокарда.—Лажоле и Ролланъ. — Направленіе судопроизводства для того чтобы обвинить Моро. — Замѣчательныя слова.—Истинные единомышленники Моро. —Содержаніе и служба — Рѣчь, сочиненная Г-мъ Гаратомъ.—Сужденіе Бонапарте о его краснорѣчіи. — Генералъ Лекурбъ и сынъ Моро. — Трогательная сцена. — Почтеніе солдатъ.

Я довольно распространился о скрытныхъ ковахъ Полиціи и объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ взятію подъ стражу заговорщиковъ; о томъ, что было мнѣ извѣстно касательно ужаснаго событія, придавшаго Наполеону

совсѣмъ другой видъ, чѣмъ какой онъ имѣлъ бы въ потомствѣ; о положеніи заключенныхъ въ Тамплѣ и о козняхъ, которыя устроивалъ Драке, для того чтобы можно было надлежащимъ образомъ судить о положеніи обвиненныхъ, тогда какъ сочли приличнымъ потребовать ихъ предъ уголовный судъ, коего Предсѣдателемъ Бонапарте сдѣлалъ цареубійцу Гемара. Я помню что этотъ выборъ возбудилъ въ цѣломъ Парижѣ всеобщій ужасъ, ибо оный показался признакомъ желанія найти только виновныхъ или осудить невинныхъ людей.

Наполеонъ былъ Императоромъ около десяти дней, когда 28 Маія открылся судъ; никакое другое судное дѣло послѣ этой эпохи, не могло дать понятія о волненіи, царствовавшемъ въ Парижѣ: негодованіе объ отдачѣ подъ судъ Моро громко обнаруживалось, нисколько не боясь замѣчаній Полиціи. Правительство успѣло обмануть общее мнѣніе на счетъ Жоржа и нѣсколькихъ другихъ заговорщиковъ, которыхъ считали разбойниками и подкупленными убійцами Англіи, покрайней мѣрѣ въ той многочисленной части народонаселенія, которая легко вѣритъ на слово объявленіямъ, представляемымъ ей за офиціяльныя. Но не такъ было относительно Господъ Полиньяковъ, которые внушали живѣйшее участіе, Г-на де Ривіера, Карла д'Озіе, а въ особенности Моро. Имя Моро пер-

венствовало предъ всѣми прочими и Правительство находилось на счетъ его въ большомъ недоумѣніи. Должно было, съ одной стороны окружить его стражею, довольно сильною, для того чтобы удержать стремленіе народа и друзей его, между тѣмъ какъ не слѣдовало и увеличивать эту стражу столько, чтобы она могла сдѣлаться опасною точкою сборища, еслибъ гласъ вождя, уважаемаго арміею, призвалъ ее къ своей защитѣ. Почти вездѣ вѣрили возможности возстанія въ пользу Моро; одни надѣялись на него; другіе страшились онаго и я думаю, что при томъ расположеніи, въ которомъ тогда находились умы, оно непремѣнно бы произошло, еслибъ судьи, еще болѣе угодливые чѣмъ они были, осудили Моро на смертную казнь.

Невозможно вообразить себѣ стеченія народа, которое наводняло всѣ входы въ Судебную Палату въ день открытія суда и продолжало стремиться туда во всѣ двѣнадцать дней, пока продолжался судъ, а особенно въ день произнесенія приговора. Лучшее Парижское общество старалось при томъ находиться. Исключительная для этого дѣла отмѣна присяжныхъ подавала поводъ къ подозрѣніямъ, слишкомъ основательнымъ. Громко говорили, что обвинители болѣе надѣялись на уголовныхъ судей, чѣмъ на присяжныхъ. Недавняя смерть Герцога Ангин-

скаго и таинственная смерть Пишегрю возбуждали во всѣхъ умахъ сильныя опасенія; всѣ находились въ какомъ-то оцѣпѣненіи; живѣйшее участіе ощущалось къ знаменитѣйшему изъ осужденныхъ, и одно возмутительное слово могло бы произвесть немедленное возстаніе.

Я изъ первыхъ вошелъ въ залу, вознамѣрясь слѣдовать за этимъ торжественнымъ судопроизводствомъ. Даже и теперь еще, послѣ столькихъ событій, свершившихся съ тѣхъ поръ предъ моими глазами, я бы не могъ изобразить болѣзненнаго волненія ощущеннаго мною въ ту минуту, когда по открытіи засѣданія и по отданіи Предсѣдателемъ приказа ввести подсудимыхъ, я увидѣлъ ихъ входящихъ одинъ за другимъ и занимающихъ на скамьяхъ своихъ мѣста между двумя жандармами. Всѣ имѣли важный, увѣренный въ себѣ видъ; у всѣхъ на лицахъ изображалась рѣшимость, кромѣ Буве де Лузье, не смѣвшаго поднять глазъ на товарищей своего бѣдствія, которымъ не его воля, а слабость измѣнила. Я узналъ его тогда только, когда Предсѣдатель перекликнулъ обвиненныхъ, сдѣлавъ имъ обычные вопросы о ихъ имени, званіи и жительствѣ. Изъ сорока девяти подсудимыхъ, въ числѣ коихъ находилось нѣсколько женщинъ, только двое были мнѣ извѣстны: Моро, коего присутствіе на преступничьей скамьѣ стѣсняло сердце, внушая родъ тоски

и безпокойства и Жоржъ, котораго я видѣлъ въ Тюлери въ кабинетѣ Перваго Консула.

Первое засѣданіе прошло въ чтеніи обвинительнаго акта и голосъ приставовъ, повелѣвающихъ молчаніе, иногда съ трудомъ могъ обуздывать глухой ропотъ, невольно раздававшійся при произнесеніи имени Моро. Всѣ взоры оборачивались къ Гогенлинденскому побѣдителю и притомъ по длинному обвиненію Императорскаго Прокурора, призывающаго мщеніе законовъ за злодѣйское покушеніе противъ главы Республики, можно было видѣть, сколько онъ ломалъ себѣ голову для отягченія лавровъ Моро бременемъ возводимой на него вины. Общій разсудокъ нашелъ даже доказательства невинности и благородства Моро въ показаніяхъ, которыми думали посрамить сего Генерала. Я не забылъ еще дѣйствія, совершенно противнаго тому, которое ожидали, произведеннаго чтеніемъ письма, которое изъ своей Тампльской тюрьмы Моро написалъ къ Первому Консулу, когда допрашивавшіе его судьи старались найти причины къ обвиненію его прошедшаго поведенія, по случаю бумагъ Г на Клинглина, доставшихся въ его руки. Его упрекали въ томъ что онъ слишкомъ замедлилъ отсылкою этихъ бумагъ къ Директоріи; и надобно сознаться, что довольно замѣчательно было видѣть Бонапарте Императора, мстителемъ

мнимыхъ винъ, содѣянныхъ противъ Директорiи, имъ нисправергнутой.

Въ письмѣ, мною упомянутомъ, Моро говорилъ Наполеону, бывшему еще Первымъ Консуломъ.

«Въ краткiй походъ V-го года (отъ 20 до 23 «Марта) мы взяли канцелярiю Главнаго Штаба «непрiятельской армiи: мнѣ принесли множество «бумагъ, которые Генералъ Дезе, тогда раненый, сталъ для забавы разбирать. Изъ этой «переписки намъ показалось, что Генералъ Пишегрю имѣлъ сношенiе съ Французскими «Принцами. Это открытiе очень насъ огорчило, «а особенно меня; мы согласились оставить его «въ забвенiи. Пишегрю въ Законодательномъ «Корпусѣ тѣмъ менѣе могъ вредить общественному дѣлу, что миръ былъ утвержденъ. Я «однакоже взялъ предосторожности для обеспеченiя армiи противъ шпiонства, которое могло «ей повредить. . . . События 18 Фруктидора «приготовлялись; безпокойство было довольно «велико: почему два Офицера, знавшiе объ этой «перепискѣ, стали убѣждать меня довести оную «до свѣдѣнiя Правительства. . . . Долгъ службы «обязывалъ меня не хранить долѣе молчанiя... «Въ продолженiе двухъ послѣднихъ Германскихъ «походовъ и со времени заключенiя мира, мнѣ «иногда дѣлали издалека предложенiя, дабы «узнать, не будетъ ли можно склонить меня

«войти въ сношенія съ Французскими Принцами. Я находилъ это столь страннымъ, что «даже не давалъ никакого отвѣта. Что касается «до настоящаго заговора, то равномѣрно могу «васъ увѣрить, что я не принималъ въ немъ «ни малѣйшаго участія. Повторяю вамъ Генералъ, что всѣ сдѣланныя мнѣ предложенія были мною отвергнуты по моему образу мыслей «и потому, что я считалъ ихъ наивеличайшею «глупостью; когдаже мнѣ представили случай «высадки въ Англію благопріятнымъ для произведенія перемѣны въ Правительствѣ, то я «отвѣчалъ, что Сенатъ есть власть, къ которой «неминуемо присоединятся всѣ Французы въ «случаѣ какого либо волненія и что я буду «однимъ изъ первыхъ исполнителей его воли. «На такія предложенія сдѣланныя мнѣ, частному человѣку, не хотѣвшему сохранить никакихъ сношеній, ни въ арміи, коей девять десятыхъ служили подъ моимъ начальствомъ ни «съ какою изъ Конституціонныхъ властей, я «не могъ отвѣчать, иначе, какъ отказомъ; доносъ «былъ слишкомъ противенъ моему характеру; «онъ почти всегда заслуживаетъ строгое осужденіе, но становится ненавистнымъ и запечатлѣваетъ знакомъ отверженія того, кто дѣлаетъ оный на людей, которымъ онъ обязанъ признательностью, или съ которыми состоитъ въ давнихъ дружескихъ связахъ.

«Вотъ, Генералъ, что я имѣлъ вамъ сказать «на счетъ сношенiй моихъ съ Пишегрю; онѣ «конечно убѣдятъ васъ въ томъ, что слишкомъ «ложно и слишкомъ смѣло перетолковали въ «дурную сторону поступки и дѣйствiя, можетъ «быть неосторожныя, но нисколько не пре«ступныя.»

Моро исполнилъ долгъ службы, представя Директорiи бумаги, которыя обнаруживали умыселъ противъ тогдашняго Правительства и которыя жребiй оружiя доставилъ въ его руки. Онъ выполнилъ обязанность благороднаго человѣка, не принявъ на себя добровольно позора, отъ котораго ничто не можетъ избавить доносщиковъ; Бонапарте, находясь на мѣстѣ Моро, не поступилъ бы иначе какъ онъ, ибо я не видывалъ человѣка, который болѣе его презиралъ бы доносщиковъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не сталъ считать добродѣтелью всего, что служило его честолюбiю, а преступленiемъ всего, что противопоставляло оному препону.

Я вовсе не намѣренъ представить картину или даже только полный очеркъ засѣданiй уголовнаго суда. Кипы документовъ этаго огромнаго дѣла собраны, и желающiе могутъ съ оными справиться; ограничиваюсь приведенiемъ здѣсь воспоминанiй, наиболѣе меня поразившихъ: очевиднѣе всего были заказное ожесточенiе, Предсѣдателя, достойнаго главы такого

суда и невинность Моро. Но не смотря на самый коварный допрось, какой только можно себѣ вообразить, обвиненный Генералъ ниразу не впалъ ни въ малѣйшее себѣ противорѣчіе. Если память моя меня не обманываетъ, то въ четвертое засѣданіе, судья Тюріо его допрашивалъ. Для всѣхъ присутствовавшихъ, ясно какъ день обнаружилось, что Моро былъ совершенно чуждъ всѣхъ заговорщиковъ, всѣхъ козней, которыя могли составляться въ Лондонѣ. Дѣйствительно, въ продолженіе всего судопроизводства, за которымъ я слѣдовалъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ участіемъ, я не могъ замѣтить даже тѣни какого либо обстоятельства, которое могло бы обвинить его, или даже которое только къ нему бы относилось. Почти ни одинъ изъ ста тридцати призванныхъ предъ судъ свидѣтелей не зналъ его; и въ четвертомъ засѣданіи, происходившемъ 31 Маія, онъ объявилъ, что нѣтъ ни одного изъ обвиненныхъ, котораго бы онъ видѣлъ—ни одного, котораго онъ бы зналъ. Въ продолженіе этаго длиннаго суда, не смотря на очевидныя усилія Тюріо исторгнуть признанія и довести до противорѣчій, никакое важное обстоятельство не было приведено противъ Моро. Наружность его была постоянно спокойна, также какъ и совѣсть. Для тѣхъ, которые видѣли его на скамьѣ, онъ скорѣе казался привычнымъ посѣтителемъ судебной Палаты, присутствую-

щимъ при занимательномъ судѣ изъ любопытства, чѣмъ однимъ изъ обвиненныхъ, котораго судъ сей могъ приговорить къ смерти. Еслибъ не ядро, поразившее Моро въ рядахъ непрiятельскихъ, то давно бы уже, совершенная его невинность не подлежала никакому сомнѣнiю; давно бы уже всѣ признали, что самые адскiе ковы были употреблены къ его погубленiю. Въ самомъ дѣлѣ совершенно очевидно, что Лажоле, ѣздившiй изъ Лондона въ Парижъ и изъ Парижа въ Лондонъ, былъ скорѣе подосланный агентъ, чѣмъ настоящiй заговорщикъ и что порученiе его имѣло цѣлiю, не сблизить Моро съ Пишегрю, а употребить Пишегрю для вовлеченiя Моро въ участники заговора; а посему, тѣ которые утверждали, будто бы Лажоле находился въ распоряженiяхъ Британскаго Правительства, жестоко обманывали этимъ другихъ. Лажоле находился въ распоряженiяхъ тайной Полицiи; онъ былъ осужденъ къ смерти, какъ онъ того ожидалъ, и получилъ помилованiе, какъ это было условлено. Вотъ одно изъ показанiй, которое Пишегрю могъ бы сдѣлать и потому его надобно было уничтожить прежде начатiя суда. Чтоже касается до показанiй, сдѣланныхъ Ролландомъ, то всѣ ясно увидѣли что Моро не ошибался, когда онъ сказалъ Председателю: «Или Ролландъ, по моему мнѣнiю, принадлежитъ къ Полицiи, или онъ сдѣлалъ свое

показаніе отъ страха. Ролландъ сдѣлалъ два показанія: въ первомъ онъ ничего не объявилъ. Взгляните на второе; его не спрашивали, а сказали ему: «Ты теперь въ ужасномъ положе-«ніи Тебя признаютъ или участникомъ или по-«вѣренныиъ заговора; если ты ничего не ска-«жешь, то ты участникъ; еслижъ сдѣлаешь «показанія, то ты спасенъ.» Этотъ одинъ примѣръ можетъ дать понятіе о томъ, какое направленіе было дано судопроизводству, съ тою цѣлію, чтобы обвинить Моро. Генералъ, съ своей стороны, отражалъ дѣлаемые противъ него нападки съ важнымъ хладнокровіемъ и со скромною увѣренностью, хотя отъ времени до времени у него и вырывались нѣкоторыя искры справедливой гордости. Я помню о дѣйствіи, произведенномъ имъ на всѣхъ, присутствующихъ въ засѣданіи, въ которомъ Президентъ сталъ обвинять его въ томъ, будто бы онъ хотѣлъ сдѣлаться Диктаторомъ. «Я, Диктаторомъ;» воскликнулъ Моро, «со всѣми приверженцами Бурбоновъ, мнѣ сдѣлаться Диктаторомъ! Гдѣже мои сообщники? Сообщниками моими должны быть Французскіе солдаты, потому что я предводительствовалъ девятью десятыми частями ихъ и спасъ болѣе пятидесяти тысячъ. Вотъ какіе у меня сообщники; всѣхъ моихъ Адьютантовъ, всѣхъ знакомыхъ мнѣ Офицеровъ взяли подъ стражу: противъ нихъ не отыскали

даже тѣни подозрѣнія, и они освобождены. Отъ чего же хотятъ приписать мнѣ безумный умыселъ сдѣлаться Диктаторомъ, чрезъ содѣйствіе приверженцевъ Французскихъ Принцевъ, которые сражаются за ихъ дѣло съ 1792 года? Вы хотите, чтобы эти люди, въ двадцать четыре часа задумали возвести меня въ Диктаторы! это безуміе. Упоминали о моемъ имѣніи, о моемъ содержаніи: я началъ ни съ чемъ, а могъ бы имѣть пятьдесятъ миліоновъ; у меня есть домъ и помѣстье; чтоже касается до моего содержанія, то я получаю сорокъ тысячъ франковъ, и да поберегутся сравнивать его съ моими заслугами!»

Моро произнесъ предъ судомъ, рѣчь сочиненую, какъ я узналъ, другомъ его Гаратомъ, котораго краснорѣчіе, какъ мнѣ очень памятно, Бонапарте всегда находилъ чрезвычайно утомительнымъ. Я помню, что онъ сказалъ мнѣ объ немъ при одномъ случаѣ, кажется мною не описанномъ, тогда какъ онъ присутствовалъ при торжественной закладкѣ на площади Побѣдъ памятника Генералу Дезе, никогда не воздвигнутаго. Возвратясь домой въ сильной досадѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Представь себѣ Бурiеннъ, этотъ скотина Гаратъ, какой несносной говорунъ! Я былъ принужденъ слушать его цѣлыхъ три четверти часа. Есть же люди, которые не умѣютъ помолчать.»

Каково бы ни было краснорѣчіе Гарата и мнѣніе объ ономъ Наполеона а Гаратъ въ этомъ случаѣ благородно поступилъ; ибо онъ могъ быть увѣренъ что Бонапарте вознегодуетъ на него за то, что онъ услужилъ перомъ своимъ единственному человѣку, коего воинская слава, не равняясь со славою Перваго Консула, могла однакоже заставить считать его соперникомъ сего послѣдняго. Одно засѣданіе ознаменовалось какъ бы электрическимъ потрясеніемъ. Мнѣ кажется какъ будто я теперь еще вижу Генерала Лекурба, этаго достойнаго друга Моро, внезапно вошедшаго въ залу присутствія съ маленькимъ мальчикомъ. Онъ беретъ его на руки, поднимаетъ вверхъ, и громкимъ, но растроганнымъ голосомъ восклицаетъ: «Солдаты, вотъ сынъ вашего Генерала!» При этомъ непредвидѣнномъ движеніи, всѣ бывшіе въ залѣ военные сами встали и отдали ему честь, а въ тоже время лестный шепотъ пробѣжалъ по всему собранію. Конечно, еслибъ въ эту минуту, Моро произнесъ одно слово, то въ его пользу существовалъ такой восторгъ, что судъ былъ бы ниспровергнутъ и плѣнники освобождены. Но Моро сохранилъ молчаніе и казалось одинъ только не принялъ участія въ этомъ движеніи. Вообще въ продолженіе всего суда, Моро, хотя и подсудимый, внушалъ столько къ себѣ почтенія, что когда его спра-

шивали и онъ вставалъ для отвѣта, то Жандармы, бывшіе при немъ стражами вмѣстѣ съ нимъ вставали и стояли съ открытыми головами во все время пока онъ говорилъ.

ГЛАВА IX.

Причины, по которымъ я желалъ оправданія Моро.—Разность положеній Моро и Жоржа. — Тюріо и *Тюруа* (цареубійца.) — Образчикъ отвѣтовъ Жоржа —Твердость и рѣшительность.—Отзывъ Реаля о Жоржѣ.—Отказъ на предложеніе помилованія.—Невѣрность оффиціяльныхъ объявленій. — Косте-Сен-Викторъ — Искаженіе судопроизводства —Выдуманный анекдотъ,—Актриса и Наполеонъ.—Судьи, болѣе виновны чѣмъ Бонапарте.—Капитанъ Рейтъ.— Портретъ Графа д'Артуа и Г. де Ривіеръ.—Благородныя чувства, безъ страха выраженныя.—Борьба великодушія между Гг.-ми Полиньяками.—Трогательная сцена у двухъ братьевъ.—Послѣднее засѣданіе.—Ночь, проведенная въ судѣ.—Осужденные. —Странность осужденія Моро. — Изреченіе, приписанное Наполеону.—Помилованіе.—Казнь и мужество.

Въ предъидущей главѣ я почти исключительно занимался только тѣмъ, что относилось къ Моро; и по правдѣ сказать, въ особенности

для него я усердно посѣщалъ засѣданія суда. До начатія суда я въ немъ только одномъ принималъ истинное участіе; а какъ при томъ я не былъ ослѣпленъ страстью и какъ старинная дружба, невольнымъ образомъ привязывала меня къ Бонапарте, не смотря на его со мною поступки,—то я почти столько же для него, какъ для Моро желалъ оправданія сего Генерала. Я совершенно былъ увѣренъ и тѣ, которые помнятъ расположеніе умовъ въ эту эпоху, конечно думаютъ одинаково со мною, если ихъ также не ослѣпляла страсть, что осужденіе Моро къ смертной казни послужило бы знакомъ къ возмущенію, къ бунту, коего трудно было бы предвидѣть послѣдствія; ибо Бонапарте находился подъ покровительствомъ силы штыковъ, а ста сила, первая приняла бы другое направленіе.

Жоржъ находился совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ, нежели Моро: Жоржъ сначала внушалъ менѣе участія, чѣмъ любопытства и не говоря уже о разницѣ ихъ предъидущихъ обстоятельствъ, положеніе ихъ предъ судомъ, представляло большую противоположность. Моро былъ исполненъ беззаботливости, а Жоржъ совершенно предался ожидающему его жребію, на который онъ взиралъ съ твердостью, почти варварскою. Какъ будто для того чтобы заблаговременно отмстить за смерть свою, онъ опять обращался къ ругательной язвительности, ко-

торую казалось оставилъ въ тотъ день, какъ говорилъ рѣчь своимъ товарищамъ предъ отбытіемъ ихъ изъ Тамиля. Въ ѣдкихъ своихъ насмѣшкахъ, обращаясь къ Тюріо, одному изъ самыхъ злобныхъ судей, онъ называлъ его Тюруа (*), намекая тѣмъ на поданный имъ голосъ къ убіенію Короля; и произнеся его имя или будучи принужденъ отвѣчать на его вопросы, онъ говорилъ: «Дайте мнѣ стаканъ воды выполоскать ротъ.» Жоржъ имѣлъ солдатскія выраженія и ухватки, но подъ этою грубою оболочкою, онъ скрывалъ душу героя. Когда свидѣтели взятія подъ стражу Жоржа дали отвѣтъ на допросъ Предсѣдателя Гемара, и этотъ послѣдній обратился къ Жоржу спрашивая, не имѣетъ ли онъ сдѣлать какого либо замѣчанія противъ слышаннаго имъ показанія, то между спрашивающимъ и подсудимымъ начался слѣдующій разговоръ. «Имѣете ли вы что либо отвѣчать?—Нѣтъ.—Сознаетесь ли вы въ этихъ обстоятельствахъ? — Да.» Тогда, замѣтивъ, что Жоржъ по видимому не слушаетъ Предсѣдателя, занимаясь разсмотрѣніемъ лежавшихъ предъ нимъ бумагъ, Гемаръ принужденъ былъ напомнить ему что онъ не долженъ читать тогда,

(*) Въ судѣ было двое цареубійцъ: Гемаръ Предсѣдатель и Тюріо.

Сверхъ того Мерленъ былъ тогда Императорскимъ Генералъ-Прокуроромъ, поддерживавшимъ обвиненіе.

какъ его спрашиваютъ и разговоръ продолжался слѣдующимъ образомъ: «Сознаетесь ли вы во взятіи васъ подъ стражу на мѣстѣ, показанномъ свидѣтелемъ? — Мнѣ неизвѣстно названіе этаго мѣста.—Сознаетесь ли вы въ томъ, что вы были взяты подъ стражу?—Да.—Выстрѣлилиль вы два раза изъ пистолета?—Да.—Убилиль вы человѣка?—Право, не знаю.—У васъ былъ кинжалъ?—Да.—И два пистолета? — Да. — Съ кѣмъ вы были?—Я его не знаю.—Гдѣ вы жили въ Парижѣ?—Нигдѣ.—При взятіи васъ подъ стражу не жилилиль вы, въ Сен-Женевьевской улицѣ у овощницы?—При взятіи меня подъ стражу я былъ въ кабріолетѣ и нигдѣ не жилъ. — Гдѣ вы ночевали наканунѣ задержанія васъ? — Нигдѣ —Что вы дѣлали въ Парижѣ?—Я прогуливался.—Съ кѣмъ вы тамъ видались?—Не назову никого; я никого не знаю.» По этому образцику отвѣтовъ Жоржа на вопросы Предсѣдателя, можно заключить, какова была непоколебимая его твердость въ продолженіи суда; во всемъ, касавшемся до него лично, онъ ничего не скрывалъ; на все, могщее повредить одному изъ его товарищей, уста его были заграждены; все искуство разспросовъ, внушеній и сближеній осталось тщетнымъ предъ его непоколебимою рѣшимостью.

Въ подтвержденіе сказаннаго мною о Жоржѣ, я могу привести обстоятельство, которое до-

кажетъ, что не одинъ я умѣлъ оцѣнить великій его характеръ. Я выше сказалъ что я сопутствовалъ Г-ну Карбонне въ Полицію въ тотъ день, когда вышедъ изъ Пелажійской тюрьмы, онъ отправился требовать чемодана со своими бумагами. Какъ Г-на Реаля еще тамъ не было, то мы остались ждать его. Г-нъ Демаре и многіе другіе также ждали въ кабинетѣ. Г. Реаль возвратился; онъ пріѣхалъ изъ тюрьмы Консіержери; гдѣ онъ видѣлъ Жоржа Кадудаля. Онъ сказалъ особамъ, его ожидавшимъ, довольно громко, такъ что мы съ Г-мъ Карбонне ясно слышали: «Я сей часъ изъ Консіержери; я видѣлъ Жоржа; это необыкновенный человѣкъ. Я сказалъ ему, что онъ будетъ прощенъ, если дастъ обѣщаніе не дѣлать заговоровъ противъ Правительства и вступить въ службу. Я очень настаивалъ, но все было безполезно; онъ воспротивился всѣмъ моимъ усиліямъ и наконецъ сказалъ: *Товарищи мои послѣдовали за мною во Францію; я послѣдую за ними на смерть.*» Увидятъ, что онъ сдержалъ слово и еще какъ! А между тѣмъ, въ объявленіяхъ, покрывавшихъ стѣны Парижа, называли разбойникомъ того человѣка, которому Императоръ въ самой темницѣ его дѣлалъ предложенія чрезъ посредство Государственнаго Совѣтника.

Впрочемъ, тѣ которые стали бы заключать объ этомъ достопамятномъ судопроизводствѣ,

основываясь на официяльныхъ объявленіяхъ, помѣщенныхъ въ Монитёрѣ и въ другихъ журналахъ того времени, получили бы очень ложное объ ономъ понятіе. Я даже помню, что эти подлоги были поводомъ къ важной жалобѣ со стороны одного изъ подсудимыхъ. Послѣ рѣчи Г-на Готье, защитника Косте Сен-Виктора, на вопросъ Предсѣдателя сему послѣднему, не имѣетъ ли онъ чего прибавить въ свою защиту: «Я имѣю прибавить, сказалъ Косте-Сен-Викторъ,» что вопервыхъ просимые мною свидѣтели, коихъ показанія были бы въ мою пользу, до сихъ поръ еще не явились; а вовторыхъ я удивляюсь тому, что стараются вовлечь въ заблужденіе общее мнѣніе и навлечь позоръ, не только на подсудимыхъ но даже и на ихъ великодушныхъ защитниковъ. Я читалъ сегодишніе журналы и съ огорченіемъ увидѣлъ, что обстоятельства судопроизводства. . . .» Здѣсь Предсѣдатель, прервавъ его, замѣтилъ ему что эти вещи вовсе чужды его дѣла. «Совсѣмъ нѣтъ,» возразилъ Косте-Сен-Викторъ, «я вижу, что онѣ очень принадлежатъ къ моему дѣлу; и что искажая, переиначивая способы, нами употребляемые, конечно стараются погубить тѣмъ насъ въ общемъ мнѣніи. Я видѣлъ въ сегодишнихъ журналахъ, что рѣчь Г-на Готье, моего защитника, ужаснѣйшимъ образомъ искажена. Я поступилъ бы противъ признательности, ко-

торою я ему обязанъ, еслибъ не возблагодарилъ его здѣсь всенародно за усердіе и мужество, обнаруженныя имъ при моей защитѣ. Я возстаю противъ нелѣпостей, вложенныхъ газетчиками во уста его и прошу его до послѣдней минуты продолжать оказывать мнѣ великодушную свою помощь. Не для него дѣлаю я это замѣчаніе: онъ не имѣетъ въ немъ нужды: это собственно для меня и для прочихъ подсудимыхъ, которыхъ такими средствами можно очернить въ общемъ мнѣніи.»

Косте-Сен-Викторъ имѣлъ въ своей осанкѣ и въ образѣ изъясненія, нѣчто рыцарское, предупреждавшее въ его пользу; онъ имѣлъ видъ заговорщика въ родѣ Фіеско или тѣхъ витязей Фрондскаго заговора, которые вели рядомъ политику съ удовольствіями. Объ немъ разсказывали тогда анекдотъ, который я слышалъ, но который для меня, очевидно казался плодомъ празднаго воображенія. Говорили будто бы Косте-Сен-Викторъ, не имѣя болѣе вѣрнаго убѣжища въ Парижѣ, нашелъ себѣ на одну только ночь пристанище у одной прекрасной актрисы, пользовавшейся расположеніемъ Перваго Консула; прибавляли, что Бонапарте въ эту самую ночь пріѣхалъ посѣтить ее и внезапно встрѣтилъ тамъ Косте-Сен-Виктора, который могъ бы располагать его жизнью, но что при этой встрѣчѣ любовнаго соперничества, все обош-

лось между ими одними взаимными вѣжливостями. Очевидною цѣлью этой странной выдумки было то, чтобы сдѣлать Перваго Консула болѣе ненавистнымъ, еслибъ Косте-Сен-Викторъ, будучи осужденъ, не получилъ помилованія; въ такомъ случаѣ злоба приписала бы казнь его мщенію ревниваго любовника. Я бы постыдился приводить такіе пустяки, имѣвшіе столь мало истины, еслибъ они не нашли себѣ у многихъ вѣры. Пока я былъ при Бонапарте, онъ никогда не выходилъ со двора ночью и уже конечно не въ минуту объясненія сказанныхъ ему Фуше словъ: *что воздухъ наполненъ кинжалами*, онъ пустился бы на такія ночныя приключенія. Въ этомъ роковомъ дѣлѣ, памяти Наполеона и безъ того очень много можно сдѣлать упрековъ, не стараясь увеличивать число оныхъ и я долженъ сказать, что по моему мнѣнію, при тщательномъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ и судя потому, что я видѣлъ — если Бонапарте былъ единственнымъ виновникомъ смерти Герцога Ангенскаго, чего я не могъ скрыть, то въ дѣлѣ Жоржа и Моро, онъ гораздо меньше былъ виновенъ, чѣмъ обвинители и судьи, а особенно гораздо меньше чѣмъ главный учредитель всѣхъ этихъ гнусныхъ козней. Притомъ же, въ слѣдующей главѣ увидятъ, что Императоръ сказалъ мнѣ объ осужденіи Моро и Жоржа.

Рейтъ былъ выслушанъ въ шестое засѣданіе 2 Іюня, какъ сто тридцать четвертый свидѣтель (*). Онъ объявилъ, что не хочетъ отвѣчать ни на какія допросы; что будучи военноплѣннымъ, онъ требуетъ всѣхъ правъ его; и что онъ обязанъ отчетомъ только своему Правительству. Генералъ Прокуроръ просилъ Предсѣдателя приказать прочесть Рейту допросъ, сдѣланный ему 21 Маія и еще другой послѣ того; по прочтеніи коихъ Рейтъ замѣтилъ, что въ этихъ допросахъ не помѣщена сдѣланная ему угроза отдать его подъ военный судъ и разстрѣлять его, если онъ не измѣнитъ тайнамъ своего отечества.

Въ продолженіи суда, живѣйшее участіе было возбуждено Гг. Полиньяками, Карломъ д'Озье и де Ривіеромъ; чрезъ столь короткое время послѣ изгнанія дворянства, оставя уже въ сторонѣ чувства человѣколюбія, не согласно было съ расчетами искусной политики представлять публикѣ наслѣдниковъ знаменитаго имени, одаренныхъ тою геройскою вѣрностію, которой всегда удивляются, даже и не одобряя предмета оной.

Всѣ эти подсудимые были молоды и всѣ присутствующіе при ихъ показаніяхъ ощущали

(*) Рейтъ былъ взятъ подъ стражу за высадку на берегъ заговорщиковъ. Этотъ Офицеръ служилъ подъ начальствомъ Сидпея-Смита; Рейта сильно подозрѣвали въ соучастіи. Онъ былъ привезенъ въ Парижъ какъ свидѣтель, необходимый для улики заговорщиковъ.

невольное къ нимъ расположеніе. Большая часть изъ нихъ пренебрегали прибѣгать къ запирательствамъ и казалось менѣе были озабочены спасеніемъ своей жизни, чѣмъ спасеніемъ чести дѣла, для котораго они прибыли, не съ цѣлью произвесть убійство, какъ это всемъ было доказано, но дабы узнать настоящее расположеніе умовъ, которое учредители козней представляли благопріятнымъ для Бурбоновъ. Зачѣмъ умалчивать? общее расположеніе умовъ не было еще для нихъ благопріятно и обвиняемыя въ этомъ уже убѣдились. Дѣйствительно до смерти Герцога Ангенскаго, почти вся Франція привыкла къ Консульскому Правленію, которое казалось очень кроткимъ послѣ владычества ужаса и Директоріи. Даже самъ Моро не много бы могъ надѣяться на хорошія послѣдствія, еслибъ онъ не былъ гонимъ. Подсудимые знали все это и безъ адскихъ кововъ Тайной Полиціи, безвременныя ихъ желанія угасли бы въ тѣни или остались бы облеченными не проницаемымъ покровомъ.

Даже подъ мечемъ закона, вѣрные слуги Бурбоновъ, при всякомъ случаѣ обнаруживали свою привязанность и вѣрность. Я помню, что всѣ присутствующіе были растроганы до слезъ, когда при представленіи Предсѣдателемъ въ улику Г-на де Ривіера медаліона съ портретомъ Графа д'Артуа,—Г-нъ де Ривіеръ потребовалъ его къ

себѣ дабы лучше разсмотрѣть оный; Предсѣдатель переслалъ ему портретъ чрезъ Пристава и тогда Г. де Ривіеръ прижалъ оный къ устамъ своимъ и къ сердцу; а потомъ отдалъ его обратно, сказавъ что онъ только хотѣлъ воздать это уваженіе душевно любимому имъ Принцу.

Еще сильнѣе того было произведено умиленіе борьбою братскаго великодушія, возникшею въ послѣднія засѣданія между Гг. Полиньяками. Старшій изъ братьевъ, объявилъ, что выходя со двора всегда одинъ и днемъ, онъ не поступалъ какъ скрывающійся заговорщикъ и послѣ того прибавилъ слѣдующія слова, которыя чрезвычайно всѣхъ тронули и на вѣки запечатлѣлись въ моей памяти: «У меня остается одно только желаніе: если мечъ, висящій надъ нашими главами угрожаетъ существованію многихъ изъ подсудимыхъ; то спасите моего брата въ уваженіе хотя его молодости если не въ уваженіе его невинности, и да падетъ на меня весь гнѣвъ вашъ!»

Въ передпослѣднее засѣданіе, въ Пятницу 8 Іюня Г-нъ Арманъ де Полиньякъ произнесъ трогательныя слова, мною приведенныя. На другой день, въ роковое число произнесенія приговора, Г. Юлій Полиньякъ, въ краткій промежутокъ до начатія совѣщанія судей, испросивъ дозволеніе говорить, сказалъ: «Будучи вчера слишкомъ разстроганъ послѣ рѣчи моего

брата, я не могъ обратить надлежащаго внимания на читанное мною въ мою защиту; нынѣ, успокоясь, я покорнѣйше прошу васъ, Милостивые Государи, не принимать въ уваженie всего сказаннаго въ мою пользу моимъ великодушнымъ братомъ. Повторяю напротивъ того и съ бо́льшею справедливостью: если одинъ изъ насъ долженъ пасть; если еще не поздо, то спасите его; возвратите его, слезамъ его супруги: у меня нѣтъ ея. Подобно ему, я умѣю пренебрегать смертью; и будучи еще слишкомъ молодъ для того чтобы вкусить сладости жизни,—могу ли я жалѣть объ ней? Нѣтъ, нѣтъ, воскликнулъ братъ его, «тебѣ предстоитъ еще поприще; я долженъ погибнуть.

Память моя живо представляетъ мнѣ эту умилительную сцену; я какъ будто теперь вижу, какъ всѣ присутствующie отираютъ слезы, еще вижу Гемара, искривившаго лице свое, вижу ужасные черты его, вижу какъ онъ, — столько же не поколебимой и болѣе жестокiй, чѣмъ самый законъ,—вдругъ прекратилъ ее произнеся голосомъ, болѣе отзывавшимся суровымъ желанiемъ обвинить чѣмъ приличною судьѣ важностью:

«Судъ конченъ.»

Было еще только восемь часовъ утра, когда члены суда удалились въ залу совѣщанiй. Съ самаго начала судопроизводства стеченie народа,

нисколько не уменьшаясь, съ каждымъ днемъ увеличивалось; въ этотъ день оно было чрезвычайно и хотя приговоръ долженствовалъ быть произнесенъ очень поздо, а ни кто не вышелъ изъ залы засѣданій, дабы не пропустить случая находиться тамъ въ ту минуту, когда судъ опять займетъ мѣста свои. Мы прождали до четырехъ часовъ утра и всеобщее онѣмѣніе поразило всѣхъ присутствующихъ когда Гемаръ возсѣлъ на Предсѣдательскіе кресла, держа въ рукѣ приговоръ суда.

Этимъ ужаснымъ приговоромъ—Жоржъ Кадудаль, Буве де Лазіе, Рюсилліонъ, Рошель, Арманъ де Полиньякъ, Карлъ д'Озье, де Ривіеръ, Лудовикъ Дюкоръ, Нико, Лажоле, Рожеръ, Косте-Сен-Викторъ, Девилль, Галіаръ, Жуаю, Бюрбанъ, Лемерсье, Жанъ Кадудаль, Леланъ и Мериль—были осуждены на смерть; и только на двухъ годичное заключеніе Юлій Полиньякъ, Леридамъ, Генералъ Моро, Ролланъ и Гизе.

Едва сей приговоръ былъ произнесенъ, какъ онъ разспространилъ всеобщую скорбь во всѣхъ присутствовавшихъ, а скоро и въ цѣломъ Парижѣ. Могу увѣрить, что день сей, былъ днемъ всеобщаго огорченія, и хотя это случилось въ Воскресенье, а мѣста, обыкновенно въ этотъ день помѣщаемыя, остались почти пусты. Къ ужасу, возбужденному смертною казнью, столь расточительно назначенною и коей жертвы боль-

шею частью принадлежали къ высшему сословію общества,—присоединялась странность осужденія Моро, странность, коею, по произнесеніи приговора ни кто не былъ столь сильно пораженъ какъ Бонапарте и на счетъ коей онъ отозвался какъ ниже увидятъ. Я совершенно увѣренъ, что всѣ присутствовавшіе при производствѣ этого знаменитаго дѣла, вышли оттуда, подобно мнѣ въ полномъ убѣжденіи, что по преданіи Моро суду, были употреблены всѣ средства къ тому чтобы онъ не могъ выйти изъ подъ онаго совершенно оправданнымъ, а это очень отъ немногаго зависѣло.

Говорятъ будто бы Бонапарте сказалъ: «Господа, я тутъ меньшой; ваше дѣло хорошенько все разсмотрѣть прежде поднесенія мнѣ доклада. Но когда уже онъ поступитъ ко мнѣ за вашею подписью, то тѣмъ хуже для васъ, если невинный будетъ пораженъ. Эти слова довольно сходны съ обыкновенными его рѣчами; подобныя онымъ увидятъ въ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ въ послѣдовавшій за тѣмъ Четвергъ; но принявъ ихъ такъ, какъ они мною приведены, этотъ отзывъ приличный Государю, коего Министры за все отвѣтствуютъ, былъ бы только насмѣшливою отговоркою въ устахъ Наполеона, пользовавшагося неограниченною властью.

Обвиненные представили свое дѣло на апе-

ляцію, большая часть противъ воли, но уступивъ убѣжденіямъ своихъ друзей, не щадившихъ никакихъ заботъ и стараній для того чтобы исходатайствовать помилованіе тѣмъ, въ которыхъ они наиболѣе принимали участія. Моро также сначала думалъ было потребовать апеляціи; но онъ отрекся отъ этаго еще прежде чѣмъ апеляціонный судъ воспріялъ свои засѣданія. Моро покорился своему жребію и утѣшился бы мыслью, что онъ былъ жертвою слишкомъ большой знаменитости, пріобрѣтенной имъ на боевыхъ поляхъ; еслибъ жалобы семейства его не раздражили его противъ Франціи между тѣмъ какъ онъ могъ бы питать законную вражду противъ одного только Бонапарте.

Я имѣлъ случай узнать, что тотчасъ по произнесеніи уголовнымъ судомъ приговора, Мюратъ, Парижскій Губернаторъ и шуринъ Императора, отправился къ нему и убѣдительнѣйше заклиналъ его помиловать всѣхъ обвиненныхъ, говоря ему, что этотъ милосердый поступокъ сдѣлаетъ ему величайшую честь во мнѣніи Франціи и всей Европы, что объ немъ скажутъ, что Императоръ прощалъ покушеніе противъ жизни Перваго Консула, что такая снисходительность озаритъ большимъ блескомъ начало его царствованія, чѣмъ сколько казнь доставитъ ему безопасности; вотъ что сдѣлалъ тогда Мю-

рать, но онъ не испрашивалъ, какъ говорили, частныхъ помилованiй. Читатели увидятъ, какимъ образомъ были исходатайствованы данныя помилованiя, когда я сообщу имъ то, что мнѣ сказала объ этомъ предметѣ Iозефина, которая нисколько не потеряла своей невѣроятной благости, ни своей привязанности къ прежнимъ друзьямъ, сдѣлавшись Императрицею. Ходатайство Мюрата было дурно принято.

Подсудимые, получившiе помилованiе (*),

(*) Вотъ содержанiе данныхъ по этому случаю милостивыхъ манифестовъ:

НАПОЛЕОНЪ, Божiею Милостью и по Конституцiи Имперiи, ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

«*Предсѣдателю и членамъ уголовнаго суда Сенскаго Департамента, учрежденнаго въ Парижѣ.*

«Сердце наше тѣмъ болѣе было огорчено новыми заговорами, устроенными противъ Правительства врагами Францiи, что два человѣка, оказавшiе великiя заслуги отечеству, приняли въ оныхъ участiе.

«Приговоромъ вашимъ 21 прошедшаго Прерiаля, вы осудили на смертную казнь . . . . одного изъ соумышленниковъ. Преступленiе его велико; но мы хотимъ при этомъ случаѣ дать ему почувствовать дѣйствiе нашего милосердiя, всегда нами въ особенности питаемаго.

Въ слѣдствiе сего, и по собранiи въ особомъ совѣтѣ, въ нашемъ Сен-Клудскомъ дворцѣ, 2-го числа нынѣшняго мѣсяца, Архиканцлера Имперiи, Архи-Казначея, Конетабля, Верховнаго Судьи Министра Юстицiи; Министровъ Внѣшнихъ Сношенiй и Военнаго, Сенаторовъ Францiска де Нёшато, Лапласа и Фуше, Государственныхъ Совѣтниковъ Ренiо де Сен-Жанъ д'Анжели и Лакюе и членовъ Апелляцiоннаго суда Мюрера и Лакюе—мы объявили и объявляемъ помилованiе отъ смертной казни . . . . обращая оную

были: Буве де Лозье, обеспечившій себѣ жизнь своимъ сознаніемъ, Рюзиліонъ, де Ривіеръ, Рошель, Арманъ де Полиньякъ, д'Озіе, Лажоле, для котораго это было заранѣе условлено, и Арманъ Галіаръ.

Что касается до прочихъ несчастныхъ жертвъ коварныхъ козней Полиціи, то онѣ были казнены двадцать пятаго Іюня т. е. чрезъ день по объявленіи милостиваго манифеста. Мужество ихъ и покорность судьбѣ ни на минуту не измѣнились; и Жоржъ, зная что распространенъ слухъ будто бы его помиловали, дѣйствительно попросилъ себѣ милости — умереть первымъ, дабы товарищи его предъ смертью своею удостовѣрились въ томъ что онъ не переживетъ ихъ.

казнь въ ссылку, долженствующую быть исполненною чрезъ четыре года, въ продолженіе коихъ вышесказанный... имѣетъ содержаться въ тюрьмѣ, которая будетъ назначена.

«Извѣщаемъ и повелѣваемъ дабы манифестъ сей, за Императорскою печатью, былъ представленъ вамъ чрезъ три дня отъ подписанія нашимъ Генералъ-Прокуроромъ при означенномъ судѣ, во всенародномъ присутствіи, куда приговоренный будетъ приведенъ для выслушанія онаго стоя и съ окрытою головою; дабы вышеупомянутый манифестъ былъ немедленно записанъ въ вашъ протоколъ по представленію его же Генералъ-Прокурора, съ отмѣткою онаго на полѣ приговора осужденія.

«Дано въ Сен-Клудскомъ Дворцѣ за печатью Имперіи 4 Мессидора XII года.

НАПОЛЕОНЪ.

Замѣчаніе. Изъ сего видно, что Бонапарте не написалъ еще при этомъ случаѣ: *а нашего царствованія въ первое лѣто.*

++

ГЛАВА X.

Отвѣтъ Клавье.—Странное предложеніе, сдѣланное мнѣ Корвизаромъ по приказанію Наполеона. — Г. Демезонъ.—Преклоненіе судей.—Я ѣду въ Тюлери, — Раппъ дежурный.— Дружеская встрѣча.—Веселое расположеніе духа Императора.—Продолжительный съ нимъ разговоръ. — Сужденіе Наполеона о дѣлѣ Моро.—Убійцы Англіи и воспоминаніе о Г. Фоксѣ. — Жалобы противъ Англійскаго Правительства.—Лакюе.—Разсказъ о взятіи подъ стражу Пишегрю.— Средство, указанное Первымъ Консуломъ для удостовѣренія о нахожденіи его въ Парижѣ.—Изображеніе Моро.—Сдѣланныя Первымъ Консуломъ попытки къ его преклоненію.—Посылка Лористона въ Тампль.—Молчаніе на счетъ Герцога Ангенскаго. — Обращеніе Наполеона опять къ Моро и къ Жоржу.—Уваженіе къ Жоржу. — Обѣщаніе простить его и принять въ службу—Воспоминаніе о прежнихъ притѣсненіяхъ. — Аудіенція у Императрицы. — Іозефина такова же какъ прежде.—Печаль и дурныя предчувствія.—Сказанное ей обо мнѣ Наполеономъ.—Изъявленія благоволенія.

Не всѣ судьи, составлявшіе судъ, обвинившій Моро, — были Гемары и Тюріо. Исторія сохра-

18*

нила какъ почетную черту противоположности посреди подлыхъ дѣйствій этой эпохи, — отвѣтъ Г-на Клавье, котораго Гемаръ понуждалъ подать голосъ для осужденія Моро. Ахъ! Милостивый Государь; если мы его осудимъ, то кто насъ самихъ оправдаетъ?» Впрочемъ, если я говорю, что судьи были настроены, то это не одно только легкомысленное показаніе; я имѣю самое очевидное тому доказательство въ сдѣланномъ мнѣ самому предложеніи.

Бонапарте зналъ, что я былъ очень друженъ съ Г-мъ Демезономъ, однимъ изъ членовъ суда и зятемъ Корвизара; сверхъ того ему было извѣстно, что онъ склонялся къ признанію Моро невиннымъ и къ освобожденію его отъ суда. Однажды, въ продолженіе судопроизводства, Корвизаръ пріѣхалъ ко мнѣ очень рано утромъ и въ такомъ повидимому сильномъ замѣшательствѣ, что я сказалъ ему: «Что съ вами сдѣлалось? Не принесли ли вы какой нибудь дурной вѣсти? — Не со всѣмъ,» отвѣчалъ мнѣ Корвизаръ; «но я пріѣхалъ по приказнію Императора. Онъ хочетъ чтобы вы повидались съ моимъ зятемъ; онъ сказалъ мнѣ: «Это старѣйшина между судьями, человѣкъ очень уважаемый; его мнѣніе будетъ имѣть большой вѣсъ; я знаю, что оно благопріятно для Моро; но онъ въ этомъ неправъ. Повидайся съ Буріенномъ и сговорись съ нимъ чтобы постарать-

«ся обратить его къ мыслямъ, болѣе разсудительнымъ, ибо повторяю тебѣ, что онъ неправъ: онъ ошибается.» — Вотъ» прибавилъ Корвизаръ, «какое мнѣ дано къ вамъ порученіе. — Какъ,» возразилъ я съ наивеличайшимъ удивленіемъ, «и вы могли принять на себя такое порученіе? Вы могли хотя минуту подумать, что я буду способенъ склонять судью къ оказанію несправедливой строгости? — Конечно нѣтъ,» отвѣчалъ мнѣ Корвизаръ; «я долженъ былъ сообщить вамъ это, дабы исполнить волю Императора; но я напередъ зналъ, какъ вы примете предложеніе, которое мнѣ было поручено вамъ сдѣлать. Я слишкомъ хорошо знаю вашъ образъ мыслей и характеръ для того чтобы въ этомъ отношеніи хотя сколько нибудь усомниться и мнѣ очень было извѣстно, что это порученіе останется безъ всякаго успѣха. Притомъ же, ослушавшись Императора, я повредилъ бы вамъ въ умѣ его, ибо отказъ утвердитъ его въ томъ мнѣніи что вы наклонны къ оправданію Моро. Что касается до меня,» прибавилъ Корвизаръ «то я не имѣю нужды говорить вамъ, что и самъ я столькоже какъ вы не расположенъ преклонять къ этому мнѣнію моего зятя, котораго вы довольно знаете для того чтобы предвидѣть, какъ бы онъ принялъ подобное предложеніе.»

Таковы были цѣль и слѣдствіе посѣщенія Корвизара, которое даетъ мнѣ поводъ думать,

что подобныя попытки были делаемы и съ прочими членами суда. Какъ бы то ни было, а я изъ осторожности перестал видаться съ Г-мъ Демезономъ, не смотря на мое короткое съ нимъ знакомство.

Вотъ еще другое посѣщеніе не мнѣ, а мною сдѣланное и занимающее важное мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ.

14 Іюня 1804 года черезъ четыре дня послѣ произнесенія приговора, осудившаго Жоржа и его соумышленниковъ, Императоръ приказалъ дать мнѣ знать, чтобы я пріѣхалъ въ Сен-Клу. Это было въ Четвергъ. Сообразивъ сколько въ то время произошло великихъ событій и трагическихъ сценъ, можно себѣ представить, что я не слишкомъ былъ покоенъ на счетъ донесеній, которыя могли ему обо мнѣ сдѣлать и на счетъ того, для чего онъ меня къ себѣ требовалъ. Но и въ этотъ разъ по счастію случился дежурнымъ другъ мой Раппъ, который при входѣ моемъ сказалъ мнѣ:—«Будь покоенъ, онъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ хочетъ поговорить съ тобою»—Какъ только Раппъ обо мнѣ доложилъ, то Императоръ немедленно позвалъ меня къ себѣ. Пощипавъ меня за ухо и сдѣлавъ обыкновенные свои вопросы: «Что «говорятъ, что дѣлаютъ зѣваки, здоровы ли твои «дѣти, что ты подѣлываешь?» и проч., онъ сказалъ мнѣ: — «Кстати, ты присутствовалъ при

«судѣ надъ Моро?—Точно такъ, Государь, я не «пропустилъ ни одного засѣданія.—Ну Бурiеннъ, «скажи мнѣ по правдѣ; ты вѣрно заключилъ «что Моро невиненъ?—Такъ, Государь, покрайней «мѣрѣ могу васъ увѣрить, что при произведенiи «суда ничего не открылось къ его обвиненiю, и «даже признаюсь вамъ, что я часто удивлялся «тому, что его замѣшали въ этотъ заговоръ ибо «никакое важное обстоятельство, никакое пока«занiе не было противъ него приведено.—Я знаю «твое мнѣнiе объ этомъ дѣлѣ; Дюрокъ переска«залъ мнѣ что ты говорилъ ему на выходѣ въ «Тюлiери. Опытъ доказалъ, что ты былъ правъ, «но могъ ли я поступить иначе? Ты знаешь «что Буве де Лозiе повѣсился въ тюрмѣ своей «и былъ спасенъ только случайно. Реаль тот«часъ отправился въ Тампль допросить его; въ «первыхъ своихъ признанiяхъ, онъ обвинилъ «Моро, показавъ, что Моро имѣлъ совѣщанiе съ «Пишегрю; Реаль тотчасъ донесъ мнѣ объ этомъ, «предложивъ мнѣ взять подъ стражу Моро, но «распространившимся слухамъ, которые казались «основательными; Реаль ужъ дѣлалъ мнѣ это «предложенiе. Съ перваго раза я такъ ясно вникъ «въ это дѣло, что рѣшительно ему отказалъ; но «когда въ послѣдствiи Буве де Лозье сдѣлалъ «свое показанiе, то еще разъ спрашиваю, какъ «мнѣ было поступить? Могъ ли я дозволять от«крыто устроивать заговоры противъ моего

«правительства? Какъ было не повѣрить показа-«ніямъ Буве де Лозье при тѣхъ обстоятельст-«вахъ, въ которыхъ онъ находился? Могъ ли я «предвидѣть, что предъ судомъ онъ отречется «отъ своихъ первыхъ показаній? Тутъ произо-«шло сцѣпленіе обстоятельствъ, превышающее «человѣческое предвидѣніе; я долженъ былъ со-«гласиться на взятіе подъ стражу Моро, когда «получилъ доказательство о совѣщаніяхъ его съ «Пишегрю. Развѣ Англія не подсылала убійцъ?— «Государь,» сказалъ я ему, «позвольте мнѣ вамъ «напомнить разговоръ, который вы имѣли въ «моемъ присутствіи съ Г. Фоксомъ и послѣ ко-«тораго вы мнѣ сказали: *Бурiеннъ, я очень радъ «тому, что узналъ изъ устъ благороднаго чело-«вѣка, что Англійское Правительство неспо-«собно покуситься на жизнь мою, я люблю ува-«жать моихъ непріятелей.* — Вотъ еще! какъ «ты разсуждаешь! Вѣдь я вовсе не говорю что-«бы Англійскій Министръ рѣшился призвать къ «себѣ убійцу и сказать ему: Послушай, вотъ «тебѣ золото и кинжалъ, ступай и убей Пер-«ваго Консула. Нѣтъ, я этому не вѣрю; но тѣмъ «не менѣе справедливо, что всѣ составлявшіе «противъ моего правительства заговоры состоя-«ли на жалованьи Англіи, и получали отъ нея «содержаніе; развѣ я имѣю въ Лондонѣ агентовъ «для устроенія козней противъ Великобритан-«скаго Правительства? я веду съ нимъ откры-

«тую войну и нестараюсь возбуждать воспоми«наній о прежнихъ приверженцахъ Стуартовъ. «Не Рейтъ ли, Капитанъ Англійскаго флота при«везъ и высадилъ на Діепскій берегъ всѣхъ со«общниковъ Жоржа? Будь увѣренъ, что кромѣ «нѣсколькихъ безпокойныхъ людей, которыхъ я «знаю какъ унять, желанія всей Франціи были «за меня; вездѣ мнѣнія оказались мнѣ благо«пріятными; а потому я и не побоялся выста«вить всѣ эти заговоры, и произвесть судъ все«народно. Большая часть этихъ господъ желали, «чтобы я нарядилъ военный судъ, который кон«чился бы въ двадцать четыре часа; но я не «захотѣлъ: стали бы говорить, что я страшусь «мнѣнія, а я вовсе его не боюсь. Пусть себѣ «говорятъ что хотятъ, но чтобы я не слыхалъ; «не тѣмъ, которые приближены къ моей особѣ «дозволяется хулить то, что я дѣлаю.» Въ эту минуту я не могъ скрыть небольшаго невольнаго движенія, въ которомъ Императоръ замѣтилъ нѣчто больше, чѣмъ удивленіе; онъ остановился, взялъ меня за ухо и сказалъ съ самою ласковою улыбкою: «Это я не для тебя говорю, «милый мой; но я имѣю причины жаловаться »на Лакюе (*); повѣришь ли что въ продолже»ніе суда онъ открыто вступался за Моро? онъ,

(*) Лакюе былъ убитъ при Гунтцбургскомъ мосту. Кажется, что послѣ разговора моего съ Императоромъ, онъ перссталъ быть его Адъютантомъ.

«мой Адъютантъ; человѣкъ, который мнѣ всемъ «обязанъ! Что касается до тебя, я уже сказалъ «тебѣ, что ты хорошо постигъ это дѣло.»—Мнѣ совершенно неизвѣстно Государь, что говорилъ и дѣлалъ Лакюе, съ которымъ я давно ужъ не видаюсь; чтоже касается до сказаннаго мною Дюроку, то мы находимъ это въ исторіи на каждой страницѣ.

«Кстати,» продолжалъ Императоръ, послѣ «краткаго молчанія, «знаешь ли, что мнѣ обяза«ны за открытіе пребыванія Пишегрю въ Па«рижѣ? Они всѣ твердили мнѣ: Пишегрю въ Па«рижѣ; Фуше, Реаль пѣли мнѣ туже пѣсню, а «не могли представить никакого доказательства. «Какъ вы глупы—сказалъ я Реалю; вы съ разу «можете это развѣдать. У Пишегрю есть братъ «бывшій въ духовномъ званіи и который жи«ветъ въ Парижѣ; прикажите отыскать его квар«тиру и отправтесь туда; если его нѣтъ въ «квартирѣ, то это дастъ уже поводъ думать, что «Пишегрю здѣсь; еслиже братъ его живетъ на «прежнемъ мѣстѣ, то задержите его: онъ чело«вѣкъ простой, и первое движеніе его укажетъ «вамъ настоящій путь. Все произошло какъ я «предвидѣлъ; по взятіи его подъ стражу, не до«жидаясь разспросовъ, онъ самъ высказалъ все, «что хотѣли у него узнать, спросивъ неужели «ему вмѣнять въ вину то, что онъ принялъ у «себя роднаго своего брата. Такимъ образомъ

«всѣ сомнѣнія исчезли, а бездѣльникъ, у котора-«го Пишегрю жилъ, явился въ Полицію и про-«далъ тайну его пребыванія. Какая ужасная под-«лость! предать друга за деньги!»

Обратясь опять къ Моро, Императоръ долго говорилъ мнѣ объ этомъ Генералѣ. «Моро,» сказалъ онъ, «имѣетъ хорошія качества; онъ «одаренъ испытанною храбростью, но въ немъ «больше мужества, чѣмъ энергіи; онъ лѣнивъ и «и изнѣженъ; въ арміи онъ жилъ какъ Папа; «онъ курилъ, почти всегда лежалъ и слишкомъ «любилъ хорошо поѣсть. Онъ отъ природы «добръ, но слишкомъ лѣнивъ для пріобрѣтенія «свѣдѣній; онъ ничего не читаетъ и съ тѣхъ «поръ какъ прилѣпился къ женниной юбкѣ, онъ «пересталъ быть мужчиною; онъ видитъ только «глазами жены своей и тещи, которыя запута-«ли его во всѣ эти козни. Посуди Буріеннъ, «вѣдь довольно странно, что я первый присовѣ-«товалъ ему эту женидьбу: мнѣ сказали что дѣ-«вица Гюло, Креолка, и я полагалъ найти въ ней «вторую Іозефину; я ужасно ошибся. Эти бабы «отдалили его отъ меня и я очень жалѣю, хотя «онъ и гораздо ниже своей славы. Помнишь ли «ты какъ я тебѣ говорилъ, больше двухъ лѣтъ «тому назадъ, что Моро когда нибудь разобьетъ «себѣ носъ о Тюлеріійскія двери; это сбылось «и онъ самъ виноватъ; ибо я съ своей стороны «дѣлалъ все возможное для того чтобы его къ

«себѣ привязать. Ты помнишь пріемъ, сдѣлан«ный мною ему въ Мальмезонѣ; 18 Брюмера «я ввѣрилъ ему охраненіе Люксембурга и «онъ хорошо выполнилъ мои намѣренія. «Съ тѣхъ поръ онъ показывалъ мнѣ одну «только неблагодарность; онъ вмѣшивался во «всѣ толки, охуждалъ всѣ мои дѣла, надсмѣ«хался надъ Почетнымъ Легіономъ. Сплетники «вперили ему въ голову, будто бы я ему зави«дую (*); тебѣ это очень извѣстно. Ты также «какъ и я видѣлъ, какъ слава его была сдѣлана «Директоріею, устрашенною успѣхами моими «въ Италіи, и которая по этой причинѣ захотѣ«ла чтобы въ арміи былъ Генералъ, перевѣши«вающій мою славу. Я на престолѣ а онъ въ «тюрьмѣ. Ты видѣлъ всѣ представляемыя мнѣ «донесенія о безпрестанныхъ толкахъ противъ «меня его семейства; они сдѣлали изъ него не«довольнаго между тѣмъ какъ я такъ хорошо «бы съ нимъ поступилъ! Еслибъ онъ показалъ «ко мнѣ привязанность, то я бы конечно пожа«ловалъ его первымъ Маршаломъ Имперіи; но «что мнѣ было дѣлать? Онъ безпрестанно ху«лилъ мои походы и мое Правительство. Всѣ «эти донесенія прошли чрезъ твои руки и я не «скрывалъ отъ тебя досады, которую они мнѣ

(*) Бонапарте былъ правъ въ томъ, что увѣренность въ превосходствѣ своемъ предъ Моро, не дозволяла ему завидовать этому Генералу; но онъ ужъ конечно завидовалъ мнѣнію которое всѣ имѣли о Моро, справедливо или не основательно.

«причиняли. Когда мнѣ въ первый разъ сказа«ли, что Моро замѣшанъ въ заговорѣ Жоржа, «то я сей часъ тому повѣрилъ; я однакоже ко«лебался на счетъ задержанія его и рѣшился не «прежде, какъ спросивъ мнѣнія моего совѣта (*). «Когда члены собрались, то я представилъ имъ «всѣ бумаги, прося тщательно разсмотрѣть оныя; «я сказалъ имъ, что это дѣло немаловажное и «потребовалъ отъ нихъ искренняго объявленія, «существуютъ ли противъ Моро обвиненія столь «важныя, чтобы онъ могъ быть осужденъ на «смерть. Безумцы! отвѣтъ ихъ былъ утвердитель«ный и даже кажется, единогласный; тогда я пред«ставилъ это суду ибо уже нельзя было попя«титься. Не нужно сказывать тебѣ Буріеннъ, что «никогда голова Моро не пала бы на эшафотѣ; «уже конечно я бы его помиловалъ; но подверг«шись осужденію на смертную казнь, онъ не «былъ бы уже болѣе опаснымъ, и имя его пе«рестало бы считаться знаменемъ для ворчу«новъ Республики и для безумныхъ Роялистовъ. «Еслибъ Совѣтъ усомнился въ винѣ Моро, то я

(*) Какого совѣта! Совѣта въ которомъ засѣдалъ Фуше, котораго присутствіе должно было очень удивить, и удивило, приглашенныхъ туда вмѣстѣ съ нимъ. Фуше не имѣлъ другаго званія кромѣ Сенаторскаго. По всѣмъ приличіямъ, ему бы слѣдовало, хотя по наружности, не участвовать въ этихъ важныхъ дѣйствіяхъ Правительства. Но кто лучше могъ разсуждать о заговорѣ какъ не тотъ, коего оный частію былъ дѣломъ.

«призвалъ бы его къ себѣ; сказалъ бы ему что «возникшаго противъ него подозрѣнія достаточ«но для того чтобы мы не могли жить съ нимъ «вмѣстѣ; что онъ хорошо сдѣлаетъ отправясь «года на три путешествовать по Европѣ подъ «предлогомъ осмотра полей сраженія послѣднихъ «войнъ; что если онъ предпочитаетъ званіе По«сланника, я готовъ дать ему оное и, сколько «онъ пожелаетъ, денегъ; что въ эти три или че«тыре года, время, этотъ великій властелинъ, все «устроитъ. Но эти скоты объявили мнѣ, что онъ «не можетъ избѣгнуть осужденія на смерть; что «соумышленность его съ главою заговора оче«видна, и послѣ этаго, *осуждаютъ его какъ вора, «укравшаго изъ кармана платокъ.* Что теперь «прикажешь съ нимъ мнѣ дѣлать? оставить его «здѣсь? онъ опять будетъ служить сборною точ«кою. Пусть онъ продастъ свое имѣніе и выѣ«детъ изъ Франціи. Что мнѣ съ нимъ дѣлать? въ «Тамплѣ у меня и безъ него довольно . . . . И «еслибъ это еще была единственная ошибка, ко«торую они заставили меня сдѣлать! . . .—Ахъ, «государь! какъ вы были обмануты!—Да, я былъ «обманутъ; но я не могу же видѣть всего своими «глазами.»

Въ этомъ мѣстѣ нашего разговора, изъ котораго я по возможности выключилъ то, что было сказано мною, мнѣ показалось, что послѣдними своими словами Бонапарте хотѣлъ

намекнуть на смерть Герцога Ангенскаго и я думалъ что онъ заговоритъ объ немъ, но онъ ни слова не сказалъ мнѣ объ этомъ Принцѣ и даже ничего, прямо къ нему относящагося, а опять обратился къ Моро. «Онъ очень ошибся,» продолжалъ Императоръ, «если полагалъ, что я «питаю противъ него какую либо вражду. Тотчасъ по взятiи его подъ стражу, я послалъ къ «нему въ Тампль Лористона, котораго я выб«ралъ потому что у него кроткiй, миротворный «характеръ; я поручилъ ему сказать Моро, что«бы онъ только видѣлся съ Пишегрю и что я «прекращу надъ нимъ судъ. Вмѣсто того, чтобы «принять какъ должно этотъ великодушный вы«зовъ, онъ отвѣчалъ мнѣ съ надменностiю; онъ «гордился до тѣхъ поръ, пока Пишегрю не былъ «задержанъ; тогда ему пришлось сбавить спѣси. «Онъ написалъ ко мнѣ о своемъ прежнемъ по«веденiи оправдательное письмо, которое я ве«лѣлъ приложить къ судному дѣлу. Онъ погу«билъ себя чрезъ свою ошибку; а притомъ для «того чтобы устроивать противъ меня заговоры, «нужны люди не такихъ свойствъ, какъ Моро. «Вотъ напримѣръ, между заговорщиками есть че«ловѣкъ, о которомъ я жалѣю: это Жоржъ. Онъ «совсѣмъ другаго разряда; въ моихъ рукахъ та«кой человѣкъ произвелъ бы великiя дѣла. Я «умѣю оцѣнить, чего стоитъ твердость его ха«рактера и далъ бы ему хорошее направленiе. Я

«велѣлъ сказать ему чрезъ Реаля, что если онъ «хочетъ быть мнѣ приверженнымъ, то не только «получитъ прощеніе, но я дамъ ему полкъ. Почемъ знать? Можетъ быть я взялъ бы его къ «себѣ въ Адъютанты. Стали бы кричать; но мнѣ, «право, это было бы все равно. Жоржъ отъ все«го отказался: это желѣзная полоса. Что я те«перь могу сдѣлать? Онъ подвергнется своему «жребію, ибо онъ опасный человѣкъ въ партіи; «этаго необходимо требуетъ мое положеніе. Не «покажи я примѣра, то Англія выкинетъ мнѣ «во Францію всѣхъ негодяевъ эмигрантства; но «терпѣніе, терпѣніе, у меня руки длинны и я «достану ихъ если они только пошевелятся.

«Моро видѣлъ въ Жоржѣ только буяна; я «вижу въ немъ другое. Ты долженъ помнить «разговоръ, который я имѣлъ съ нимъ въ Тю«льери; ты былъ съ Раппомъ въ смежной ком«натѣ. Я не могъ ни чѣмъ его преклонить. Нѣ«которые изъ его товарищей тронулись при «имени отечества и славы, но онъ остался хо«лоденъ. Тщетно я трогалъ всѣ струны; все бы«ло напрасно; я нашелъ его постоянно нечув«ствительнымъ ко всему, что я ему говорилъ. «Жоржъ показался мнѣ тогда только холодно «жаднымъ къ власти и все стоялъ при своемъ «желаніи предводительствовать Вандейцами. Не «прежде какъ истощивъ всѣ средства соглаше«нія, я заговорилъ голосомъ верховнаго санов-

«ника. Я отпустилъ его съ особеннымъ подтвер«жденіемъ отправиться домой съ тѣмъ чтобы «жить покойно и съ покорностью, и не оши«баться на счетъ моего съ нимъ поступка, т. е. «не приписывать слабости того, что было толь«ко слѣдствіемъ моей умѣренности и силы. По«мните сами,—прибавилъ я—и подтвердите всѣмъ «вашимъ, что, пока я держу бразды Правленія, «не можетъ быть никакой надежды на успѣхъ и «спасеніе тѣмъ, кто дерзнетъ быть заговорщи«комъ. Тогда я его отпустилъ и послѣдствія до«казали, что я былъ правъ, совѣтуя ему оста«ваться въ покоѣ. Реаль сказалъ мнѣ, что когда «Моро, Жоржъ и Пишегрю сошлись, то они не «могли согласиться, потому что Жоржъ не хо«тѣлъ дѣйствовать иначе, какъ за Бурбоновъ. «Этотъ послѣдній имѣлъ по крайней мѣрѣ планъ; «но Моро не имѣлъ никакого: онъ хотѣлъ нис«провергнуть власть мою, не зная, кого онъ по«садитъ на мое мѣсто. Тутъ не было здраваго «смысла.

«А, кстати, Буріеннъ, видѣлся ли ты съ Кор«визаромъ?—Да Государь.—Ну чтожъ?—Онъ ис«полнилъ данное ему ко мнѣ порученіе.—А Де«мезонъ! я бьюсь объ закладъ, что ты не пере«говорилъ съ нимъ по моему желанію?—Госу«дарь, уваженіе, которое я питаю къ Г. Демезо«ну, заставило бы меня счесть мое посредниче«ство для него оскорбительнымъ; а потому, что-

«бы не перетолковали въ дурную сторону то «что я бы ему сказалъ, я рѣшился не видаться «съ нимъ во все продолженіе судопроизводства. «Ну хорошо; это дѣло. Будь благоразуменъ, скро«менъ, и я о тебѣ позабочусь.» Тогда, сдѣлавъ мнѣ очень ласковое привѣтствіе рукою, онъ ушелъ въ кабинетъ свой.

Императоръ продержалъ меня у себя болѣе часа. Вышедъ съ этой аудіенціи я прошелъ чрезъ дежурную залу, гдѣ увидѣлъ по множеству собравшихся тамъ особъ, что наука этикета сдѣлала уже большіе успѣхи, хотя Императоръ и не учредилъ еще при дворѣ своемъ Камергеровъ. Не скрываю, что я какъ нельзя больше былъ доволенъ сдѣланнымъ имъ мнѣ пріемомъ, а притомъ я начиналъ скучать моею праздностью, желая получить мѣсто, которое было мнѣ нужно послѣ понесенныхъ мною потерь, и послѣ несправедливыхъ отобраній Наполеономъ того, что онъ мнѣ далъ. Когда нынѣ я сужу объ немъ съ безпристрастною истиною, что я лучше люблю, чтобы сужденія мои относились къ дѣламъ совершенно мнѣ чуждымъ. Посему я удовольствуюсь сообщеніемъ здѣсь, —даже прежде разсказа о посѣщеніи моемъ Императрицы по выходѣ отъ Наполеона,—какъ онъ поступилъ со мною и съ Г-жею Буріеннъ; это послужитъ къ оправданію боязни, которую я вдругъ ощутилъ когда Императоръ потребо-

валъ меня къ себѣ въ Тюлери, равно какъ и удовольствія моего о сдѣланномъ имъ мнѣ пріемѣ. Я удостовѣрился въ сказанномъ мнѣ Рапномъ, что онъ въ хорошемъ расположеніи духа и былъ польщенъ довѣренностью, съ которою онъ разговаривалъ со мною о важныхъ тайнахъ своей политики и своего Правительства. Видя меня выходящаго, Рапнъ сказалъ мнѣ: «Кажется онъ вдоволь съ тобою натолковался. —Да, и не дурно.» И продолжительность аудіенціи доставила мнѣ придворный поклонъ отъ всѣхъ, находившихся въ дежурномъ залѣ.

И такъ вотъ что случилось за два года передъ тѣмъ: въ продолженіи мѣсяца, послѣдовавшаго за тѣмъ какъ я подалъ въ отставку, которой не получилъ, мнѣ предложили въ Сен-Клу домъ, принадлежащій Г-жѣ Девиль: это былъ тотъ самый гдѣ Герцогамъ Ангулемскому и Беррійскому прививали оспу. Я отправился посмотрѣть этотъ домъ, думая что въ немъ будетъ можно помѣститься всему моему семейству. Не смотря на его восхитительное положеніе, онъ показался мнѣ слишкомъ большимъ, и для состоянія моего и для вкуса. Исключая наружныя стѣны, онъ былъ очень въ дурномъ положеніи. Во внутренности все требовало большихъ издержекъ на исправленія. Г-жа Бонапарте, узнавъ, что жена моя всячески старается отклонить меня отъ этой покупки, захотѣла по-

смотрѣть домъ и отправилась туда съ нами для прогулки. Она такъ была восхищена имъ, что назвала жену мою дурочкою за то, что она не хочетъ пріобрѣсть его. На возраженіе ея касательно требуемыхъ на то издержекъ, Іозефина отвѣчала: «О! мы это устроимъ» По возвращеніи нашемъ она такъ расхвалила этотъ домъ Наполеону, что онъ сказалъ мнѣ: «Ну чтожъ «ты его не купишь, Бурiеннъ, когда цѣна его «умѣренна (просили 60 тысячь франковъ); ибо «когда мы переѣдемъ въ Сен-Клу, то изъ Парижа будетъ являться много гостей и ты можешь имѣть у себя другой столъ.»

И такъ домъ былъ купленъ. Дабы сдѣлать его способнымъ къ житью, потребовалось двадцать тысячь франковъ. Надобно было меблировать этотъ большой домъ; заказали мебели.

Но какъ только приступили къ работѣ, то все начало обрушиваться и открылось что надобно сдѣлать еще множество исправленій.

Бонапарте въ эту эпоху торопился окончаніемъ работъ въ Сен-Клудскомъ Зáмкѣ, въ которомъ ему очень хотѣлось поскорѣе поселиться. Будучи обязанъ безотлучно быть при немъ, я находилъ очень тягостнымъ раза по три въ день ѣздить изъ Реля въ Сен-Клу; и такъ я расположился съ моимъ семействомъ въ этомъ домѣ, наполненномъ рабочими. Едва пробылъ я въ немъ недѣлю, какъ Бонапарте объявилъ мнѣ,

какъ выше видѣли, что онъ не имѣетъ болѣе нужды въ моихъ услугахъ. Жена моя поѣхала съ нимъ проститься. Бонапарте благосклонно разговаривалъ съ нею о моихъ хорошихъ качествахъ, о моемъ достоинствѣ и о способности моей къ работѣ; онъ сказалъ ей именно этими словами, что изъ насъ трехъ, онъ самый несчастный и что ему никогда не удастся замѣнить меня. Потомъ онъ прибавилъ: «Я на мѣсяцъ уѣду: скажите Бурiенну, чтобы онъ остался въ покоѣ; чтобы онъ удалялся отъ общества и по возвращенiи моемъ, я помѣщу его по достоинству; я долженъ это сдѣлать и сдѣлаю, хотя бы мнѣ пришлось учредить для него новое мѣсто.

Тогда Г-жа Бурiеннъ стала просить у него позволенiя оставить за собою квартиру въ Тюльери до тѣхъ поръ, пока она родитъ, что было ужь не далеко. Онъ отвѣчалъ ей: «Живите «тамъ сколько вамъ угодно: я долго еще не пе«реѣду въ Парижъ.»

Этотъ Сен-Клудскiй домъ въ особенности возбудилъ зависть. Выдумали тысячу басней о мнимой пышности этаго жилища, котораго едва успѣли отдѣлать одинъ первый этажъ. Наполеону безпрестано дѣлали на этотъ счетъ доненесенiя, одно страннѣе другаго. Одна дама осмѣлилась даже увѣрять его, будто бы будуаръ украшенъ драгоцѣнными каменьями, а занавѣсы

вышиты жемчугомъ и что этотъ будуаръ стоитъ пятьсотъ тысячъ франковъ. На эту послѣднюю нелѣпость, какъ меня въ томъ увѣрялъ Дюрокъ, Бонапарте отвѣтствовалъ: *«Ахъ! сударыня, вы столько мнѣ наскажете, что наконецъ я ничему не повѣрю.*

Бонапарте отправился въ свое путешествіе; а я поѣхалъ съ семѣйствомъ моимъ къ Г-жѣ Кубертенъ, которая приняла насъ съ обыкновенною своею добротою и пріятностью: она была мнѣ двоюродная сестра. Мы провели у нея въ деревнѣ все время отсутствія Перваго Консула и возвратились въ Сен-Клу въ тотъ самый день, въ который къ вечеру ожидали Бонапарте. Не прошло четверти часа по его пріѣздѣ, какъ онъ велѣлъ мнѣ сказать, чтобы я черезъ двадцать четыре часа очистилъ въ Тюльери квартиру, въ которой онъ дозволилъ женѣ моей родить. Въ тоже время онъ потребовалъ всѣ Рюельскія мебели, подаренныя имъ мнѣ два года тому назадъ, тогда какъ я купилъ небольшой домикъ, для того, чтобы жить по близости его.

Я обратился къ нему съ просьбою, представивъ, что я отъ себя все заново передѣлалъ и обилъ шелковою тканью то, что прежде было покрыто пришедшею въ вѣтхость холстинкою. Онъ ничего не уважилъ и велѣлъ выбрать у меня изъ этого дома всѣ мебели, даже до щип-

цовъ. Я долженъ однакоже сказать, что по прибытіи своемъ въ Парижъ, онъ нашелъ у себя на столѣ кучу донесеній будто бы я говорилъ и дѣйствовалъ въ Парижѣ, куда я не ступалъ ногою и гдѣ ни съ кѣмъ не имѣлъ сообщеній.

По отъѣздѣ моемъ въ Гамбургъ, Бонапарте безъ околичностей завладѣлъ моими конюшнями и сараями. Въ Сен-Клу; онъ помѣстилъ въ нихъ сорокъ лошадей и множество экипажей. Онъ взялъ также хорошенькій домикъ при въѣздѣ въ паркъ, гдѣ расположились его кучера и конюхи, которые все перепортили. Все это было сдѣлано безъ предупрежденія меня и безъ всякаго вознагражденія. Онъ считалъ этотъ домъ своимъ; правда, что онъ приказалъ мнѣ купить его; но онъ не заплатилъ за него денегъ. Этотъ постой продолжался болѣе четырехъ лѣтъ.

Воспоминаніе о сдѣланныхъ мнѣ Наполеономъ притѣсненіяхъ, завело меня дальше, чѣмъ я хотѣлъ; и такъ возвращаюсь прямо къ новому Императорскому Сен-Клудскому дворцу въ ту минуту какъ вышедъ съ описанной мною аудіенціи, я отправился къ Императрицѣ, которая, узнавъ, что я во дворцѣ, велѣла мнѣ сказать чтобы я не уѣзжалъ не побывавъ у нея. Ничто не могло быть для меня пріятнѣе такого приглашенія, ибо пріемъ Іозефины былъ

всегда чрезвычайно милостивъ. Не помню, которая изъ приближенныхъ къ ней дамъ находилась у нея въ будуарѣ въ ту минуту, какъ обо мнѣ доложили; но она вышла и я остался наединѣ съ Іозефиною. Гордость новаго титула, нисколько не измѣнила предупредительную пріятность ея характера. Послѣ нѣсколькихъ словъ о перемѣнѣ ея положенія, я сообщилъ ей разговоръ, который я имѣлъ съ Императоромъ. Я подробно пересказалъ ей всѣ слова его о Моро, замѣтивъ что онъ, какъ мнѣ показалось, сбирался было заговорить со мною о Герцогѣ Ангенскомъ, но что вдругъ обративъ разговоръ съ той точки до которой онъ дошелъ, — онъ не сказалъ, мнѣ объ немъ ни слова. Г-жа Бонапарте отвѣчала мнѣ: «Онъ «правду сказалъ вамъ о Моро. Наполеона обма«нули, потому что думали угодить ему, выстав«ляя предъ нимъ Моро виновнымъ. Я нисколько «не удивляюсь, что онъ сохранилъ молчаніе о «Герцогѣ Ангенскомъ: онъ говоритъ объ немъ «сколько можно меньше, неопредѣлительнымъ «образомъ и почти всегда съ отвращеніемъ. «Если вы опять увидитесь съ Бонапарте, то не «наводите его на этотъ предметъ, а если слу«чится что онъ самъ объ немъ заговоритъ съ «вами, то избѣгайте всего, что можетъ похо«дить на упреки: онъ ихъ не терпитъ; вы толь«ко повредите этимъ себѣ въ умѣ его; а зло,

«увы! не возвратимо. Когда вы были у меня въ «Мальмезонѣ я разсказывала вамъ о всѣхъ тщетныхъ моихъ попыткахъ къ отклоненію его отъ «пагубнаго намѣренія и о томъ, какъ онъ со «мною обошелся. Съ тѣхъ поръ, въ семѣйномъ «кругу онъ рѣдко бывалъ веселъ; только при «своихъ придворныхъ принимаетъ онъ на себя «спокойный, ясный видъ, но я вижу что онъ «тѣмъ болѣе страдаетъ, чѣмъ болѣе усиливается «скрывать отъ насъ свои страданія. Кстати, я «забыла сказать вамъ, что онъ узналъ о посѣ«щеніи, сдѣланномъ вами мнѣ чрезъ день послѣ «этого бѣдственнаго событія; я боялась чтобы «враги ваши, которые большею частію и мои «враги, не представили ему это посѣщеніе въ «неблагопріятномъ видѣ; но по счастію это не «случилось. Онъ сказалъ мнѣ только: «Ты ви«дѣла Буріенна? Здоровъ ли онъ? Сердится ли «на меня? Я однакоже долженъ что нибудь для «него сдѣлать; я поищу случая.» Онъ загово«рилъ со мною въ этомъ же смыслѣ и повто«рилъ почти тоже самое, три дня тому назадъ, «и такъ какъ онъ призвалъ васъ къ себѣ то я «не сомнѣваюсь, что онъ имѣетъ что нибудь для «васъ въ виду. — А смѣюли спросить, что это «такое? — Я и сама еще не знаю, но совѣтую «вамъ удвоить осторожность съ людьми, съ ко«торыми вы видаетесь; онъ такъ сталъ недовѣр«чивъ и такъ хорошо знаетъ обо всемъ что дѣ-

«лаютъ и говорятъ! Я много перенесла послѣ «нашего свиданія; я не могу забыть жестокость, «съ которою онъ отвергъ мои убѣжденія. Я «нѣсколько дней была погружена въ глубокую «печаль, которая его раздражала, потому что «онъ очень хорошо видѣлъ ея причину. Титулъ «Императрицы меня не ослѣпляетъ; я вывожу «изъ всего этого дурныя предчувствія для меня «и для дѣтей моихъ. Мерзавцы должны быть «довольны; вы видите до чего они его довели! «Эта смерть отравляетъ жизнь мою. Мнѣ не «нужно, Бурiеннъ, говорить вамъ, что это дол«жно остаться между нами. — Я не думаю что«бы вы сомнѣвались въ моей скромности.—Ко«нечно нѣтъ, Бурiеннъ; я въ ней не сомнѣваюсь: «она равняется моей къ вамъ довѣренности; «будьте увѣрены, что я никогда не забуду все «сдѣланное вами для меня при разныхъ обстоя«тельствахъ и преданность, показанную вами «мнѣ по возвращеніи вашемъ изъ Египта. Про«щайте, любезный другъ, посѣщайте меня.»

Таковы были два свиданія, которыя я имѣлъ въ одинъ день, т. е. 14 Іюня 1804 года, сперва съ Императоромъ, а потомъ съ Императрицею. Возвратясь домой, я часа три записывалъ то что мнѣ сказали Наполеонъ и Іозефина и изъ этихъ замѣтокъ составлено мною описаніе двухъ разговоровъ.

ГЛАВА XI.

Конституція и Сенатскій Указъ.—Выгодность положенія Императора.—Любовь Наполеона къ Франціи. — Любопытная довѣренность Фуше. — Замѣчательныя слова, сказанныя Наполеономъ Фуше на счетъ протеста Людовика XVIII.—Тайный документъ, помѣщенный по приказанію въ Монитеръ.—Письмо Бонапарте къ Ренье.—Фуше опять сдѣланъ Министромъ Полиціи.—Дурное направленіе, данное Министромъ Ренье заговору Жоржа.—Незаслуженныя похвалы Фуше.—Достовѣрные признаки возвращенія Бурбоновъ.—Противоположность между словами и поступками Бонапарте.—Желѣзная корона.—Торжество 14 Іюля.—Праздники и потеря времени. — Большая церемонія въ Инвалидномъ домѣ.—Невольныя размышленія, воспоминанія 18 Брюмера и сравненіе.—Новая присяга Почетнаго Легіона, произнесенная Императоромъ.—Всеобщій восторгъ.—Отъѣздъ въ Булонь. — Я посѣщаю Іозефину. — Страсть къ нарядамъ Императрицы.—Посѣщеніе мое на другой день Мальмезона.—Іозефина и Г-жа Ремюза.—Разговоръ Іозефины.

Прежде уже было сказано, что по уставу Консульской Конституціи, — Первый Консулъ не долженствовалъ самъ предводительствовать

арміею внѣ границъ Республики; читатели видѣли также, чрезъ какую уловку Бонапарте уклонился отъ выполненія этаго Конституціоннаго правила, оставя Маренгской арміи названіе резервной. Это условіе не было уже предписано Бонапарте Императору; Сенатскій Указъ какъ слѣдуетъ это устроилъ и въ жаждѣ къ войнѣ, томившей душу Наполеона, — по достиженіи имъ титула, наиболѣе лестнаго для его гордости, неутомимое его воображеніе долженствовало питать обширные замыслы завоеваній, которые онъ думалъ привести въ исполненіе, какъ только Англія найдетъ себѣ на твердой землѣ союзника. Зная его характеръ, и часто видавъ, какъ онъ для вида показывалъ что требуетъ, въ надеждѣ не получить, я съ основательностью могу сдѣлать предположеніе, что онъ ускоривалъ своими желаніями, а можетъ быть и какими нибудь скрытными средствами минуту, въ которую ему доставятъ предлогъ къ войнѣ на твердой землѣ. Государь, въ такомъ положеніи, въ которое онъ себя поставилъ, пользуется великою выгодою, ибо не будучи удерживаемъ опасеніемъ оскорбить честолюбіе или виды другаго Правительства, онъ приводитъ всѣхъ къ покорности, тѣмъ сильнѣе предаваясь нуждѣ обнаруживать свое превосходство, что онъ бы желалъ видѣть его оспореннымъ. Въ такомъ положеніи вещей, Бонапарте, кото-

рый ни когда не имѣлъ мысли, въ самомъ дѣлѣ произвесть высадку въ Англію,—подъ предлогомъ этого замысла собралъ въ одну точку огромныя силы и довершилъ восторженность арміи, уже столь ему преданной.

Такимъ образомъ онъ въ тоже время успѣлъ —сильно встревожить соперницу, которую не хотѣлъ поразить, потому что не могъ сего сдѣлать—и держать въ роковой беспечности Государства, которыя бы вздумали противопоставить малѣйшую преграду возрастающему его честолюбію; такимъ образомъ Бонапарте обманулъ цѣлый свѣтъ, не удостоивъ никого въ этомъ своею довѣренностью, ни даже своихъ Министровъ; и это соображеніе, къ которому одинъ только онъ былъ способенъ, есть по моему мнѣнію чудо политики новѣйшихъ временъ.

Конечно Наполеонъ любилъ Францію, но онъ любилъ ее какъ средство; она была въ глазахъ его основаніемъ, на которомъ онъ утверждалъ свое собственное величіе; а дабы сего достигнуть, то по удовлетвореніи его честолюбія, ему была надобна война. Императорскій титулъ, утвердивъ его на престолѣ какъ основателя новой династіи, сообщилъ ему увѣренность, которой онъ до тѣхъ поръ, показывалъ видъ, что не имѣетъ и природная смѣлость его чрезъ это увеличилась. Я узналъ отъ Фуше очень замѣчательное обстоятельство, которое

подтверждаетъ сказанное мною.

Лудовикъ XVIII, находясь тогда въ Варшавѣ, извѣстился о возведенiи Наполеона въ Императорскiй санъ; вѣрный правамъ своимъ, онъ представилъ Европейскимъ Государямъ протестъ о похищенiи его престола. Фуше сказалъ мнѣ, что извѣстясь первый объ этомъ объявленiи онъ тотчасъ донесъ объ ономъ Императору, присовокупивъ, что безъ сомнѣнiя съ него начнутъ распространять списки въ Сен-Жерменскомъ предмѣстiи, у всѣхъ враговъ Правительства; что это произведетъ очень дурныя слѣдствiя, и что онъ долгомъ счелъ тотчасъ предупредить его объ этомъ, дабы онъ приказалъ Ренье и Реалю надсматривать за тѣми, которые будутъ распространять это объявленiе. Вы можете представить себѣ мое удивленiе, прибавилъ Фуше, ибо вамъ извѣстно, сколько одно имя Бурбоновъ его тревожило и возбуждало его недовѣрчивость. Взявъ отъ меня объявленiе и прочитавъ его, онъ сказалъ мнѣ отдавая его обратно: «А, а! Графъ Лильскiй издаетъ отъ себя манифесты! ну, какъ ему угодно. «Мое право основано на волѣ Францiи и пока «у меня есть мечъ, я буду умѣть поддержать «его. Бурбонамъ однакоже должно быть извѣстно, «что я не боюсь ихъ и потому пусть они оставятъ меня въ покоѣ. Вы говорите, что правдолюбцы Сен-Жерменскаго предмѣстiя станутъ

«распространять списки съ протеста Графа Лиль«скаго? Съ Богомъ, пусть они его читаютъ, сколь«ко имъ угодно. Фуше, пошлите его для напе«чатанія въ Монитёрѣ: я хочу чтобы завтраже «оно было помѣщено.» Это произошло 30 Іюня а на другой день, былъ дѣйствительно помѣщенъ въ Монитёрѣ протестъ Лудовика XVIII, отъ 6 Іюня, слѣдующаго содержанія:

«Принявъ титулъ Императора и желая сдѣ«лать его наслѣдственнымъ въ своей фамиліи, «Бонапарте довершилъ тѣмъ свое похищеніе. Это «новое дѣйствіе Революціи, въ коей все съ са«маго начала было беззаконно, конечно не мо«жетъ уничтожить правъ моихъ. Но, обязан«ный отчетомъ въ моемъ поведеніи всѣмъ Го«сударямъ, коихъ права оскорблены не менѣе «какъ мои, и коихъ престолы потрясены опас«ными правилами, объявленными Парижскимъ «Сенатомъ; обязанный отчетомъ Франціи, моему «семейству и моей собственной чести, я бы «измѣнилъ общему дѣлу сохранивъ молчаніе «въ этомъ случаѣ. Посему я объявляю — под«тверждая мои протесты противъ всѣхъ безза«конныхъ дѣйствій, которыя со времени собра«нія Генеральныхъ-Штатовъ Франціи, довели «Францію и Европу до того ужаснаго положе«нія, въ которомъ они находятся; — объявляю въ «присутствіи всѣхъ Государей, что не только «не признавая Императорскаго титула, который

«Бонапарте велѣлъ себѣ дать Палатѣ, не имѣю«щей даже законнаго существованія (Сенату),— «я протестую противъ этаго титула и противъ «всѣхъ будущихъ дѣйствій, могущихъ отъ она«го воспослѣдовать.»

Фуше очень мало заботился о томъ, будетъ ли это объявленіе или не будетъ распространено въ Парижѣ; онъ только хотѣлъ опять при этомъ случаѣ показать Императору, что ему лучше извѣстно все происходящее, чѣмъ Ренье, и Наполеонъ увидѣлъ новое доказательство неопытности и не искуства Верховнаго Судьи въ Полицейскихъ дѣлахъ; а Фуше вскорѣ получилъ то, чего онъ надѣялся отъ этой новой своей попытки. Дѣйствительно, черезъ девять дней послѣ обнародованія этаго протеста, Императоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ объявилъ Ренье о возстановленіи Министерства Главной Полиціи.

«Господинъ Верховный Судья Ренье, въ эпо«ху всеобщаго мира, я присоединилъ Министер«ство Полиціи къ Министерству Юстиціи. Воен«ныя Обстоятельства и послѣднія событія убѣ«дили меня въ необходимости, часто вами мнѣ «представляемой, возстановить это Министерст«во и побудили меня склониться на изъявлен«ное вами мнѣ желаніе быть вполнѣ предостав«ленпымъ исполненію важныхъ обязанностей «Верховнаго Судьи, Министра Юстиціи. Не могу, «при исполненіи сего вашего желанія, не изъ-

«явить вамъ совершеннаго моего удовольствiя «за службу вашу по званiю Министра Главной «Полицiи. Обратясь къ вашему настоящему «Министерству, вы конечно не въ состоянiи «будете показать болѣе ревности, чѣмъ какою «вы до сихъ поръ отличались; но вы будете «имѣть болѣе времени для занятiя этою столь «важною отраслью Правительства. Хорошее «управленiе правосудiемъ и хорошiй составъ «судебныхъ мѣстъ, имѣютъ въ Государствѣ «наиболѣе влiянiя на цѣну и сохранность имѣ«нiй и на самыя драгоцѣнныя для гражданъ «выгоды.

« Какъ письмо сiе, Господинъ Верховный «Судья, Министръ Юстицiи Ренье, не имѣетъ «другаго предмета, то я молю Бога, да сохра«нитъ онъ васъ подъ своимъ святымъ кровомъ.

«Дано въ Сен-Клу, 21 Мессидора XII года.

НАПОЛЕОНЪ»

Это письмо, средствомъ, которымъ Императоръ золотитъ въ немъ для Ренье пилюлю, напоминаетъ немного то, которое Первый Консулъ написалъ къ Бертье при взятiи у него Военнаго Министерства, чрезъ назначенiе его въ мнимое предводительство резервною армiею. Выраженiе *молю Бога да сохранитъ онъ васъ подъ своимъ святымъ кровомъ*, показывало новый успѣхъ Наполеона въ наукѣ прежнихъ обрядовъ; онъ еще не употреблялъ его, даже

въ письмѣ своемъ къ Камбасересу на другой день по восшествіи своемъ на Императорскій престолъ, и надобно въ тоже время сознаться, что это выраженіе представляетъ странную противоположность съ мѣсяцемъ *Мелидоромъ* и съ *двѣнадцатымъ* годомъ! Притомъ же лестныя вещи, которыя Наполеонъ говоритъ Ренье въ письмѣ своемъ принадлежатъ къ системѣ его оказывать величайшую почесть главнымъ сановникамъ его Правительства въ своихъ всенародныхъ съ ними сношеніяхъ, дабы чрезъ то внушать большее къ нимъ уваженіе ихъ подчиненнымъ; и Богу извѣстно, сколько онъ вознаграждалъ себя за это наединѣ, называя ихъ глупцами, дураками, тупоумными.

Дурное направленіе, которое Ренье съ самаго начала допустилъ взять дѣлу Жоржа, было первою причиною, побудившею Наполеона рѣшиться возстановить Министерство Полиціи и возвратить оное тому, который заставилъ думать, что его необходимо опять призвать къ оному—чудовищнымъ сплетеніемъ кововъ и вѣроломствъ. Я такж увѣренъ что Императоръ при этомъ очень имѣлъ въ виду случай, еслибъ будущая война принудила его выйти изъ предѣловъ Франціи, считая Фуше болѣе всякаго другаго способнымъ соблюсти общественное спокойствіе и болѣе полагаясь на него въ надзорѣ за заговорами, которые въ его отсутствіе,

могли устроить въ пользу Бурбоновъ. И правду сказать, искуство Фуше въ управленіе Полиціею, вошло такъ сказать въ пословицу; но я имѣю доказательства, что всѣ похвалы, ему расточаемыя, были страннымъ образомъ преувеличены, распространяемы корыстью и повторяемы дураками. По моему мнѣнію, которое основано не на простыхъ вѣроятностяхъ, Фуше всегда измѣнялъ тѣмъ партіямъ, къ коимъ онъ показывалъ преданность, какъ только его выгода, единственный вождь, котораго онъ имѣлъ въ жизни, совѣтовала ему то сдѣлать.

Съ той минуты, когда Бонапарте нанесъ послѣдній ударъ Республикѣ, которая была ужъ только тѣнью съ 19 Брюмера, легко было предвидѣть что Бурбоны нѣкогда опять войдутъ на престолъ своихъ предковъ и это предвидѣніе вѣроятно имѣло вліяніе, по крайней мѣрѣ, на разницу числа противниковъ учрежденія Имперіи въ сравненіи съ числомъ подавшихъ голоса противъ учрежденія пожизненнаго Консульства. Самое важное для Бурбоновъ было то, чтобы сначала престолъ ихъ возстановился, что было всего труднѣе сдѣлать. Бонапарте принялъ эту заботу на себя и какъ будто волшебнымъ жезломъ, въ одно мгновеніе ока возстановилъ весь прежній порядокъ, павшій подъ ударами Революціи. Опять явились различія чиновъ, орденовъ, титла, дворянства

украшенія. Съ той поры какъ дѣло пошло уже не о формѣ правленія, а только о лицахъ; когда возстановились прежнія наименованія; когда сами поборники Революціи рѣшили этотъ вопросъ, не было больше сомнѣнія что, какъ только представится случай (по весьма многимъ отношеніямъ вѣроятный), большая часть народа предпочтетъ древній Королевскій Домъ, которому онъ былъ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ, своимъ величіемъ и могуществомъ и который поставилъ его на такую высокую степень славы и благоденствія. Государство, управляемое законами, согласными съ ея правами и нуждами и возстановляющими существенную политическую свободу, долженствовало предпочесть потомковъ Генриха Великаго, потомкамъ всякаго другаго дома, счастливому солдату, который омрачилъ прекрасный день Брюмерскаго возстановленія, убійствомъ юнаго Принца Королевскаго семейства и для возшествія на престолъ поставилъ себя наряду съ цареубійцами, возбудивъ къ себѣ тотъ же ужасъ, который они внушали.

Притомъ же; на какомъ основаніи утверждалась Имперія? конечно на необъятной славѣ, но не на учрежденіяхъ: когда призраки славы бы исчезли, то что стало бы ее поддерживать?

Читатели видѣли, что въ Августѣ мѣсяцѣ 1802 года, при разсужденіяхъ въ совѣтѣ о по-

жизненномъ Консульствѣ, съ коимъ соединялся вопросъ о наслѣдіи власти, Первый Консулъ сказалъ: «Наслѣдіе нелѣпо, несовмѣстно съ самодержавіемъ народа и невозможно во Франціи.» Онъ объявилъ это добровольно, вовсе не имѣвъ нужды объясняться; а не прошло еще послѣ этаго двухъ лѣтъ, какъ онъ возстановилъ для себя престолъ и учредилъ въ пользу своего дома это наслѣдіе *нелѣпое, невозможное во Франціи!* Словомъ сказать, онъ основалъ четвертую династію. Было ли противорѣчіе между словами Перваго Консула и послѣдующимъ его поведеніемъ? Нѣтъ. У всякаго другаго, было бы тутъ противорѣчіе, но у него нѣтъ. Предположивъ, что онъ самъ себѣ противорѣчилъ, надобно бы допустить, что въ характерѣ Наполеона были слабость, недоумѣніе и непостоянство, а уже конечно этаго ничего не было. Онъ просто игралъ одну изъ своихъ комедій для того, чтобы дать грушѣ время созрѣть, по одному изъ его любимыхъ выраженій, которое онъ безпрестанно приводилъ, будучи принужденъ отдалять срокъ, когда честолюбіе его долженствовало наконецъ быть удовлетвореннымъ.

И такъ это честолюбіе, какъ видѣли, удовлетворилось, но еще далеко было до того, чтобы оно насытилось; скоро увидятъ Папу, переѣзжающаго горы для освященія Император-

ской короны, а его самаго стремящагося въ Италію, дабы схватить себѣ корону Королей Ломбардскихъ. Въ Миланѣ, надобно признать превосходство Наполеоновой фортуны; ему не предстояло какъ Карломану, свергать Дидіе съ престола.

Я ниже скажу то, что мнѣ извѣстно о короновании въ Италіи; теперь еще рано говорить объ ономъ, ибо я даже не достигъ еще эпохи коронаціи въ Соборѣ Св. Богородицы въ Парижѣ; но не удивительно, что столько воспоминаній сближаются и смѣщиваются иногда въ моей памяти.

Не изъ послѣднихъ странностей политики Наполеона было то, что въ первый годъ своего царствованія, онъ сохранилъ праздникъ 14 Іюля; это не былъ именно праздникъ Республики; онъ возбуждалъ собою два великія воспоминанія: роковой день взятія Бастиліи и первую Федерацію, день легкомысленнаго изступленія. Такъ какъ 14 Іюля пришлось въ Суботу, то Императоръ приказалъ праздновать оное на другой день, въ Воскресенье; это напоминаетъ слова Бонапарте въ эпоху Конкордата. «Больше всего пугаетъ меня,» сказалъ онъ мнѣ, «если я возстановлю Католическую вѣру, это множество праздниковъ, которые прежде существовали; они ведутъ къ праздности, а я этого не хочу; народъ имѣетъ нужду въ своей

работѣ для того, чтобы снискивать себѣ пропитаніе; на четыре дня въ году я соглашаюсь, но никакъ не болѣе; если Римскіе отцы не захотятъ тѣмъ удовольствоваться, то я на нихъ не посмотрю. Потеря времени казалось ему такою бѣдою, что онъ почти всегда отлагалъ необходимые празднества до воскресныхъ дней; такимъ образомъ онъ отсрочилъ праздникъ Тѣла Христова (la fete—Dieu) до слѣдующаго Воскресенья.

И такъ въ Воскресенье пятнадцатаго Іюля Императоръ имѣлъ случай въ первый разъ представить взорамъ Парижанъ всю Императорскую пышность. Сначала всѣ находившіеся въ Парижѣ кавалеры Почетнаго-Легіона, произнесли присягу, сообразно съ новою формою оной. Въ первый еще разъ было такъ сказать два отдѣльныхъ кортежа: Императора и Императрицы. При вступленіи Бонапарте въ Тюліери, только одинъ онъ былъ окруженъ ничтожною пышностью, которую дозволяло тогда младенчество роскоши, а Г-жа Бонапарте, бывшая только женою Перваго Консула, отправилась туда скромно, безъ блеска и безъ свиты, для того чтобы смотрѣть изъ окна покоевъ Третьяго Консула Лебрёна. Но времена очень перемѣнились; и такъ былъ Императорскій кортежъ Имератрицы, коего кареты проѣхали чрезъ Тюліерійскій садъ, до сихъ поръ исклю-

чительно предоставленный однимъ только гуляющимъ; потомъ военный кортежъ Императора, который захотѣлъ явиться верхомъ посреди избранныхъ своихъ Генераловъ, сдѣлавшихся Маршалами Имперіи. Г-нъ Сегюръ былъ уже Оберъ-Церемонійместеромъ, и потому распоряжалъ всемъ торжествомъ; онъ встрѣтилъ Императора у дверей Инвалиднаго дома, вмѣстѣ съ Губернаторомъ онаго. Они провели Императрицу на пріуготовленную для нея каѳедру противъ Императорскаго престола, который Наполеонъ занялъ одинъ по правую сторону алтаря. Я присутствовалъ на этой церемоніи, не смотря на всегдашнее мое отвращеніе ко всѣмъ такимъ торжествамъ; но какъ Дюрокъ за два дня предъ тѣмъ привезъ мнѣ билеты для мѣстъ на хорахъ, то я не посмѣлъ туда не явиться, боясь чтобы зоркій глазъ Бонапарте не замѣтилъ моего отсутствія, если Дюрокъ сдѣлалъ это по его приказанію.

Я покрайней мѣрѣ съ часъ разсматривалъ горделивую, а иногда и нѣсколько смѣшную осанку, этихъ новыхъ вельможъ Имперіи; видѣлъ какъ духовенство, подъ предводительствомъ Кардинала Беллуа, встрѣтило Императора при входѣ въ церковь, которая не была уже, какъ при перенесеніи смертныхъ остатковъ Тюренна, Марсовымъ храмомъ. Какія странныя размышленія тѣснились въ умѣ моемъ, когда я

увидѣлъ у себя предъ глазами моего прежняго товарища Бріенской школы, сидящаго на высокомъ престолѣ, окруженнаго Генералъ-Полковниками своей Гвардіи, верховными сановниками Имперіи, Министрами и Маршалами; я невольно обращался къ 19 Брюмеру, и вся эта величественная пышность исчезала, когда я представлялъ себѣ Наполеона, до такой степени запинающагося въ словахъ своихъ, что я принужденъ былъ дернуть его за платье и посовѣтовать ему выйти. Не желаніе порицать и не зависть внушали мнѣ эти размышленія; ни при какихъ обстоятельствахъ нашего поприща, я бы не захотѣлъ промѣнять моего положенія, на его; но тотъ, кому случилось размышлять о непредвидѣнномъ возвышеніи прежняго товарища и присутствовать при ономъ, можетъ быть постигнетъ странность мыслей, мнѣ представлявшихся.

Я былъ отвлеченъ отъ этихъ мыслей движеніемъ, происшедшимъ въ огромной церкви, которая по окончаніи Богослуженія, какъ будто опять сдѣлалась языческимъ храмомъ. Присутствующіе болѣе были преданы Императору, чѣмъ Богу Христіанскому и потому болѣе обнаружили восторга, чѣмъ набожности. Обѣдня была отслушана безъ большаго благоговѣнія; но когда Г. Ласепедъ, Великій Канцлеръ Почетнаго Легіона, по произнесеніи похвальной рѣ-

чи, сдѣлалъ перекличку Великимъ - Офицерамъ Легіона, то Бонапарте накрылся, какъ то дѣлали древніе Короли Франціи при торжественныхъ засѣданіяхъ; глубокое молчаніе и какое то набожное благоговѣніе царствовало въ собраніи. Онъ уже не запинался какъ въ Пятисотномъ Совѣтѣ, тогда какъ онъ твердымъ голосомъ сказалъ: «Командиры, Офицеры, Легіонеры, Граждане, солдаты, вы клянетесь вашею «честью посвятить себя службѣ Имперіи и со«храненію въ цѣлости ея владѣній; защитѣ Им«ператора, законовъ Республики и утвержден«ныхъ оными имѣній; сопротивляться всѣми «способами, дозволенными справедливостью, раз«судкомъ и законами, — всякому предпріятію, «клонящемуся къ возстановленію феодальнаго «управленія; наконецъ, вы клянетесь содѣйство«вать всѣми вашими силами поддержанію свобо«ды и равенства, главнаго основанія нашихъ «учрежденій. Вы клянетесь въ томъ!»

Всѣ члены Почетнаго Легіона воскликнули: *клянусь* и прибавили къ этому кликъ: *да здравствуетъ Императоръ*, съ неописаннымъ восторгомъ, къ коему присоединились всѣ присутствующіе. Впрочемъ, какая была эта новая присяга? съ нѣкоторыми измѣненіями та самая, которая предписывалась для Почетнаго Легіона при Консульствѣ, съ тою только разницею, что тутъ Императоръ взялъ шагъ предъ законами

Республики и это была не одна только форма. При томъ же довольно было забавно или, даже несколько отважно, заставлять присягать о равенствѣ въ ту минуту, когда столько титуловъ и всѣ Монархическія отличія были возстановлены.

Черезъ три дня послѣ этой церемоніи, т. е. 18 Іюля, Императоръ отбылъ изъ Парижа для осмотра Булонскаго лагеря. Онъ не взялъ съ собою Императрицы, ибо поѣздка его долженствовала быть совершенно посвященною осмотру военныхъ работъ и приготовленій. Воспользовавшись сдѣланнымъ мнѣ Іозефиною приглашеніемъ, я отправился къ ней въ Сен-Клу, черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Наполеона; она не ожидала моего посѣщенія и я нашелъ ее окруженною четырью или пятью дворцовыми дамами, долженствовавшими вскорѣ принять титулы Штатсъ-Дамъ и Дамъ-Собесѣдницъ. Она приняла меня какъ только обо мнѣ доложили; эти госпожи занимались блистательными бездѣлками, поставляемыми за столь дорогую цѣну знаменитымъ Леруа и Г-жею Депо, ибо какія бы огорченія ни удручали Іозефину, а она была слишкомъ много женщиною, для того чтобы въ самой печали своей не удѣлить нѣсколько минутъ на дѣла, относящіяся къ нарядамъ. При входѣ моемъ, разсужденіе о важномъ вопросѣ какіе наряды возметъ съ собою Императрица при

поѣздкѣ своей въ Бельгію, куда Наполеонъ назначилъ ей пріѣхать къ нему въ зáмокъ Лакенъ близъ Брюсселя. Не взирая на важность совѣщаній о покроѣ, о цвѣтѣ платьевъ и о формѣ шляпъ, Іозефина приняла меня какъ обыкновенно, т. е. самымъ ласковымъ образомъ; но не имѣя времени поговорить со мною, она какъ будто между прочимъ, но такъ что я могъ принять эти слова за приглашеніе, сказала что располагаетъ завтра провести утро въ Мальмезонѣ.

Я сократилъ мое посѣщеніе и на другой день около полудня пріѣхалъ въ эту прекрасную обитель, которой никогда не могъ увидѣть безъ душевнаго умиленія; ни одна алея, ни одно дерево не были для меня безъ воспоминаній, все напоминало мнѣ довѣренность Бонапарте; но прошло уже то время, когда онъ по мелочамъ расчитывалъ сколько можетъ принести дохода Мальмезонъ и въ заключеніе говорилъ, что для житья въ немъ пріятнымъ образомъ, надобно было имѣть въ годъ тридцать тысячь ливровъ.

Когда я пріѣхалъ въ зáмокъ, то Іозефина прогуливалась по саду съ Г-жею Ремюза, которая нравилась ей болѣе всѣхъ прочихъ ея дамъ, потому что между ими существовало согласіе духа доброты и благорасположенія. Г-жа Ремюза была дочь Министра Верженна, котораго

могли оспорить искуство, но не благородство, не честность и не преданность Лудовику XVI. Г-жа Ремюза имѣла сестру Г-жу Нансути, которую я видалъ иногда у Г-жи Бонапарте, но гораздо рѣже, чѣмъ старшую сестру ея. Я встрѣтилъ этихъ дамъ на поворотѣ алеи, ведущей въ Рюель. Поклонясь Іозефинѣ, я спросилъ о здоровьѣ Ея Величества и ни когда не забуду, какимъ трогательнымъ голосомъ она сказала мнѣ: «Ахъ! Буріеннъ, прошу васъ, дайте мнѣ хотя здѣсь забыть, что я Императрица; будьте всегда нашимъ другомъ.» Такъ какъ Іозефина не имѣла отъ Г-жи Ремюза скрытныхъ мыслей, кромѣ нѣкоторыхъ жалобъ насемейныя неудовольствія, коихъ вѣроятно я былъ единственнымъ повѣреннымъ, то мы начали разговаривать, какъ будто безъ свидѣтелей и какъ можно себѣ представить, толковали о томъ, что было предметомъ всѣхъ мыслей Іозефины. Она сдѣлала такую привычку, что очень часто говорила мнѣ: *онъ* и я не имѣлъ нужды въ поясненіи для того, чтобы узнать, что этотъ *онъ* былъ Бонапарте.

Поговоривъ со мною о предстоящей своей поѣздкѣ въ Бельгію, Іозефина сказала мнѣ: «Какъ жаль, Буріеннъ, что нельзя воротить прошедшаго. Онъ началъ съ хорошими чувствами; онъ оказывалъ милости; я видѣла его довольнымъ добромъ, которое онъ могъ дѣлать и безъ

его проклятой политики, я увѣрена что онъ еще большее число бы помиловалъ; мнѣ дорого это стоило, но я скрыла отъ него мои огорченія, ибо видѣла, что онѣ ему досадны и дѣлали его еще мрачнѣе. Теперь онъ посреди своей арміи, а тамъ онъ забываетъ все остальное. Какъ мнѣ больно, что я не имѣла успѣха по всѣмъ просьбамъ мнѣ поданнымъ. Эта добрая Г-жа Монтессонъ пріѣзжала изъ Роменвеля въ Сен-Клу просить помилованія Г. де Ривіеру и Г. Полиньяку (*). Мы успѣли представить ему Г-жу Полиньякъ; Боже мой, какъ она была прекрасна! Бонапарте видя ее, тронулся и сказалъ ей. «Мужъ вашъ, Сударыня, посягалъ на мою жизнь, а потому я могу простить ему.» Вы его знаете Буріеннъ и вамъ извѣстно, что онъ не золъ; его совѣтники и льстецы заставляютъ его дѣлать дурное. Раппъ поступилъ прекрасно; онъ отправился къ Императору и

(*) Я получилъ въ моемъ уединеніи и прочиталъ съ большимъ участіемъ *Записки объ Императрицѣ Іозефинѣ.* Я нашелъ въ нихъ умъ, пріятность, истину, и въ особенности, если можно такъ выразиться, — отраженіе того чѣмъ была Іозефина. Читая эти Записки, сію внушенныя, я часто думалъ, что слышу ее говорящею и не смотря на то что въ заглавіи оныхъ не выставлено имя сочинителя, тайна эта отъ меня не скрыта; если я не ошибаюсь то ихъ сочинила дама, состоящая въ иномъ родствѣ, кромѣ какъ по уму своему, съ Г-жею Жанлисъ.

Примѣч. Записки сіи сочинены Г-жею Дюкре и въ нынѣшнемъ году изданы на Русскомъ языкѣ.

не отсталъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не выпросилъ помилованія другому осужденному, котораго я не припомню имени (*). Какое участіе возбудили во мнѣ эти господа Полиньяки! Постараемся, если можно, накинуть покровъ на прошедшее; у меня довольно безпокойствъ и въ будущемъ Повѣрьте, любезной Буріеннъ, что я не забуду во время пребыванія моего въ Бельгіи пробудить благопріятное расположеніе, въ которомъ онъ теперь къ вамъ находится; и какъ только что нибудь узнаю, то васъ увѣдомлю. Прощайте.»

[*] Кажется что это былъ Рюссиліонъ.

ГЛАВА XII.

Празднество 14 Іюля.—Отъѣздъ въ Булонскій лагерь.—Всеобщее заблужденіе на счетъ замысловъ Наполеона.—Начальники лагерей.—Голландскій флотъ.—Лагерь Цесаря.—Раздача крестовъ Почетнаго Легіона — Военный престолъ.—Шарлатанство Наполеона.—Отважность двухъ Англійскихъ матросовъ.—Уваженіе Наполеона къ храбрости его непріятелей.—Страсть Наполеона къ противоположностямъ.—Десятилѣтнія награды и Политехническая Школа.—Свиданіе Императора съ Императрицею.—Первые переговоры съ Папою на счетъ коронованія Наполеона.—Угожденія Римскому Двору.—Аррасскій Префектъ и Графъ Лудовикъ де Нарбоннъ.—Незначительная перемѣна въ Министерствѣ.—Разсужденіе въ Англійскомъ Парламентѣ на счетъ переписки Драке.—Истина о поведеніи Англійскаго Правительства.—Золото, противопоставленное силѣ оружія.—Нарушеніе поземельныхъ правъ и Г. Румбольдъ.—Обвиненія, не заслуживающія разсмотрѣнія.

Въ продолженіе празднества 14 Іюля, о которомъ я говорилъ въ предъидущей главѣ,—

Императоръ, предъ выходомъ изъ Инвалиднаго Дома объявилъ что онъ самъ поѣдетъ раздавать кресты Почестнаго Легіона арміи, собранной въ Булонскомъ лагерѣ. Онъ недолго заставилъ себя дожидаться: отправясь изъ Сен-Клу 18 числа, онъ ѣхалъ такъ скоро, что на другой день, когда еще занимались приготовленіями, которыя хотѣли сдѣлать ему по его пріѣздѣ, онъ очутился уже въ гавани посреди работниковъ, осматривая работы; не вѣроятная его дѣятельность казалось его размножала и можно сказать что онъ былъ вездѣ.

При отъѣздѣ Императора въ Парижѣ всѣ думали, что раздача крестовъ въ Булонскомъ лагерѣ есть только предлогъ и что Бонапарте наконецъ приведетъ въ исполненіе предполагаемый замыселъ высадки въ Англію. Это дѣйствительно былъ предлогъ; Императоръ хотѣлъ болѣе, и болѣе возбудить восторгъ своей арміи показаться ей облеченнымъ своимъ новымъ достоинствомъ, присутствовать на большихъ маневрахъ и приготовить ее повиноваться первому приказу, который Онъ дастъ ей. И въ самомъ дѣлѣ, при видѣ столькихъ приготовленій, столькихъ мгновенно снаряженныхъ перевозныхъ судовъ, какъ было не подумать что онъ точно не рѣшился покуситься на высадку въ Англію? Его полагали въ Лондонѣ, зная что всѣ корпуса арміи, разставленные по берегамъ

отъ Этапля до Остенде, были готовы къ посаженію на суда. Прибытіе Наполеона къ войскамъ придало имъ, если это было возможно, новый порывъ. Французскія гавани въ Ла Маншеском проливѣ давно уже были превращены въ верфи и въ арсеналы, гдѣ работали съ тою чудною дѣятельностью, которую Наполеонъ такъ хорошо умѣлъ возбуждать. Между начальниками разныхъ лагерей существовало невѣроятное соревнованіе; и это соревнованіе нисходило отъ одного къ другому, до солдатъ и до работниковъ.

Даву начальствовалъ лагерями Дюнкирхенскимъ и Остендскимъ; Ней былъ предводителемъ лагерей въ Кале и Монтрёлѣ; главный лагерь, Булонскій, состоялъ подъ командою Маршала Сульта; Удино заступилъ мѣсто Мармонта въ Сент-Омерскомъ лагерѣ, а Мармонтъ начальствовалъ частію арміи, расположенною на границахъ Голландіи; Голландскій флотъ, который считали назначеннымъ для перевозки Французскихъ войскъ, находился подъ его же предводительствомъ. Въ Булонской гавани считалось не менѣе осми или девяти сотъ судовъ, не включая въ это число тѣхъ, которыя находились въ портахъ Этаплѣ, Дюнкирхенѣ, Вимерё и Амбльтёзѣ и не считая также флота изъ пяти сотъ вымпеловъ, которымъ начальствовалъ Адмиралъ Верюелль и котораго ожи-

дали въ послѣднюю изъ этихъ гаваней. Англичане собрали въ Ла Маншѣ грозныя силы и наблюдали за Французскими транспортами, которые при нападеніи на нихъ, защищались съ мужествомъ, возраставшимъ отъ присутствія Бонапарте въ Булонѣ.

Искусно пользуясь малѣйшими дѣйствіями случая, для открытія въ нихъ счастливыхъ предзнаменованій судьбы Императора, приближенные его не преминули представить ему залогами славы, найденные въ землѣ древніе обломки. Нѣкоторые признаки Римскаго лагеря, открытые близъ Ордрской башни, гдѣ была воздвигнута ставка Императора, сдѣлались для арміи очевиднымъ доказательствомъ, что Французскій Цесарь занималъ лагерь, разбитый нѣкогда Римскимъ Цесаремъ для угроженія Великобританіи; а чтобы дать этому примѣненію болѣе цѣны, Ордрская башня воспріяла названіе Цесаревой башни. Такимъ же образомъ, нѣсколько медалей Вильгельма завоевателя, найденныхъ въ другихъ мѣстахъ, а можетъ быть и нарочно подложенныхъ, для того чтобы ихъ вѣрнѣе можно было найти, долженствовали служить для самыхъ недовѣрчивыхъ доказательствомъ, что Наполеонъ завоюетъ Англію.

Не подалеку отъ Цесаревой башни воссмьдесятъ тысячъ человѣкъ Булонскаго и Монтрёльскаго лагерей, подъ предводительствомъ

Маршала Сульта, собрались на обширной равнинѣ для присутствія при торжественной раздачѣ крестовъ Почетнаго Легіона съ изображеніемъ Императора. Эта равнина, которую я видѣлъ при первой поѣздкѣ, сдѣланной мною къ берегамъ съ Наполеономъ предъ отправленіемъ нашимъ въ Египетъ, походитъ на огромную кругообразную раковину, посреди коей возвышается правильный холмъ. Этотъ холмъ сдѣлался Императорскимъ трономъ Бонапарте посреди солдатъ его; онъ сталъ на немъ со своимъ блистательнымъ штабомъ; и вокругъ этаго средоточія славы, полки были расположены въ линіи, подобно лучамъ, изъ онаго исходящимъ. Съ вершины сего престола, устроеннаго Природою, Бонапарте громогласно произнесъ туже форму присяги, которая была произнесена въ Инвалидномъ Домѣ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ. Это было знакомъ ко всеобщему изъявленію восторга, и Раппъ, говоря объ этой церемоніи, сказалъ мнѣ, что никогда еще Императоръ не казался столь довольнымъ. И могъ ли онъ не быть доволенъ? Фортуна, казалось, тогда покорствовала его волѣ. Въ это самое время случилась гроза, заставившая опасаться чтобы часть флотиліи отъ оной не пострадала: Бонапарте, сошедъ съ возвышенія, гдѣ онъ раздавалъ кресты, отправился въ гавань, дабы отдать приказанія о принятіи необходимыхъ

мѣръ; но по прибытiи его туда, тишина опять возстановилась, какъ бы волшебствомъ; флотилiя невредимо вошла въ гавань и онъ возвратился въ лагерь, гдѣ начались приготовленныя для войскъ игры и увеселенiя; а вечеромъ устроенный на берегу огромный фейерверкъ, ярко озарилъ горизонтъ, такъ что огни онаго явственно были видимы съ береговъ Англiи.

Въ Булонскомъ лагерѣ, Бонапарте такъ сказать ласкалъ солдатъ; почти всякой день онъ дѣлалъ имъ смотры отъ шести часовъ до полудня, а остальную часть дня употреблялъ на осмотръ работъ, свершавшихся, какъ бы посредствомъ волшебства, въ его присутствiи.

При этихъ смотрахъ, онъ спрашивалъ у Офицеровъ, а часто даже и у солдатъ, въ какихъ сраженiяхъ, въ какихъ дѣлахъ они участвовали, и если они имѣли тяжелыя раны, то онъ давалъ имъ кресты. Здѣсь мнѣ кажется кстати разсказать о странномъ способѣ, къ которому прибѣгалъ Наполеонъ, и который чрезвычайно какъ содѣйствовалъ къ воспламененiю восторга войскъ. Онъ говаривалъ одному изъ своихъ Адъютантовъ: «Узнай у Командира такого-то полка, нѣтъ ли у него въ полку отличнаго человѣка, бывшаго въ Италiянскихъ походахъ или въ Египетскомъ походѣ; освѣдомься о его имени, родинѣ, о положенiи его семейства и о томъ что онъ сдѣлалъ; узнай также,

въ которой онъ ротѣ, которымъ стоитъ во фронтѣ и обо всемъ мнѣ сообщи.» Въ день смотра, Бонапарте съ перваго взгляда усматривалъ человѣка, ему заранѣе означеннаго; онъ подходилъ къ нему и какъ будто бы узнавъ его, называлъ его по имени и говорилъ: «А! ты тутъ; ты храбрый воинъ; я видѣлъ тебя при Абукирѣ; что подѣлываетъ старый отецъ твой? и у тебя нѣтъ креста? даю тебѣ его.» Тогда солдаты толковали между собою: Императоръ знаетъ насъ всѣхъ, ему извѣстны наши семейства и то что мы сдѣлали.» Какое средство къ поощренію солдатъ, которыхъ онъ успѣлъ увѣрить, что всѣ они могутъ нѣкогда сдѣлаться Маршалами Имперіи.

Лористонъ разсказывалъ мнѣ, между прочими анекдотами относящимися къ пребыванію Императора въ Булонскомъ лагерѣ, замѣчательную черту неустрашимости двухъ Англійскихъ матросовъ. Эти два человѣка были плѣнниками въ Верденѣ, гдѣ находилось самое значительное число Англичанъ, задержанныхъ Первымъ Консуломъ въ плѣну во Франціи при разрывѣ Аміенскаго мира. Они добрались до Булоня, не будучи открыты дорогою, не смотря настрогій надзоръ за всѣми Англичанами. Они пробыли тамъ нѣсколько времени безъ денегъ и не находя никакихъ средствъ къ бѣгству. Имъ казалось невозможнымъ попасть на какое нибудь

судно, ибо бдительный осмотръ, производимый береговою стражею всѣмъ малѣйшимъ судамъ, не позволялъ имъ прибѣгнуть къ этому средству. Эти два матроса построили сами родъ лодки изъ небольшихъ кусковъ дерева, которые они скрѣпили какъ умѣли, безъ всякихъ другихъ инструментовъ кромѣ ножей своихъ; они обтянули эту бренную ладью холстомъ; она имѣла широты только три или четыре фута и не многимъ болѣе этаго въ длину, и была такъ легка, что одинъ человѣкъ легко могъ снести ее па спинѣ. Что значитъ любовь къ отечеству, вмѣстѣ съ привлекательностію свободы! Навѣрное зная что будутъ разстрѣляны, если ихъ поймаютъ; почти также навѣрное зная что утонутъ, они тѣмъ не менѣе рѣшились переплыть чрезъ проливъ на своемъ легкомъ челнокѣ. Усмотрѣвъ въ виду береговъ Англійскій фрегатъ, они пустились на своей лодкѣ, стараясь достичь его; но они не успѣли еще отплыть въ море и на сто саженъ, какъ таможенные увидѣли ихъ, догнали и привезли назадъ, такъ что они не могли сдѣлать имъ ни-малѣйшаго сопротивленія. Это происшествіе быстро распространилось по всему лагерю, въ которомъ начали толковать о неимовѣрной отвагѣ этихъ двухъ человѣкъ. Слухъ о томъ дошелъ до ушей Императора, который захотѣлъ ихъ видѣть и приказалъ привести ихъ

предъ себя съ ихъ маленькимъ судномъ. Наполеонъ, коего воображеніе было сильно поражаемо всѣмъ необыкновеннымъ, не могъ скрыть своего удивленія къ столь смѣлому замыслу при такомъ слабомъ средствѣ исполненія. «Точно ли правда,» спросилъ у нихъ Императоръ «что вы хотѣли на этомъ переплыть черезъ «море? — Ахъ! Государь,» отвѣчали они, «если «вы сомнѣваетеся, то дозвольте намъ, и вы увидите какъ мы отправимся. — Согласенъ; вы «смѣлые, предпріимчивые люди; я удивляюсь «мужеству вездѣ, гдѣ оно мнѣ встрѣтится, но «не хочу чтобы вы подвергали опасности жизнь «свою; вы свободны; и сверхъ того я прикажу «отвезти васъ на Англійское судно. Разскажите «въ Лондонѣ, какое я имѣю уваженіе къ храбрымъ людямъ, даже и тогда, какъ они мои «непріятели.» Эти люди, сказалъ мнѣ Раппъ, бывшій съ Дюрокомъ, съ Лористономъ и со многими другими, свидѣтелемъ этой сцены,— были поражены великодушіемъ Императора. Еслибъ они не были ему представлены, то ихъ бы разстрѣляли какъ шпіоновъ; вмѣсто того Наполеонъ далъ каждому изъ нихъ по нѣскольку золотыхъ монетъ. Этотъ случай былъ одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе поразили Наполеона, и я видѣлъ что онъ вспомнилъ объ немъ на островѣ Св. Елены въ одномъ изъ своихъ разговоровъ съ Г-мъ Ласъ-Казомъ.

Бонапарте, болѣе всякаго другаго, имѣлъ страсть къ противоположностямъ и къ сближеніямъ; находясь на *Мюиронѣ*, при возвращеніи нашемъ изъ Египта, онъ ничего столько не желалъ, какъ одержать, послѣ смерти Жуберта и потери сраженія при Нови, побѣду въ Италіи, дабы извѣстіе объ оной могло поспѣть въ Парижъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о послѣдней побѣдѣ, одержанной имъ при Абукирѣ, за нѣсколько дней до отъѣзда нашего изъ Египта. Онъ болѣе всего любилъ распоряжать военными дѣлами изъ своего Сен-Клудскаго кабинета, а изъ лагерей писать указы касательно гражданскаго управленія. Такимъ то образомъ въ Булонскомъ лагерѣ онъ учредилъ десятилѣтнія награды, которыхъ первую раздачу хотѣлъ произвесть черезъ пять лѣтъ послѣ того, въ день 18 Брюмера, что было невинною вѣжливостью, оказанною числу учрежденія Консульской Республики. Это въ тоже время какъ будто обѣщало Республиканскому Календарю долговременное существованіе; которое однако же не состоялось. Всѣ эти мелкія средства проходили не будучи замѣчаемы, но Бонапарте столько разъ обнаруживалъ предо мною свою теорію касательно науки обманывать людей, что я не могъ не знать всей цѣны оныхъ. Изъ Булонскаго же лагеря, указомъ своимъ онъ совершенно преобразовалъ основанную Республикою По-

литехническую Школу, сдѣлавъ ее вполнѣ военнымъ заведеніемъ. Онъ зналъ, что въ этомъ святилищѣ высшихъ наукъ царствовалъ Республиканскій духъ и даже еще въ то время, какъ я при немъ находился, онъ часто гаваривалъ мнѣ, что надобно подчинить военному порядку всѣ пансіоны, всѣ Коллегіи и всѣ вообще учебныя заведенія. Я нѣсколько разъ старался оспоривать эту мысль, но никогда не успѣвалъ убѣдить его.

Изъ разговора, который я имѣлъ съ Іозефиною въ Мальмезонѣ, читатели видѣли, что Императоръ назначилъ ей свиданіе съ нимъ въ Белгіи. Онъ отправился туда изъ Булонскаго лагеря, оставя въ изумленіи тѣхъ, которые думали, что минута покуситься на высадку наконецъ наступила. Императрица увидѣлась съ нимъ въ замкѣ Лакенѣ, который Императоръ приказалъ исправить и заново меблировать съ большимъ великолѣпіемъ.

Императоръ, продолжая свое путешествіе чрезъ города прилежащіе къ Рейну, остановился сперва въ Ахенѣ, проѣхалъ чрезъ три Эпископства, обозрѣлъ мимоѣздомъ Кельнъ и Кобленцъ, сдѣлавшійся чрезъ эмиграцію столь знаменитымъ, и прибылъ въ Майнцъ, пребываніе, въ коемъ ознаменовалось первою попыткою къ переговорамъ съ Римскимъ Престоломъ, имѣвшимъ цѣлію преклоненіе Папы къ тому, что-

бы онъ прiѣхалъ во Францiю короновать новаго Императора и утвердить власть его освященiемъ оной Церковью. Наполеонъ поручилъ это дѣло Каффарелли, и послѣдствiя онаго извѣстны. Всевозможная предупредительность и угодливость были оказываемы тогда имъ Римскому двору; я помню что орелъ Почетнаго Легiона былъ данъ Кардиналу Капрарѣ при церемонiи Инвалиднаго Дома и дабы придать еще болѣе цѣны этому отличiю, Императоръ повелѣлъ Великому Канцлеру Почетнаго Легiона написать къ Кардиналу Легату письмо, въ коемъ ему тщательно было замѣчено, что онъ первый иностранецъ, украшенный орломъ Почетнаго Легiона. Въ послѣдствiи, Богъ знаетъ, сколько было дано оныхъ иностраннымъ Государямъ, Принцамъ и ихъ Министрамъ въ промежутки, когда онъ не мѣнялся съ ними пушечными выстрѣлами.

Поѣздка Наполеона продолжалась около трехъ мѣсяцевъ и не прежде какъ въ Октябрѣ онъ возвратился въ Сен-Клу. Тогда только я узналъ отъ сопутствовавшихъ ему друзей моихъ помѣщенныя мною выше подробности о его путешествiи; я бы могъ написать гораздо больше еслибъ помѣстилъ все сообщенное мнѣ ими объ удивленiи, восторгѣ, радости цѣлаго народа въ мѣстахъ имъ посѣщенныхъ, но всѣ эти изъявленiя между собою сходны и я по опыту знаю,

что они не всегда имѣютъ тотъ смыслъ, который льстецы стараются дать имъ предъ своимъ повелителемъ. Не могу только забыть что въ продолженіи этого путешествія Г. де ла Шезъ, Арраскій Префектъ сказалъ Императору въ своей рѣчи: «Богъ сотворилъ Бонапарте, и отдохнулъ.» Это подало поводъ Графу Лудовику Нарбонну, не приставшему еще тогда къ Императорской системѣ, сказать, что гораздо лучше было бы, еслибъ Богъ отдохнулъ нѣсколько прежде.

Въ продолженіи отсутствія Императора, въ Министерствѣ его произошла частная перемѣна, не слишкомъ однако же ощутительная. Г. Шампаньи заступилъ мѣсто Шанталя въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; въ Булонскомъ же лагерѣ волею своего брата, миролюбивый Іосифъ преобразился въ воина и былъ сдѣланъ Командиромъ 4-го Линейнаго Пѣхотнаго Полка, надъ чѣмъ смѣялись многіе Генералы. Я помню что однажды Ланнъ, разговаривая со мною объ этомъ, съ обыкновенною своею искренностью и жаромъ, сказалъ мнѣ: «Не попадайся онъ ко мнѣ подъ команду; ибо при первой ошибкѣ я упрячу его подъ арестъ.»

Я выше говорилъ уже о козняхъ Дрейке и Меге де ла Туша, постыдно прославившагося въ лѣтописяхъ шпіонства. Въ эту эпоху, то есть въ началѣ Октября, Британскій Парламентъ

занимался разсмотрѣніемъ переписки Министра своего въ Минхенѣ. Лордъ Морпетъ сдѣлалъ въ Палатѣ Депутатовъ довольно пылкую выходку по случаю этой переписки. Канцлеръ Казначейства отвѣтствовалъ, что онъ благодаритъ благороднаго Лорда за доставленный ему случай громогласно опровергнуть одну изъ самыхъ великихъ и самыхъ гнусныхъ клеветъ, которыя когда либо были изобрѣтаемы однимъ просвѣщеннымъ народомъ противъ другаго народа. Канцлеръ въ полномъ присутствіи Парламента объявилъ, что никому не было дано никакихъ наставленій для поступковъ, противныхъ народнымъ правамъ; что ни онъ и никто изъ его товарищей, никогда никого не уполномочивали къ дѣйствіямъ, предосудительнымъ для чести Англіи или постыднымъ для человѣчества.

Я долженъ сказать, имѣя на то доказательства, что вся эта переписка, показавшаяся честнымъ людямъ столь соблазнительною, была слѣдствіемъ гнусныхъ кововъ; ничего подобнаго бы не произошло безъ вѣроломныхъ внушеній агентовъ Тайной Полиціи, между коими Меге былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ, пускаясь даже въ ремесло выгодное, но опасное, двойнаго шпіонства. Въ подтвержденіе моихъ словъ, да позволено мнѣ будетъ заранѣе сказать, что въ продолженіи шести лѣтъ, проведенныхъ мною въ Гамбургѣ въ званіи Министра Фран-

цiи, я находился въ такомъ положенiи, что *все* было мнѣ извѣстно. И такъ смѣю увѣрить, что ни исправленiе моихъ обязанностей по службѣ, ни частныя сношенiя съ почтеннѣйшими людьми, не подали мнѣ повода думать, что Англiйское Правительство когда либо устроивало эти заговоры, безчестные для тѣхъ, которые ихъ изобрѣтаютъ, и для тѣхъ которые поощряютъ ихъ деньгами.

Я конечно защищаю здѣсь не Англичанъ, а справедливость. Англичане прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, дозволяемымъ политикою и обычаями дипломатiи для низложенiя обширнаго, честолюбиваго генiя, коего фортуна и слава сдѣлали главою могущественнаго, храбраго народа, и который съ трудомъ скрывалъ замыслы свои на счетъ твердой земли; силѣ его армiй, они противопоставили силу золота и приманка денежныхъ пособiй вовлекла къ нимъ въ союзъ колебавшiеся кабинеты.

Выгода своей земли должна быть первымъ закономъ всякаго Правительства, и Англiйское Министерство нарушило бы долгъ свой, еслибъ оно не старалось противопоставлять всѣ возможныя препятствiя развитiю Наполеонова честолюбiя. Этою выгодою постоянно руководствовалась политика Лудовика XIV, и историки сего великаго Государя, не ставятъ ему въ укоръ того, что онъ первый призналъ протекторство

Кромвеля не взирая на то, что Протекторъ обагрился кровiю Карла I-го, зятя Генриха IV. Политика Наполеона была гораздо болѣе противна, чѣмъ политика Англiи правамъ народовъ; нетолько мы видѣли нарушенiе имъ поземельныхъ правъ Бадена, для взятiя подъ стражу юнаго Французскаго Принца; не только онъ задержалъ плѣнниками частныхъ людей Англичанъ, довѣрчиво прiѣхавшихъ во Францiю послѣ Амiенскаго мира; но даже въ ту самую минуту какъ въ Англiйскомъ Парламентѣ происходило разсужденiе о перепискѣ Драке, 25 Октября 1804 года, по повелѣнiю Наполеона Г. Румбольдъ, Англiйскiй Министръ въ Гамбургѣ, былъ захваченъ у себя на дачѣ близъ сего города отрядомъ Французскихъ солдатъ изъ армiи, занимавшей Гановръ. Этотъ отрядъ переправился чрезъ Эльбу, нарушилъ права независимой еще земли этой Республики и Г-на Румбольда принудили возвратиться въ Англiю, истребовавъ отъ него обѣщанiе, что онъ не прiѣдетъ болѣе въ Гамбургъ. Такими ли поступками можно было внушить довѣренность и давали ли оные право быть столь взыскательнымъ къ поведенiю другихъ?

Всѣ сношенiя, которыя я имѣлъ съ Англичанами утвердили меня въ томъ мнѣнiи, что сильная ненависть, питаемая противъ нихъ На-

полеономъ, упорство ихъ сопротивленія и слѣпое легковѣріе толпы, подали поводъ ко множеству обвиненій, которыя, не имѣя никакого основанія даже не заслуживаютъ ни малѣйшаго разсмотрѣнія.

ГЛАВА XIII.

Англія, обманутая Наполеономъ.—Выгода атаки противъ обороны.—Брандеры Адмирала Кейта.—Приведеніе въ устройство Рейнскихъ Департаментовъ.—Поѣздка Наполеона въ Бельгію.—Адмиралы Миніесси и Вильневъ.—Начальство данное Лористону.—Онъ неожиданно меня посѣщаетъ.—Разговоръ объ употребленіи Наполеономъ времени.—Строгость съ поставщиками.— Милліоны, отъ нихъ вытребованные.—Сужденіе Наполеона о Г-жѣ Сталь.—Метафизика чувствъ.—Искательства Г-жи Сталь.—Льстивыя письма, оставленныя безъ отвѣта.—Упорство умной женщины.—Удивленіе дошедшее до обожанія.— Восторгъ, превратившійся въ ненависть.—Порученіе Каффарелли и предварительный успѣхъ.—Обстоятельства возшествія на престолъ Папы.—Мысли Наполеона о могуществѣ церкви — Историческое сближеніе.—Папа въ Фонтенебло.—Первое свиданіе Пія VII-го съ Наполеономъ.—Устраненіе церемоніала и искусное присвоеніе себѣ первенства.—Свиданіе, разсказанное Рапномъ.

Англія никогда не была болѣе игрушкою Бонапарте, какъ въ продолженіе работъ Булонскаго лагеря; Англичане вѣрили покушенію

высадки и истощались наборами людей и денегъ для того, чтобы ихъ нигдѣ нельзя было застать въ расплохъ. Такова дѣйствительно выгода атакующаго, что онъ выбираетъ точку, гдѣ хочетъ дѣйствовать, между тѣмъ какъ тотъ, который опасается атаки, принужденъ повсюду быть нантотовѣ. Такимъ образомъ Англія держалась въ оборонительномъ положеніи, покушаясь впрочемъ и сама на непріязненныя дѣйствія, которыя дозволяли ей превосходство ея флота и занятіе морей. Однако же казалось что сама фортуна покровительствовала оружію Наполеона, по крайней мѣрѣ по берегамъ нашимъ, гдѣ Англичане успѣли причинить намъ мало вреда не смотря на брандеры и родъ адскихъ машинъ, которые они пускали въ Булонъ и въ лагерь, занятый Французскою арміею. Адмиралъ Кейтъ начальствовалъ Англійскимъ флотомъ въ Ла Маншѣ и я помню, что враги Наполеонова Правительства распространили слухъ, будто бы Кейтъ совершенно сжегъ нашу флотилію. Этого вовсе не было, и доказано, что Англичане, при нападеніяхъ своихъ, потеряли по крайней мѣрѣ столько же людей, какъ и мы. Наполеонъ, бывшій тогда во всей силѣ своего генія и дѣятельности, всегда устремлялъ глаза на вещи, удаленныя отъ тѣхъ, которые его окружали и казалось обращали на себя все его вниманіе. Такимъ образомъ, въ

продолженіе поѣздки, о которой я говорилъ и которая имѣла цѣлію приведеніе въ устройство Зарейнскихъ Департаментовъ, онъ отправилъ изъ Тулона и Рошфора двѣ эскадры подъ начальствомъ Миссіесси и Вильнёва. Я не войду ни въ какія подробности о походѣ этихъ двухъ эскадръ; помню только при этомъ случаѣ, что въ продолженіе пребыванія Императора въ Бельгіи, однажды явился ко мнѣ Лористонъ совсѣмъ неожиданно; ибо зная что онъ находится въ поѣздкѣ, я очень удивился его внезапному посѣщенію и онъ не очень былъ доволенъ порученіемъ, даннымъ ему Императоромъ, который послалъ его въ Тулонъ, дабы начальствовать войсками, которыя сядутъ на суда эскадры Вильнева и отправиться вмѣстѣ съ ними.

Я очень обрадовался посѣщенію Лористона, котораго я очень любилъ и который разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ Императоръ употребляетъ время при своихъ путешествіяхъ. «Ты не можешь себѣ вообразить, сказалъ онъ, всего, что дѣлаетъ Императоръ и очарованія, которое его присутствіе произвело въ цѣлой арміи, но онъ больше чѣмъ когда либо сердится на поставщиковъ и жестоко проучилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.» Эти слова Лористона нисколько меня не удивили; ибо я давно зналъ и часто видѣлъ, сколько поставщики и вообще

люди, занимающіеся этого рода дѣлами, возбуждали негодованіе Наполеона. Сколько разъ онъ при мнѣ говаривалъ, что это бичъ и чума народовъ; что никогда, до чего бы ни достигло его могущество, онъ ни одного изъ нихъ не возвыситъ въ почетныя званія и что ихъ аристократія есть для него самая несносная изъ всѣхъ. При возшествіи его на Императорскій престолъ, поставщики не были уже важными особами, какъ при Директоріи и даже въ первые два года Консульства. Онъ успѣлъ втереть ихъ обратно въ толпу и въ этомъ отношеніи Г. Лебренъ чрезвычайно ему содѣйствовалъ. Бонапарте поступалъ съ ними почти также какъ въ Египтѣ съ Бєями, когда онъ притѣснялъ ихъ поборами. Если поставщикъ слишкомъ богатъ и если пріобрѣтеніе имъ богатства казалось ему подозрительнымъ, то онъ приказывалъ подать себѣ объ немъ докладъ и самовластно опредѣлялъ должно ли было производить слѣдствіе. Въ утвердительномъ случаѣ, онъ писалъ на докладѣ: «отослать къ Министру Юстиціи для поступленія по законамъ.» И надобно замѣтить, что къ утвержденію Наполеона въ дурномъ его мнѣніи о поставщикахъ, наисильнѣе содѣйствовало то, что большею частію эти господа, узнавъ о касающемся до нихъ рѣшеніи, не ожидали другаго понужденія для того чтобы сладить дѣло съ

Казначействомъ, т. е. внести туда въ видѣ вознагражденiя до двухъ или до трехъ милiоновъ. По несчастiю Бонапарте, доходившiй во всемъ до крайностей, не дѣлалъ исключенiй и нѣкоторые чрезвычайно честные люди, были имъ разоряемы. Я сказалъ, сколько онъ былъ несправедливъ противъ Г. Колло, какую цѣну онъ приказалъ назначить за освобожденiе Г. Карбонне и я могу привести не одни только эти два примѣра.

Я помню еще довольно любопытное обстоятельство посѣщенiя, сдѣланнаго мнѣ Лористономъ, по прiѣздѣ его изъ Ахена, гдѣ онъ оставилъ Императора и Императрицу. Лористонъ былъ наиболѣе свѣдущiй въ словесности изъ Адъютантовъ Императора, который часто разговаривалъ съ нимъ о литературныхъ произведенiяхъ, доходившихъ до его свѣдения. «Представь себѣ,» сказалъ мнѣ Лористонъ, «что въ «бытность мою однажды при немъ дежурнымъ, «онъ приказалъ меня позвать, по уходѣ Императрицы въ свои покои, когда мы находились «въ замкѣ Лакенѣ, онъ заговорилъ со мною о «десятилѣтнихъ наградахъ, о трагедiи Карiона «де Низала,» и о романѣ Г-жи Сталь, который онъ прочиталъ, но котораго самъ я не успѣлъ еще прочесть, такъ что довольно затруднился отвѣчать ему. Онъ сказалъ мнѣ о Г-жѣ Сталь и о ея *Дельфинѣ* очень примѣчательныя вещи.

«Я столькоже не люблю,» сказалъ онъ, «женщинъ, которыя дѣлаются мужчинами, какъ и «женоподобныхъ мужчинъ (*). Каждый долженъ «занимать свою ролю въ этомъ мірѣ. Что толку «въ этихъ бредняхъ воображенія? что отъ «нихъ останется? — ничего. Все это одна только «метафизика чувствъ, безпорядокъ воображенія. «Я не могу терпѣть эту женщину, вопервыхъ «потому что не люблю женщинъ, которыя ко «мнѣ лезутъ а Богъ знаетъ, какія она ужъ употребляла средства для того, чтобы ко мнѣ подделаться.»

Я тѣмъ болѣе повѣрилъ словамъ Лористона, что они напомнили мнѣ, какъ Бонапарте при мнѣ часто отзывался о Г-жѣ Сталь; а притомъ я и самъ былъ свидѣтелемъ искательствъ ея у Перваго Консула и даже у Главнокомандующаго Италіянскою арміею. Бонапарте сначала зналъ Г-жу Сталь только потому, что она была дочь Г. Неккера, котораго онъ, какъ выше упомянуто очень мало уважалъ; Г-жа Сталь также знавъ его еще только по тому, что возвѣщала слава о юномъ завоевателѣ Италіи, начала писать къ нему письма исполненныя восторга.

(*) Лористонъ разумѣлъ подъ этимъ трагедію *Петръ Великій*, имѣвшую два чрезвычайно неумныя представленія. Эта піеса была сыграна на Французскомъ театрѣ въ первое время Имперіи и Наполеонъ запретилъ представленіе оной, потому что примѣненія ея не были приняты въ томъ смыслѣ, какъ онъ желалъ, и какъ надѣялся авторъ.

Бонапарте читалъ мнѣ въ слухъ, нѣкоторые отрывки оныхъ; а потомъ, смѣясь говорилъ: «Понимаешь ли ты что нибудь, Бурiеннъ, изъ «всѣхъ этихъ съумазбродствъ? Эта женщина «съумасшедшая.» Я помню, что въ одномъ изъ своихъ писемъ, Г-жа Сталь говорила ему между прочимъ, что они созданы другъ для друга; что по ошибкѣ человѣческихъ установленiй кроткая, спокойная Iозефина соединилась съ нимъ судьбою; что природа кажется предназначила такую пламенную душу, какъ у нея для обожанiя такого героя какъ онъ. Всѣ эти съумазбродства. поселяли въ Бонапарте такое отвращенiе, котораго я не могу описать; прочитавъ эти прекрасныя посланiя, онъ кидалъ ихъ въ огонь или мялъ и рвалъ ихъ съ явною досадою, и говорилъ мнѣ: «Прошу покорно! женщина, «щеголяющая умомъ своимъ и поддѣльными «чувствами, хочетъ равняться съ Iозефиною! «Бурiеннъ я не хочу отвѣчать на такiя письма.»

Я имѣлъ случай видѣть, до чего можетъ дойти упорство умной женщины; вопреки предубѣжденiямъ Бонапарте противъ Г-жи Сталь, предубѣжденiямъ, которыя никогда въ немъ не уничтожились, этой послѣдней удалось быть къ нему допущенною; и если что либо могло внушить ему отвращенiе къ лести, то уже конечно удивленiе или лучше сказать родъ обожанiя, которое она къ нему изъявляла; ибо она сравнивала

его съ Богомъ, нисшедшимъ на землю; этотъ родъ сравненія показался мнѣ позднѣе сего исключительно предоставленнымъ духовенству; но по несчастію для угожденія Г-жѣ Сталь, этому Богу слѣдовало быть Плутусомъ; ибо за похвалами ея скрывалось требованіе двухъ миліоновъ, которые Г. Неккерь считалъ на Правительствѣ Франціи за его ревностную и вѣрную службу; но Бонапарте при этомъ случаѣ говаривалъ, что сколь ни высоко онъ цѣнитъ похвалы Г-жи Сталь, а не будетъ платить за нихъ такъ дорого казенными деньгами. Извѣстно, какъ восторгъ Г-жи Сталь превратился въ ненависть и какими притѣсненіями, его недостойными Императоръ преслѣдовалъ ее въ убѣжищѣ ея Копетѣ. Впрочемъ я ограничился изложеніемъ того, что я положительно зналъ о сношеніяхъ Г-жи Сталь съ Бонапарте и къ этому я ничего не могу прибавить, ибо послѣдствія ихъ вражды извѣстны мнѣ, какъ и всѣмъ, только изъ слуховъ, тогда носившихся.

Лористонъ прибылъ на короткое время въ Парижъ за нѣсколько дней предъ пріѣздомъ Каффарелли, имѣвшимъ порученіе, какъ выше сказано, отправиться въ Римъ дабы извѣдать сговорчивость Папы и постараться склонить Святаго Отца пріѣхать въ Парижъ для коронованія Императора. Я не видался съ Каффарелли и хотя мы довольно коротко были съ нимъ

знакомы но я во все не находился съ нимъ въ такихъ связяхъ какъ съ его братомъ, котораго мы лишились въ Египтѣ. Между ими было большое сходство; оба они имѣли много ума, тонкости и гибкости въ характерѣ. Впрочемъ, хотя предметъ порученія, даннаго ему Императоромъ и былъ щекотливъ, но ему не слѣдовало бояться неудачи, ибо извѣстно было со времени Конкордата, хорошее расположеніе, въ которомъ находился Римскій Дворъ къ Франціи, а въ особенности самъ Папа къ Императору. Пій VII не могъ забыть, что дѣйствія Французскаго оружія въ Италіи имѣли вліяніе на возшествіе его на Святительскій престолъ, которое такъ досадно было Австріи; что по избраніи Пія VII Конклавомъ, составлявшимся въ Венеціи, держава сія отказала ему въ проѣздѣ чрезъ Италіянскія земли, такъ что Новый Папа принужденнымъ нашелся отправиться въ Римъ моремъ. Я ниже буду имѣть случай говорить о поступкахъ въ послѣдствіи Наполеона съ Папою, равно какъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ излишекъ несчастнаго усердія, столь часто вредившаго Наполеону, преступилъ далеко за предѣлы, начертанныя его волею.

Я сказалъ, въ чемъ состояли Наполеоновы понятія о вѣрѣ; онѣ были въ немъ скорѣе врожденнымъ побужденіемъ, чѣмъ слѣдствіемъ обдуманнаго вѣрованія; но каковы бы ни были

эти понятія, но онъ имѣлъ большую вѣру къ могуществу Церкви, не потому чтобы онъ страшился этого могущества, какъ опаснаго для Правительствъ вообще а особенно для его собственнаго; Наполеону не могло войти въ голову, чтобы Государь, носящій корону и мечъ, въ состояніи былъ преклонять колѣна предъ Римомъ. Онъ имѣлъ душу слишкомъ великую и слишкомъ сильную для того, чтобы допустить до себя такую мысль; онъ напротивъ того считалъ союзъ Церкви съ его властію счастливымъ вліяніемъ на мнѣніе народовъ и какъ новую связь, долженствовавшую привязать ихъ къ Правительству, утвержденному торжественнымъ освященіемъ Церкви. Бонапарте не ошибался; въ этомъ, какъ и въ столь многихъ другихъ вещахъ, прозорливостью своего генія онъ постигъ всю важность коронованія его Папою; тѣмъ болѣе что Лудовикъ XVIII, безъ подданныхъ, безъ владѣній и носящій только мнимую корону, не получилъ священнаго мурономазанія, которое дѣлало потомковъ Гуго Капета старшими сынами Церкви. Еслибъ Лудовикъ былъ муропомазанъ, то Папа подвергся бы затрудненію, котораго не существовало при этомъ важномъ обстоятельствѣ, и я слышалъ отзывъ Кардинала Байенна, что коронованіе Наполеона Папою, было обстоятельство чрезвычайно благопріятное для Папской власти, ибо это коро-

нованіе доказывало, что одинъ только Римскій дворъ можетъ сообщить законное право коронѣ Франціи. Я не былъ совершенно одного мнѣнія съ Кардиналомъ, но достовѣрно, что мvропомазаніе Наполеона устранило много духовныхъ сомнѣній у людей, которые считали еще себя обязанными вѣрностью Христіаннѣйшему Королю.

Возложивъ на главу Наполеона право первенства, благоразумно предоставленнаго ею Королямъ Франціи, — Церковь только возобновила то, что сдѣлалъ Папа Стефанъ III, пріѣзжавшій почти за одиннадцать вѣковъ тому назадъ во Францію для мvропомазанія Пепина Краткаго и сыновей его.

Когда Императоръ узналъ, что порученіе Каффарелли имѣло успѣхъ и что по желанію его Папа пріѣдетъ въ Парижъ для утвержденія въ рукѣ его скипетра Карломанова, то не было другихъ рѣчей, кромѣ какъ объ этомъ великомъ событіи, предупрежденномъ уже признаніемъ Наполеона въ Императорскомъ санѣ всѣми Правительствами Европы, кромѣ Англіи. Германскій Императоръ сначала позамедлилъ было нѣсколько этимъ признаніемъ, желая узнать, какъ поступитъ Императоръ Россійскій; но понуждаемый необходимостью объявить свою рѣшимость, онъ послалъ свое согласіе къ Наполеону, находившемуся въ Ахенѣ

и принялъ самъ титулъ Императора Австрій-скаго. Эта рѣшимость Францискa II-го вѣроятно была слѣдствіемъ полученныхъ имъ свѣдѣній. Дѣйствительно не возможно было чтобы онъ не зналъ, что къ Наполеону, при поѣздкѣ его на Рейнъ, являлась большая часть Принцевъ Священной Имперіи и что, прельщая ихъ обѣщаніями или устрашая ихъ открытіями, коихъ нескромность была расчитана, онъ намскалъ имъ на политическое соединеніе, сдѣлавшееся въ послѣдствіи Рейнскимъ Союзомъ, котораго онъ сталъ властелиномъ, подъ обиднымъ названіемъ Протектора.

При заключеніи Конкордата, Бонапарте сказалъ мнѣ: «Пусть Республиканскіе Генералы «кричатъ сколько хотятъ противъ обѣдней; я «знаю что дѣлаю и работаю для будущаго.» Онъ пожалъ плоды Конкордата. Отдавъ приказаніе, чтобы Папа при проѣздѣ его по Франціи, былъ повсюду принимаемъ съ величайшими почестями, самъ Наполеонъ въ сопровожденіи Императрицы отправился въ Фонтенебло для встрѣчи Святаго Отца. Это дало Бонапарте случай возобновить одну изъ тѣхъ поѣздокъ прежняго двора, въ которыя обыкновенно дѣлались перемѣны Министровъ. Фонтенеблосскій дворецъ, сдѣлавшійся Императорскимъ, также какъ и всѣ древніе Королевскіе замки, былъ заново украшенъ со вкусомъ и пышностью,

дозволяемыми тогдашними успѣхами искуствъ. Императоръ выѣхалъ на Немурскую дорогу извѣстясь чрезъ гонцевъ о скоромъ прибытiи Пiя VII-го. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы избѣгнуть церемонiяла, заранѣе установленнаго; для сего выѣхалъ подъ предлогомъ охоты и какъ будто случайно, очутился на дорогѣ тогда, какъ подъѣхала карета Папы. Онъ сошелъ съ лошади, а Папа вышелъ изъ кареты. Раппъ находился съ Императоромъ, и я какъ теперь слышу, какъ онъ съ колкою оригинальностiю, Нѣмецкимъ своимъ произношенiемъ пересказывалъ мнѣ объ этомъ важномъ свиданiи, коимъ самъ онъ очень мало былъ тронутъ. Раппъ дѣйствительно находился въ числѣ тѣхъ, которые, не смотря на преданность къ Императору, сохранили независимость своего характера, и со мною ему вовсе не для чего было притворяться. «Представь себѣ,» сказалъ онъ мнѣ, «какую тутъ сыграли странную комедiю для того чтобы поставить Императора и Папу на равную ногу; послѣ нѣсколькихъ объятiй они сѣли въ одну карету, вошедъ каждый въ особые дверцы для того чтобы вступить туда вмѣстѣ; все это было заранѣе устроено; за завтракомъ Императоръ разчиталъ какъ сдѣлать чтобы ему, какъ будто нечаянно, сѣсть по правую руку Папы и все произошло какъ онъ хотѣлъ. Впрочемъ,» прибавилъ Раппъ, «увѣряю

тебя, что я не видывалъ еще другаго человѣка, такой пріятной наружности и такого почтеннаго вида, какъ Пій VII.» Въ слѣдующей главѣ увидятъ, что я самъ имѣлъ случай увѣриться въ справедливости сказаннаго мнѣ Рапомъ.

ГЛАВА XIV.

Почести, оказанныя Папѣ. — Комната дворца Монте-Ковелло въ павиліонѣ Флоры.—Папа въ Императорской Типографіи.—Достопримѣчательное изрѣченіе Пія VII. — Молитва *Отче-нашъ* на сто пятидесяти языкахъ.—Дѣйствіе, произведенное въ Англіи пріѣздомъ Папы въ Парижъ. — Лондонскія сатиры.—Приготовленія къ коронаціи. — Представленіе голосовъ народа касательно наслѣдія.—Созваніе Законодательнаго Корпуса. — Областные Предсѣдатели. — Анекдотъ, разсказанный по приказанію Наполеона Актеромъ Миссо.—Рѣчь Сената и отвѣтъ Императора.—Историческія сближенія. — Счастливое вліяніе коронаціи на Парижскую торговлю.—Регаліи Наполеона и регаліи Карломана.—Договоръ заключенный Питтомъ въ Стокгольмѣ. —Лошакъ Папы и Императорскій поѣздъ.—Іозефина, коронованная Наполеономъ.— Нотаріусъ Рагидо,—*плащъ и шпага*.—Праздникъ на Марсовомъ полѣ и раздача орловъ. —Краткая рѣчь Бонапарте къ уполномоченнымъ отъ арміи.—Несдержанное обѣщаніе. — Достопримѣчательное соотвѣтсвіе чиселъ. — Воззваніе Лудовика XVIII къ Французамъ.

После перваго совѣщанія въ Фонтенебло, между Папою и Наполеономъ, который началъ

свои личныя сношенія съ Главою Христіанства, присвоеніемъ себѣ, посредствомъ хитрости, первенства—Пій VII отправился первый въ Парижъ: ему были оказаны тѣже самыя почести какъ Императору, и помѣстили его въ Тюлѣри въ павиліонѣ Флоры. По утонченному вниманію спальная комната Папы была устроена и меблирована совершенно подобно той, которую онъ занималъ въ Римѣ, во дворцѣ Монте-Ковелло, обыкновенномъ своемъ мѣстопребываніи. Присутствіе Папы въ Парижѣ казалось происшествіемъ, столь необычайнымъ, что съ трудомъ могли оному повѣрить, хотя объ немъ давно уже заранѣе говорили. Дѣйствительно, могло ли что либо быть страннѣе пребыванія Главы Вѣры въ столицѣ Имперіи, гдѣ за четыре года предъ тѣмъ алтари были ниспровергнуты и гдѣ небольшое число вѣрующихъ, не иначе могли исполнять обряды Католической Церкви, какъ скрытнымъ образомъ. Папа былъ предметомъ всеобщаго уваженія и почтительности. Мнѣ хотѣлося увидать его и я видѣлъ его одинъ только разъ въ тотъ день, какъ онъ ѣздилъ осматривать Императорскую Типографію, находившуюся тогда тамъ, гдѣ нынѣ Французскій банкъ въ Пантіеврскомъ отелѣ. Директоръ Типографіи приказалъ въ его присутствіи отпечатать книжку, которую онъ ему поднесъ: это была молитва *Отче-нашъ* на сто пятидесяти

разныхъ языкахъ. Тамъ-то Папа произнесъ достопамятное изрѣченіе, достойное быть сохраненнымъ въ исторіи. Одинъ дурновоспитанный человѣкъ остался въ шляпѣ въ присутствіи Его Святѣйшества; и нѣкоторые изъ присутствующихъ, вознегодовавъ за такую неумѣстную грубость, хотѣли было насильно снять съ него оную, какъ Папа, замѣтивъ это небольшое волненіе и узнавъ причину, подавшую къ оному поводъ подошелъ къ молодому человѣку и сказалъ ему съ добротою, истинно Патріархальною: «Молодой человѣкъ, сними шляпу, дабы я могъ «благословить тебя; благословеніе старца ни«когда еще не приносило никому несчастія.» Я помню, что почти всѣ присутствующіе были сильно тронуты этимъ родительскимъ обращеніемъ. Пій VII имѣлъ наружность, вселяющую почтеніе; впрочемъ его можно себѣ представить и не видавъ его, ибо онъ какъ живой изображенъ въ удивительномъ портретѣ, написанномъ кистью Давида.

Прибытіе Папы въ Парижъ произвело сильное впечатлѣніе въ Англіи, больше чѣмъ гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ, не смотря на несогласіе Англичанъ съ Римскимъ дворомъ относительно вѣры. Во время бытности моей въ Гамбургѣ, я узналъ, что по полученіи объ этомъ извѣстія въ Лондонѣ, Сен-Джемскій Кабинетъ

испугался, ибо Г. Питтъ понялъ, сколько обстоятельство мүропомазанія придастъ вѣсу коронѣ новаго Императора Французовъ. Въ эту эпоху, Англійское Министерство болѣе, чѣмъ когда либо, употребляло могущественное надъ мнѣніемъ орудіе сатиръ и ругательствъ противъ особы Наполеона. Свобода имѣетъ нужду въ движеніи, а иногда даже и въ потрясеніяхъ; конечно поэтому Англія, единственная тогда свободная земля въ Европѣ, была болѣе всѣхъ другихъ волнуема множествомъ издаваемыхъ сочиненій. Лондонскій Кабинетъ находилъ въ этомъ способѣ, не только выгоду раздражать умы противъ могущественнаго врага Англіи, но можетъ быть еще бо́льшую того для себя пользу, отклонять хулу, могшую возникнуть противъ нѣкоторыхъ дѣйствій Британскаго Правительства. Гнѣвъ Императора противъ Англіи достигъ тогда высшей степени и онъ дѣйствительно умѣлъ придать этой ненависти нѣчто національное.

Наполеонъ узналъ объ успѣхѣ данной имъ Каффарелли порученности, прежде возвращенія своего въ Парижъ изъ поѣздки на Рейнъ. Прибывъ въ Сен-Клу онъ, не теряя времени повелѣлъ сдѣлать пріуготовленія къ своей коронаціи. Все казалось споспѣшествовало исполненію его желаній: 28 Ноября Папа прибылъ въ

Парижъ; а черезъ два дня послѣ того, т. е, 1 Декабря Сенатъ представилъ Императору собранные голоса народа объ утвержденіи наслѣдія въ его фамиліи; ибо разсудивъ, что титулъ Императора нисколько не вредитъ Республикѣ, онъ представилъ одинъ только вопросъ, о наслѣдіи, на утвержденіе народа. Шестьдесятъ тысячъ подписныхъ листовъ было открыто по всей Франціи у Министровъ, у Префектовъ, и у Меровъ всѣхъ округовъ, равно какъ у публичныхъ Нотаріусовъ и стряпчихъ. Во Франціи считалося тогда сто восемь Департаментовъ; подавшихъ голоса оказалось 3,574,898, изъ коихъ было только 2,569 голосовъ противныхъ наслѣдію. Я узналъ, что Наполеонъ приказалъ представить себѣ списокъ воспротивившихся при этомъ случаѣ и часто въ него заглядывалъ. Эти противники были не Роялисты, а большею частію старые, закоснѣлые Республиканцы; и сколько мнѣ извѣстно, многіе Роялисты вовсе не подали голосовъ, не хотя безполезно подвергаться опасности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не желая подать свой голосъ въ пользу виновника смерти Герцога Ангенскаго. Что касается до меня, то я подписался въ пользу предоставленія наслѣдія семейству Наполеона; ибо мое положеніе не позволяло мнѣ сдѣлать иначе, какъ то можно себѣ представить.

Съ Октября мѣсяца, законодательный корпусъ былъ созванъ для присутствія при коронаціи Императора; прибыли не только одни депутаты, но съ ними вмѣстѣ и тма областныхъ предсѣдателей, занявшіе важное мѣсто въ лѣтописяхъ странностей конца 1804 года. Они сдѣлались предметомъ всѣхъ шутокъ и насмѣшекъ; обязанность носить шпаги точно дѣлала ихъ очень смѣшными и на счетъ ихъ было сочинено множество разнаго рода исторій. Мнѣ разсказывали объ нихъ анекдотъ, вѣроятно выдуманный для шутки, но который показался мнѣ столь забавнымъ, что я не могу воспротивиться желанію разсказать его здѣсь. Мнѣ разсказывали, что однажды нѣсколькимъ областнымъ Предсѣдателямъ было назначено имѣть честь представиться Папѣ. Такъ какъ большая часть ихъ были не богаты, то они принужденными нашлись прибѣгнуть къ большой бережливости для исполненія требованій новаго этикета; и чтобы не платить за наемъ кареты, они отправились въ Павиліонъ Флоры въ штиблетахъ для предохраненія своихъ бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ отъ неудобства Декабрской грязи. Одинъ изъ нихъ, снявъ свои штиблеты, спряталъ ихъ въ карманъ; но случилось, что Папа заговорилъ съ ними очень трогательно, и человѣкъ со штиблетами былъ приведенъ въ такое умиленіе, что вмѣсто своего

платка, дабы обтереть глаза, онъ въ разсѣянности вытащилъ изъ кармана свои загрязненные штиблеты и вымачкалъ все лице грязью, такъ что самъ Папа не могъ удержаться отъ смѣха. Если меня упрекнутъ въ помѣщенiи здѣсь такихъ пустяковъ, то въ извиненiе себѣ скажу, что Императора очень забавлялъ этотъ анекдотъ, истинный или ложный, ибо мнѣ сказывалъ Мишо, бывшiй актеръ Французскаго театра и нашъ учитель декламацiи въ Мальмезонѣ, что Императоръ заставилъ его разсказать оный въ Сен-Клу при Императрицѣ послѣ придворнаго спектакля.

Какъ бы то ни было съ областными Предсѣдателями, которыхъ странностей я слегка коснулся, а Наполеонъ достигъ предположенныхъ имъ границъ честолюбiя; но честолюбiе его отодвигалось передъ нимъ подобно безпредѣльному горизонту. Перваго Декабря при представленiи ему Сенатомъ голосовъ о наслѣдiи, Францискъ де Пешати произнесъ Императору рѣчь; онъ не поскупился на льстивыя привѣтствiя, которыя, въ качествѣ своемъ Предсѣдателя Сената, онъ уже многократно расточалъ ему съ тою при томъ разницею, что похвала Монархическому Правленiю заступила мѣсто похвалы Республиканскому правленiю, *e sempre bene*, какъ говорятъ Италiянцы. Послѣ

длинной рѣчи Франциска де Нешато (*), Императоръ отвѣтствовалъ.

«Я вступаю на престолъ, на который меня «призвали единогласныя желанія Сената, народа «и арміи, съ сердцемъ, исполненнымъ великихъ «судьбинъ того народа, котораго я изъ средины лагерей, первый привѣтствовалъ именемъ «великаго.

«Съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ, всѣ мои «мысли были вполнѣ посвящены ему; и я дол«женъ здѣсь сказать что мои удовольствія и «огорченія, состоятъ нынѣ только изъ благо«денствія или несчастія моего народа.

«Мои потомки долгое время сохранятъ пре«столъ сей.

«Въ походахъ они будутъ первыми солдатами «арміи, жертвуя своею жизнью для защиты «отечества.

«Въ гражданскихъ званіяхъ, они никогда не «потеряютъ изъ вида, что презрѣніе законовъ и «потрясеніе общественнаго порядка суть только «слѣдствія слабости и нерѣшимости Государей.

«Вы, Сенаторы, коихъ совѣтами и пособіемъ «я всегда пользовался при самыхъ затруднитель«ныхъ обстоятельствахъ, вы передадите вашъ «умъ вашимъ наслѣдникамъ. Будьте всегда под«порами и первыми совѣтниками сего престола,

(*) Смотри въ концѣ книги.

«столь необходимаго для счастія этой обширной,
«Имперіи.»

Еслибъ я имѣлъ страсть къ сближеніямъ, то я могъ бы сдѣлать здѣсь любопытныя; не странно ли что Фонтенебло, съ десятилѣтнимъ промежуткомъ, былъ свидѣтелемъ перваго свиданія Наполеона съ Папою и прощанія его съ арміею; и что сказать объ этомъ Сенатѣ, который всегда сообщалъ Наполеону свои совѣты и пособіе и который, при второй изъ этихъ двухъ эпохъ, произнесъ его отрѣшеніе. Но этого рода сближенія принадлежатъ историкамъ, и я не долженъ забывать, что начертываю только воспоминанія. Трибунатъ, подобно Сенату, привѣтствовалъ Императора, но онъ не былъ удостоенъ отвѣтомъ.

Приближеніе коронаціи доставило большое удовольствіе торговому сословію Парижскихъ жителей. Стеченіе иностранцевъ и пріѣзжихъ изъ областей Франціи, было чрезвычайно значительно, а возвращеніе къ прежней пышности и къ прежнимъ обычаямъ доставляло занятія многочисленнымъ сословіямъ ремесленниковъ, которые при Конвентѣ и при Директоріи вовсе неимѣли работы для своей промышленности, какъ то: сѣдельникамъ, каретникамъ, позументщикамъ, золотошвеямъ и многимъ другимъ. Эти положительныя выгоды, доставили Имперіи въ Парижѣ болѣе приверженцевъ, чѣмъ

мнѣнія и размышленія; и по правдѣ сказать двѣнадцать лѣтъ уже, какъ Парижская торговля не была въ такомъ прекрасномъ положеніи. Заблаговременно съѣзжались къ золотыхъ дѣлъ мастеру Біенне смотрѣть Императорскія регаліи, какъ то скипетръ, руку правосудія и корону, коей легкая форма и золотыя листья, менѣе напоминали корону Франціи, чѣмъ древнюю корону Цесарей; всѣ эти регаліи равно какъ и прочія украшенія, принадлежащія къ коронаціи были помѣщены въ государственномъ казнохранилищѣ; туда же, по приказанію Наполеона, были поставлены Императорскія Регаліи Карломана, привезенныя Наполеономъ изъ Ахена. Но между тѣмъ, какъ Наполеонъ гордился своею короною и уподоблялъ себя Карломану, Г. Питтъ, вновь призванный въ Министерство, заключалъ въ Стокгольмѣ договоръ со Швеціею и платилъ этой Сѣверной Державѣ денежное пособіе, для того чтобы она дѣйствовала непріязненно противъ Франціи. Этотъ договоръ былъ заключенъ 3-го Декабря т. е. на другой день послѣ коронаціи.

Отъ меня конечно не ожидаютъ, что бы я вошелъ въ утомительныя подробности церемоній 2 Декабря; кому угодно тотъ можетъ объ этомъ справиться во Французскомъ церемоніялѣ, который былъ возстановленъ для употребленія новаго Императорскаго Двора и который

дѣлаетъ столь много чести изобрѣтателямъ этикета и блюстилелямъ правъ старшинства при разныхъ обрядахъ. Извѣстно, что Папа отправился въ Соборъ Св. Богородицы прежде Императора и что лошакъ, ведомый предъ его поѣздомъ, по обрядамъ Рима, возбудилъ такiя насмѣшки Парижанъ при проѣздѣ Святаго Отца, что это много повредило важности, повелѣваемой торжественностью обряда коронацiи. Извѣстно также, что Императорскiй поѣздъ блисталъ золотомъ, перьями, лошадями въ богатой сбруѣ и подъ великолѣпными попонами; что ливреи изумили толпу; что въ первый еще разъ увидѣли Пажей при дверцахъ и на верьху Императорской кареты; извѣстно еще, что вступивъ въ Соборъ Св. Богородицы, гдѣ находилось многочисленное собранiе зрителей, принужденныхъ въ первый еще разъ одѣться въ парадные кафтаны со шпагами, Императоръ взялъ корону изъ рукъ Папы, самъ возложилъ ее себѣ на голову и потомъ увѣнчалъ милую Iозефину, для которой этотъ день, какъ она мнѣ послѣ говорила, былъ однимъ изъ самыхъ печальныхъ въ ея жизни. Этого рода подробности, которыя были бы очень приличны въ Запискахъ какого нибудь Гардеробмейстера, кажутся мнѣ недостойными занимать собою разсудительныхъ читателей и, какъ я только къ нимъ обращаюсь, то оставляю въ сторонѣ опи-

саніе Императорскихъ лакеевъ, Пажей и Камергеровъ. Лучше приведу здѣсь одинъ относящійся къ дню коронаціи малоизвѣстный анекдотъ, который мнѣ разсказывала Іозефина и который удивительно какъ вѣрно изображаетъ характеръ Наполеона.

Когда Бонапарте волочился за Г-жею Богарне, то оба они не имѣли кареты, и Бонапарте, страстно въ нее влюбленный, часто водилъ ее подъ руку къ дѣловымъ людямъ. Однажды они отправились вмѣстѣ къ нотаріусу Рагидо, замѣчательному чрезвычайно малымъ своимъ ростомъ; Г-жа Богарне, имѣвшая къ Рагидо большую довѣренность, пришла къ нему въ этотъ день, съ тѣмъ чтобы сообщить ему о намѣреніи своемъ выйти за мужъ за молодаго Артиллерійскаго Генерала, покровительствуемаго Баррасомъ. Іозефина вошла одна въ кабинетъ нотаріуса; а Бонапарте остался ожидать ее въ конторѣ, гдѣ находились писцы. Дверь въ кабинетъ Рагидо осталась не плотно притворенною и Бонапарте явственно разслушалъ, что онъ всѣми силами старается отговорить ее отъ замужества, на которое она рѣшилась. «Вы очень дурно дѣлаете,» говорилъ «и въ этомъ раскаитесь; вы выходите за че«ловѣка, у котораго только и есть что *плащъ* «*да шпага.*» — «Бонапарте,» прибавила Іозефина, пересказывая мнѣ эти подробности, «никогда

мнѣ объ этомъ не упоминалъ; и я даже не думала чтобы онъ слышалъ то, что Рагидо мнѣ говорилъ. Представьте же, себѣ, Бурiеннъ, мое удивленiе, когда въ день коронацiи, облекшись въ Императорскую одежду, онъ сказалъ: Позвать ко мнѣ Рагидо, чтобы онъ тотчасъ явился: мнѣ нужно съ нимъ поговорить. — Рагидо былъ немедленно ему представленъ, и тогда онъ сказалъ ему: Ну что! только ли у меня что *плащъ да шпага?»* Надобно замѣтить что Бонапарте, который во время нашей съ нимъ дружеской связи, пересказывалъ мнѣ всѣ обстоятельства своей жизни, приходившiя ему на память, никогда не говорилъ мнѣ объ той небольшой обидѣ, которую за восемь лѣтъ тому нанесъ ему Рагидо и о которой казалось вспомнилъ въ день своей коронацiи.

На другой день послѣ коронацiи, всѣ находившiеся въ Парижѣ войска были собраны на Марсовомъ полѣ для раздачи полкамъ орловъ, вмѣсто Республиканскихъ знаменъ. Я не былъ на коронацiи въ соборѣ Св. Богородицы, но мнѣ захотѣлося посмотрѣть военное празднество наМарсовомъ полѣ, ибо я всегда находилъ истинное удовольствiе въ томъ, чтобы видѣть Бонапарте посреди солдатъ его. Императорская пышность никогда меня не ослѣпляла; но по привычкѣ моей къ лагерной жизни, хотя я и не былъ военнымъ, а мнѣ казалося, что Бона-

парте въ мундирѣ Полковника его Гвардіи, лучше напоминаетъ мнѣ вождя Италіянской арміи и Египетскаго похода, и я почти забывалъ въ немъ Императора.

Эта военная церемонія происходила на Марсовомъ-полѣ; передъ фасадомъ Военной школы устроили обширный помостъ, и самая эта школа, хотя совершенно преобразованная на военную ногу, долженствовала возбуждать въ Наполеонѣ странныя воспоминанія о его юности. Помостъ былъ устроенъ такимъ образомъ, что онъ находился на ровнѣ съ залою перваго этажа, а посреди возвышался двойной престолъ Императора и Императрицы, почти на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ Президентъ Народнаго Собранія сидѣлъ въ креслахъ подобнымъ кресламъ Лудовика XVI На Марсовомъ полѣ были собраны уполномоченныя отъ всѣхъ оружій арміи, и не смотря на бывшую въ этотъ день дурную погоду, въ рядахъ и между зрителями царствовали какое-то общее удовольствіе и восторгъ для изъявленія коихъ кажется былъ бы нуженъ болѣе благорастворенный воздухъ. По данному знаку, всѣ колонны тронулись съ мѣста, сомкнулись и приблизились къ престолу. Тогда Наполеонъ, вставъ съ трона, произнесъ съ большою твердостью слѣдующія слова, приказавъ раздать орлы уполномоченнымъ разныхъ оружій арміи.

«Солдаты, вотъ ваши знамена, сбирайтесь «всегда къ этимъ орламъ; они будутъ вездѣ, «гдѣ вашъ Императоръ сочтетъ ихъ нужными «для защиты его престола и *его народа.*

«Вы клянетесь жертвовать вашею жизнію «для защиты ихъ и постоянно удерживать ихъ «вашею храбростью на пути побѣды! вы кля- «нетесь.»

Невозможно было бы описать кликовъ, раздавшихся послѣ словъ Бонапарте, и въ общемъ упоеніи восторга есть нѣчто столь увлекательное, что самые равнодушные люди не могли не принять участія въ общемъ движеніи. И однакожъ, еслибъ поразмыслили, какъ явно Наполеонъ уже противорѣчилъ первымъ словамъ, которыя онъ произнесъ какъ Императоръ, при представленіи ему Сенатомъ въ Сен-Клу указа объ учрежденіи Имперіи! Не сказалъ ли онъ въ то время: «Никогда Французскій народъ не будетъ моимъ народомъ?» А на другой же день послѣ его коронаціи, орлы его долженствовали уже быть вездѣ, гдѣ потребуетъ защита *его народа.*

По странному случаю, между тѣмъ какъ 2 Декабря 1804 года Наполеонъ, принималъ, со святымъ помазаніемъ Главы Церкви, Императорскую корону Франціи, въ тотъ самый день Лудовикъ XVIII, находившійся въ Кольмарѣ, какъ будто вдохновенный свыше, что въ ту самую минуту сынъ побѣды восходитъ на его

престолъ, составилъ и подписалъ воззваніе къ Французамъ, въ которомъ онъ говорилъ имъ: «При водахъ Балтики, предъ лицемъ и подъ «покровительствомъ Неба, подкрѣпляемые при«сутствіемъ нашего брата, равно какъ Герцога «Ангенскаго, нашего племянника и согласіемъ «на то всѣхъ прочихъ Принцевъ нашего дома, «которые раздѣляютъ наши правила и про«никнуты чувствами, насъ одушевляющими; «обращаясь къ жертвамъ, какъ царственнымъ, «такъ и тѣмъ, которыя вѣрность, честь, на«божность, невинность, любовь къ отечеству и «преданность доставили Революціонной ярости; «призывая духъ юнаго героя, котораго нече«стивыя руки похитили у отечества и у сла«вы; представляя нашимъ народамъ въ залогъ «примиренія, добродѣтели Ангела утѣшителя, «коего Провидѣніе дабы подать намъ великій «примѣръ, подвергло новымъ бѣдствіямъ истор«гнувъ его отъ палачей и оковъ: мы клянемся «никогда не разрывать священныхъ узъ, кото«рыя неразрывно соединяютъ нашъ жребій съ «вашимъ, которые соединяютъ насъ съ ваши«ми семействами, съ вашими сердцами, съ ва«шею совѣстью: никогда не будемъ мы дого«вариваться о наслѣдіи предковъ нашихъ, ни«когда не уступимъ нашихъ правъ. Французы! «мы призываемъ въ свидѣтели этой клятвы

«Бога Лудовика Святаго, того, который судитъ «дѣла человѣческія!»

Я узналъ объ этомъ воззваніи уже гораздо позднѣе, когда я съ годъ находился Французскимъ Министромъ въ Гамбургѣ, но день изданія этого документа такъ соотвѣтствуетъ короновацiи Наполеона, что я счелъ нужнымъ не отдѣлять его отъ оной.

ГЛАВА XV.

Стокгольмскій договоръ.—Объявленіе Испаніею войны Англіи. Мнѣніе Бонапарте о вліяніи присутствія Папы—Письмо Наполеона къ Королю Англійскому. — Притворный видъ желанія возстановить миръ.— Испанскій флотъ подъ начальствомъ Адмирала Гравини. — Мнѣніе мое о нейтральныхъ правахъ. — Адмиралъ Моръ и враждебныя дѣйствія безъ объявленія войны—Ложная политика Англійскаго кабинета.—Письмо Лорда Мальбери къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ.—Отказъ Англіи вступить въ переговоры.—Праздникъ въ Люксембургѣ.—Созваніе Законодательнаго Корпуса. — Краткій обзоръ 1804 года.—Торжественное открытіе Законодательнаго Корпуса.—Рѣчь Наполеона.

Двѣ, довольно важныя перемѣны въ политикѣ Европы, ознаменовали эпоху коронаціи Наполеона; вопервыхъ упомянутый мною договоръ, съ денежнымъ пособіемъ, заключенный въ Стокгольмѣ между Англіею и Швеціею а потомъ, объявленіе Испаніею войны Англіи. За этими двумя событіями, вскорѣ послѣдовала

смерть Г. Питта, который умеръ въ Генварѣ мѣсяцѣ 1805 года.

Императоръ который при этихъ важныхъ обстоятельствахъ, рѣшился употребить въ свою пользу вліяніе духовныхъ понятій и вѣсъ, который придавало его коронаціи присутствіе въ Парижѣ главы Католической вѣры, и показалъ видъ, что считаетъ себя Государемъ только вполовину до тѣхъ поръ, пока Божественная власть не утвердила представленныхъ Сенатомъ голосовъ народа—не обращался къ Англійскому Королю на счетъ признанія его Императоромъ до тѣхъ поръ, пока онъ былъ коронованъ; но 2 Генваря, черезъ мѣсяцъ послѣ своей коронаціи, онъ написалъ къ нему письмо, болѣе гордое чѣмъ то, которое онъ писалъ къ нему вскорѣ послѣ 18 Брюмера. Онъ говорилъ ему:

« Милостивый Государь, братецъ! по призванiи меня на престолъ Франціи Провидѣніемъ и «избраніемъ Сената, народа и арміи, мое первое чувство, есть желаніе мира. Франція и Англія тратятъ свое благоденствіе. Онѣ могутъ «боротся цѣлые вѣки. Но въ точности ли Правительства ихъ исполняютъ священнѣйшую «изъ ихъ обязанностей? И столько крови, пролитой безполезно и безъ цѣли, не обвиняетъ ли «ихъ въ собственной ихъ совѣсти? Я не считаю безчестіемъ сдѣлать первый шагъ. Кажется, я довольно доказалъ міру, что не боюсь

«никакихъ случайностей войны; притомъ же «она не представляетъ мнѣ ни чего, могущаго «устрашить меня. Миръ есть желаніе моего «сердца; но война никогда не вредила моей сла-«вѣ. Заклинаю В. В. не отказывать себѣ въ сча-«стіи даровать свѣту миръ: не оставляйте этого «усладительнаго удовольствія вашимъ дѣтямъ! «Ибо наконецъ, никогда еще не было, ни луч-«шихъ обстоятельствъ, ни болѣе благопріятна-«го времени для того, чтобы заставить умолк-«нуть всѣ страсти и внять единственно чувст-«ву человѣколюбія и разсудка. Пропустивъ од-«нажды эту минуту, какой можно будетъ на-«значить срокъ войнѣ, которую всѣ мои уси-«лія не могли привести къ концу? В. В. болѣе «пріобрѣли въ послѣдніе десять лѣтъ землями «и сокровищами, чѣмъ сколько Европа имѣетъ «пространства; государство ваше находится на «высшей степени благоденствія. Чего вы хоти-«те надѣяться отъ войны? Ввести въ союзъ нѣ-«сколько Державъ твердой земли? Твердая зем-«ля пребудетъ спокойною. Союзъ только увели-«читъ перевѣсъ и величіе на твердой землѣ «Франціи. Возжечь вновь внутреннія волненія? «Времена уже нынче не тѣ. Разстроить наши «финансы? Финансы, основанные на хорошемъ «земледѣліи, никогда не разстроиваются. Похи-«тить у Франціи ея колоніи? Колоніи составля-«ютъ для Франціи второстепенный предметъ;

«а притомъ В. В. имѣете уже оныхъ болѣе, «чѣмъ вы можете у себя сохранить. Если В. В. «угодно будетъ самимъ подумать объ этомъ, то «вы увидите, что война не имѣетъ никакой цѣ«ли, никакихъ благопріятныхъ для васъ по«слѣдствій. А какъ прискорбно заставлять на«роды драться, только для того, чтобы драть«ся. Свѣтъ довольно великъ для того, чтобы «наши два народа могли жить въ немъ; а раз«судокъ имѣетъ довольно власти для того что«бы найти средства все согласить, если съ той «и съ другой стороны есть къ тому добрая во«ля. Во всякомъ случаѣ я исполняю долгъ, свя«щенный и драгоцѣнный для моего сердца. По«вѣрьте В. В. искренности чувствъ, мною изъ«ясненныхъ и желанію моему представить вамъ «доказательства оныхъ.»

Это письмо было, по моему мнѣнію, образцемъ вѣроломства, ибо уже конечно Императоръ очень бы тогда подосадовалъ, еслибъ съ Англійскимъ Правительствомъ возстановился миръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ объявленіе Испаніею войны Англіи отдало въ его распоряженіе Испанскій флотъ состоящій болѣе, чѣмъ изъ шестидесяти кораблей подъ предводительствомъ Адмирала Гравины. Англія, раздраженная недѣйствительностію своихъ усилій противъ Франціи, старалась отмстить ей средствомъ, которое я не стану оправдывать; ибо держусь

правила, что нейтральныя права всегда должны быть уважаемы Правительствами. Какова бы ни была почтительность, или лучше сказать покорность Мадритскаго кабинета Тюлерійскому, а одна только Франція находилась въ войнѣ съ Англіею и ни одинъ изъ союзниковъ кромѣ Голландіи не обнаруживалъ непріязненныхъ дѣйствій; посему ничто недавало повода къ такому поведенію Британскаго Правительства съ Испаніею. Безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, Адмиралъ Моръ хотѣлъ подчинить праву обыска четыре Испанскихъ фрегата, возвращавшіеся въ Кадиксъ изъ Мексики, и нагруженные сокровищами этой богатой колоніи. Начальникъ Испанскихъ транспортовъ отказался исполнить требованіе Адмирала Мора, слѣдствіемъ чего была битва, въ коей Испанцы, имѣя дѣло съ весьма превосходными противъ нихъ силами, наконецъ были побѣждены послѣ упорнаго сопротивленія. Три изъ этихъ фрегатовъ были взяты, а четвертый взлетѣлъ на воздухъ. Эти притѣснительныя насилія, были не единственными, коимъ Испанія подверглась отъ Англійскаго флота; Англичане жгли Испанскія купеческія суда, даже въ самыхъ гаваняхъ Испаніи, перехватывали и брали въ плѣнъ многіе транспорты, дѣлая сіе въ то время когда Г. Ангуада находился еще въ Лондонѣ въ качествѣ Посланника Карла IV. Эти насильственныя дѣйствія, противныя правамъ людей, раз-

дражили Короля Испанскаго, или лучше сказать, слишкомъ знаменитаго Князя Міра, до такой степени, что война была объявлена Англіи державою, столь жестоко ею оскорбленною.

Поведеніе Англіи въ этомъ случаѣ кажется мнѣ, не только предосудительнымъ, но очень неблагоразумнымъ и противнымъ политикѣ; лучше освѣдомясь о тайныхъ желаніяхъ Наполеона, Англійскій кабинетъ вѣроятно не сдѣлалъ бы столь важной ошибки; ибо нельзя назвать иначе, какъ важною ошибкою то, что непріязненными своими дѣйствіями она принудила нейтральныя державы, какъ Испанію, присоединиться къ судьбинѣ Наполеона оборонительнымъ союзомъ. При этихъ-то обстоятельствахъ, и когда Наполеонъ повсему могъ предвидѣть что война на твердой землѣ скоро доставитъ пищу его генію, онъ написалъ къ Королю Англійскому вышеприведенное письмо. Оно имѣло цѣлію заставить думать что онъ искренно желаетъ возстановленія мира; но онъ вѣрно заранѣе зналъ, какое дѣйствіе оно произведетъ въ Лондонѣ и не долженъ былъ удивиться, когда вмѣсто отвѣта отъ Георга III, котораго онъ, безъ его на то согласія, изволилъ назвать своимъ братомъ, Г. Талейранъ принесъ ему письмо отъ Лорда Мальмебери къ Министру Иностранныхъ дѣлъ, слѣдующаго содержанія:

«Его Величество получилъ письмо, написан-«ное къ нему главою Французскаго Правитель-«ства отъ 2 числа сего мѣсяца. Его Величе-«ство ничего столько не желаетъ, какъ вос-«пользоваться первымъ случаемъ вновь доста-«вить своимъ подданнымъ выгоды мира, утвер-«жденнаго на основаніяхъ, которыя не были «бы несовмѣстны съ прочною безопасностью «и съ существенными выгодами его владѣній. «Его Величество увѣренъ, что этой цѣли нель-«зя иначе достигнуть, какъ чрезъ такія распо-«ряженія, которыя, утвердивъ будущую безопа-«сность и спокойствіе Европы, могли бы въ «тоже время предупредить возобновленіе опас-«ностей и бѣдствій, коимъ она подвергалась. «Сообразно съ симъ чувствомъ, Его Величество «видитъ, что ему не возможно опредѣлительно «отвѣтствовать на сдѣланный ему вызовъ до «тѣхъ поръ, пока онъ будетъ имѣть время сне-«стись съ Державами твердой земли, съ коими «онъ находится въ дружественныхъ связяхъ, а «въ особенности съ Императоромъ Россійскимъ, «который представилъ сильнѣйшія доказатель-«ства мудрости и возвышенныхъ чувствъ, его «одушевляющихъ, равно какъ живѣйшаго учас-«тія, принимаемаго имъ въ безопасности и не-«зависимости Европы.»

Письмо Лорда Мальмебери не сдѣлало на Императора большаго впечатлѣнія, ибо оно

было ему представлено въ ту минуту, какъ онъ находился въ упоенiи своего могущества, осыпаемый со всѣхъ сторонъ поздравленiями; Сенатъ далъ великолѣпный праздникъ въ Люксембургскомъ саду; городъ Парижъ сдѣлалъ пиръ, на коемъ присутствовали Императоръ и Императрица; словомъ сказать, коронованiе Наполеона было повсюду торжествуемо. Предъ концемъ года, онъ созвалъ Законодательный Корпусъ, открытiе коего 27 Декабря было произведено имъ самимъ со всею пышностiю новаго Императорскаго церемонiяла.

1804 годъ, какъ читатели могли замѣтить, изобиловалъ великими событiями и трудно найти въ исторiи другую двѣнадцати-мѣсячную епоху, наполненную такимъ множествомъ вещей, имѣвшихъ столь великое влiянiе на судьбы Европы. Первая половина онаго наполнена прискорбнымъ зрѣлищемъ ковъ Полицiи, преступною казнiю юнаго Принца и уголовнымъ судомъ, за которымъ послѣдовали казни и помилованiя; а вторая возвышенiемъ Наполеона въ Императоры, поѣздкою въ новые Департаменты, присоединенные къ Французскимъ владѣнiямъ, и наконецъ, можетъ быть самымъ необычайнымъ событiемъ новѣйшихъ временъ, которое обращаетъ мысли къ эпохѣ, предшествовавшей новѣйшему просвѣщенiю — прiѣздомъ Папы во Францiю, для того, чтобы

именемъ церкви утвердить за новымъ Императоромъ престолъ, незанятый, но не упраздненный. Годъ сей заключился открытіемъ Законодательнаго Корпуса, гдѣ произнесенная Императоромъ рѣчь слишкомъ много произвела впечатлѣнія и слишкомъ тѣсно относится къ событіямъ, которыя уже свершились и къ тѣмъ, которыя готовились еще въ будущемъ, для того чтобы не привести оную здѣсь почти вполнѣ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно находились кресла и столъ Предсѣдателя, воздвигли тронъ, на который входы были устроены по обѣимъ сторонамъ. Императоръ возсѣлъ на оный, а послѣ переклички и произнесенія новой присяги, всталъ и сказалъ:

«Господа Депутаты Департаментовъ въ Законодательномъ Корпусѣ, Господа Трибуны и Члены моего Государственнаго Совѣта, — я самъ «открываю ваши засѣданія, желая придать тѣмъ «болѣе важности и величія вашимъ трудамъ. «Государь, сановники, солдаты, граждане, — всѣ «мы на поприщѣ нашемъ, имѣемъ одну цѣль, «пользу отечества. Если престолъ сей, на кото«рый Провидѣніе и воля народа возвели меня, «дорогъ моему сердцу, то единственно потому, «что лишь онъ одинъ можетъ защитить и со«хранить священнѣйшія выгоды Французскаго «народа. Безъ сильнаго, отеческаго Правительст-

«ва, Франція долженствовала бы страшиться возвращенія бѣдствій, ею претерпѣнныхъ. Слабость «верховной власти, есть ужаснѣйшее изъ золъ «для народовъ. Будучи солдатомъ и Первымъ «Консуломъ, я питалъ одну мысль; сдѣлавшись «Императоромъ, не имѣю другой: благоденствіе «Франціи. Я былъ довольно счастливъ, дабы прославить ее побѣдами, обезпечить ее договорами, «исторгнуть ее изъ междуусобій, и пріуготовить «въ ней возрожденіе нравовъ общества и вѣры. «Если смерть не постигнетъ меня посреди тру«довъ моихъ, то я надѣюсь оставить потомству «воспоминаніе, которое послужитъ на вѣки при«мѣромъ или упрекомъ моимъ преемникамъ.

«Мой Министръ Внутреннихъ Дѣлъ поднесетъ «вамъ обзоръ положенія Имперіи. Ораторы мо«его Государственнаго Совѣта представятъ вамъ «разныя нужды законодательства. Я приказалъ «сообщить вамъ для разсмотрѣнія отчеты, пре«доставленные мнѣ моими Министрами о тече«ніи дѣлъ по ихъ Департаментамъ. Я доволенъ «цвѣтущимъ состояніемъ нашихъ финансовъ. Ка«ковы бы ни были расходы, оные удовлетво«ряются доходами. Сколь ни огромны были при«готовленія, необходимыя для войны, нами ве«домой, я не потребую у моего народа ника«кого новаго пожертвованія.

«Мнѣ бы пріятно было, въ столь торжест«венную эпоху, видѣть миръ, царствующій въ

«свѣтѣ; но политическія правила нашихъ непрія-«телей и недавнее ихъ поведеніе съ Испаніею, «довольно показываютъ затрудненія онаго. Я «хочу не увеличивать владѣнія Франціи, но со-«хранить оныя въ цѣлости. Не имѣю честолю-«бія пріобрѣсть надъ Европою большее вліяніе, «но хочу удержать то, которое я уже пріобрѣлъ. «Никакое Государство не будетъ включено въ «Имперію; но я не пожертвую моими правами «и узами, соединяющими меня съ Державами, «мною созданными.

«Поднося мнѣ корону, народъ мой обязался «употреблять всѣ свои усилія, коихъ потребу-«ютъ обстоятельства, для сохраненія оной того «блеска, который необходимъ для его благо-«состоянія и для его славы, столько же какъ и «для моей. Я исполненъ довѣренности къ энер-«гіи народа и къ чувствамъ его ко мнѣ. Его «драгоцѣннѣйшія выгоды составляютъ постоян-«ный предметъ моихъ попеченій.»

Остальная часть рѣчи, есть только вѣжливое обращеніе къ членамъ Законодательнаго Корпуса, къ Государственнымъ Совѣтникамъ и къ Трибунамъ, со внушеніемъ чтобы они всегда вели себя также, какъ до сихъ поръ т. е. чтобы всегда оказывали снисходительность и безъ возраженій исполняли волю Императора, также какъ они исполняли волю Консула.

++

ГЛАВА XVI.

Наполеонъ и Карломанъ. — Назначеніе меня Полномочнымъ Министромъ въ Гамбургъ.—Привычка сближать числа.— Іозефина объявляетъ мнѣ мое назначеніе. — Я призванъ Императоромъ въ Мальмезонъ.—Любезность Бонапарте.— Полуторачасовой разговоръ. — Мысли и намѣренія Наполеона касательно Италіи. — Г-жа де Бріеннъ. — Желаніе Императора увидѣть свою бывшую школу. — Просьба о дозволеніи ему сопутствовать. — Отвѣтъ Императора —Наставленія Наполеона для пребыванія моего въ Гамбургѣ.— Намѣреніе возстановить Европейское общество. — Версальскіе маркизы.—Надзоръ за эмигрантами —Наполеонъ уполномочиваетъ меня писать прямо къ нему. — Совѣтъ ѣхать въ Гамбургъ.—Старшій Государь въ Европѣ. — Привычка Наполеона переходить отъ одного предмета къ другому.— Порученіе Амедею Жоберту.—Угаданная тайна и просьба о сохраненіи оной. — Я предлагаю Императору сопутствовать Жоберту. — Размышленія Императора объ этомъ предметѣ.—Порученіе, данное мнѣ Наполеономъ къ Императрицѣ.—Безразсудныя издержки Іозефины.—Г-жа де Ла Рошфуко.—Разговоръ съ Іозефиною.—Щекотливая статья. —Жадность родныхъ Наполеона.

Едва Папа, короновавъ Императора, возвратился въ Италію, какъ уже пронесся слухъ о

поѣздкѣ въ Миланъ, коей цѣль была та, чтобы превратить за горами, Президенство Цизальпинской Республики въ Королевство Италію, по примѣру того, какъ Консульская Республика была преобразована во Французскую Имперію. Этимъ Наполеонъ хотѣлъ совершенно уподобиться Карломану (*).

Я буду говорить ниже о сообщенныхъ мнѣ обстоятельствахъ этой поѣздки, сдѣланной съ тѣмъ, чтобы присоединить титулъ Королевскаго Величества къ титулу Императорскаго Величества, равно какъ и о семенахъ разрыва, возникшихъ отъ распространенія власти Наполеона. Въ эту минуту займусь вещью, лично до меня касающеюся, потому что она непосредственно относится и къ Наполеону; я хочу говорить о назначеніи меня въ должность Полномочнаго Министра у Герцоговъ Брауншвейгскаго и Меклембургъ-Шверинскаго и въ Ганзейскихъ городахъ.

Это назначеніе произошло 22 Марта 1805, ровно черезъ годъ послѣ моего нѣсколько смѣлаго пріѣзда въ Мальмезонъ, для сообщенія Іо-

(*) Карломанъ, какъ извѣстно, взялъ желѣзную корону Дидіе, Короля Ломбардовъ. Чрезъ десять вѣковъ явился ему подражатель въ особѣ Наполеона, который не помню при какомъ-то случаѣ объявилъ, что онъ наслѣдникъ не Людовика XIV, а Карломана.

зефинѣ того, что я узналъ отъ Гарреля, касательно смерти Герцога Ангенскаго. Надѣюсь, что мнѣ простятъ нѣсколько частое сближеніе чиселъ; но это была одна изъ страстей Наполеона, а я не поручусь въ томъ, чтобы я также не сдѣлалъ къ этому привычки, подъ вліяніемъ его примѣра.

Добрая Іозефина, обѣщавшая, какъ выше видѣли, извѣстить меня о намѣреніяхъ Императора на счетъ мой, какъ только сама объ оныхъ узнаетъ, прислала ко мнѣ нарочнаго съ тѣмъ, чтобы увѣдомить меня о моемъ назначеніи и сказать мнѣ, что Императоръ потребуетъ меня къ себѣ. Я не былъ у Іозефины съ отъѣзда ея въ Бельгію; пышность, празднества коронаціи меня, такъ сказать, ослѣпили до такой степени, что я во вся потерялъ желаніе являться во дворцы, гдѣ бы я долженъ былъ подвергнуться принужденности строгаго этикета, наблюдаемаго по волѣ Императора съ коронаціи; и не могу объяснить, какое тягостное впечатлѣніе дѣлали на меня въ послѣдствіи эти скучныя чинности. Я не могъ вдругъ забыть того времени, когда я одинъ входилъ первый въ комнату, гдѣ почивали вмѣстѣ супруги, и будилъ Бонапарте. Что касается до него, то я не видалъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ призывалъ меня къ себѣ послѣ осужденія Жоржа и когда я увидѣлъ, что откровенность моя относительно Моро, не

была ему не угодна. Моро выѣхалъ изъ Франціи, не подвергшись тому жестокому закону, который былъ приведенъ въ дѣйствіе уже послѣ возвращенія Бурбоновъ, и въ силу коего онъ былъ осужденъ къ описи въ казну всего его имѣнія. Моро продалъ Бертье землю свою Гробуа и отправился въ Кадиксъ, а оттуда въ Америку.

Въ тотъ самый день, какъ Іозефина обязательно увѣдомила меня о моемъ назначеніи, т. е. 22 Марта, я получилъ офиціяльное приглашеніе явиться на другой день въ Мальмезонъ, гдѣ находился Императоръ; я не могу скрыть удовольствія, которое ощутилъ при одной мысли лучше увидѣться съ нимъ тамъ, чѣмъ въ Тюліери или даже въ Сен-Клу; всякой пойметъ, что наша прежняя съ нимъ короткость въ Мальмезонѣ сообщала мнѣ болѣе смѣлости для свиданія, котораго, зная характеръ Бонапарте, я нѣсколько боялся. Буду ли я принятъ моимъ прежнимъ Бріенскимъ товарищемъ или Его Императорскимъ Величествомъ? Меня принялъ школьный товарищъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Мальмезонъ, я былъ введенъ въ комнату, устроенную шатромъ и находившуюся предъ библіотекою. Проклятый притворщикъ, да простятъ мнѣ это выраженіе, показалъ мнѣ такую ласковость, которая меня изумила, не смотря на то,

что мнѣ было извѣстно искуство его въ наукѣ обольщенія. Онъ подошелъ ко мнѣ съ улыбкою на устахъ, взялъ меня за руку,—чего онъ никогда не дѣлалъ со временъ Консульства, и дружески пожалъ мнѣ ее, такъ что я никакъ не могъ видѣть въ немъ Императора Французовъ и будущаго Короля Италіи; однакоже мнѣ слишкомъ хорошо были извѣстны его переходы къ гордости, для того чтобы короткость его могла заставить меня преступить границы пріязненной почтительности. «Любезный Буріеннъ,» сказалъ онъ мнѣ, развѣ ты «думаешь, что высокій санъ, до котораго я до«стигъ, перемѣнилъ меня въ отношеніи къ те«бѣ? Нѣтъ. Не царская пышность составляетъ «главную мою цѣну; цѣна моя во мнѣ самомъ. «Я былъ очень доволенъ твоею службою и на«значилъ тебя на такое мѣсто, гдѣ я буду имѣть «въ ней нужду. Я знаю, что могу на тебя по«ложиться.» Потомъ онъ началъ съ невѣроятнымъ дружелюбіемъ расспрашивать меня о томъ что я дѣлаю, какъ провожу время и о моемъ семействѣ; словомъ сказать, я никогда еще не видывалъ въ немъ болѣе расположенія, болѣе довѣренности, болѣе той плѣнительной простоты, которую онъ тѣмъ охотнѣе обнаруживалъ, что величіе его сдѣлалось уже неоспоримымъ. «Ты знаешь,» прибавилъ Наполеонъ, «что черезъ недѣлю я ѣду въ Италію; я сдѣ-

«лаюсь Королемъ оной, но это еще одно только начало: я имѣю на Италію болѣе обширныя виды; надобно чтобы это было Королевство, заключающее въ себѣ всѣ лежащія за «Альпами земли отъ Венеціи до подножія приморскихъ Альпъ; присоединеніе Италіи къ Франціи не можетъ быть иначе, какъ только временное; но это необходимо для того, чтобы пріучить народы Италіи жить подъ общими «законами. Генуезцы, Піемонтцы, Венеціянцы, «Миланцы, Тосканцы, Римляне и Неаполитанцы, «другъ друга ненавидятъ. Никто изъ нихъ не «захочетъ признать надъ собою первенства другаго, а между тѣмъ Римъ, по своимъ воспоминаніямъ есть природная столица Италіи; но «для этого надобно ограничить власть Папъ «единственно однимъ только духовнымъ вліяніемъ; теперь я еще не могу этого предпринять; но послѣ, мы посмотримъ; я еще не «имѣю опредѣлительныхъ мыслей; но онѣ со временемъ созрѣютъ; а притомъ все зависитъ отъ «обстоятельствъ. Кто мнѣ говорилъ, тогда какъ «мы прогуливались въ видѣ двухъ зѣвакъ по «Парижскимъ улицамъ,— что я нѣкогда буду «властелиномъ Франціи? моя воля, но воля «неопредѣлительная: обстоятельства сдѣлали «остальное. А посему благоразуміе требуетъ подождать, что я и дѣлаю. Что касается до Италіи, то по невозможности вдругъ слить ее въ

«одно Государство, подчиненное одинаковымъ «законамъ, я начну тѣмъ, что сдѣлаю ее Французскою. Всѣ эти небольшія ничтожныя области пріучатся жить подъ владычествомъ одинаковыхъ законовъ, и когда нравы смѣшаются, «а вражда угаснетъ, то будетъ одна только Италія, и я дамъ ей независимость; но для этого «мнѣ нужно двадцать лѣтъ, а кто можетъ надѣяться на будущее? Мнѣ пріятно, Буріеннъ, «это тебѣ сказать; эта мысль была заключена «у меня въ головѣ: съ тобою я въ слухъ размышляю.»

Не думаю, что я бы перемѣнилъ и два слова изъ сказаннаго мнѣ Наполеономъ объ Италіи, ибо безъ самолюбія могу сказать, что у меня тогда была удивительная память и я сдѣлалъ большой навыкъ удерживать въ ней все, что онъ мнѣ говорилъ. Потолковавъ со мною о своихъ неопредѣлительныхъ намѣреніяхъ, Бонапарте, безъ всякаго другаго перехода, кромѣ производимаго всегда живостью столкновенія его мыслей, сказалъ мнѣ: «Кстати, Буріеннъ, знаешь «ли что? Г-жа де Бріеннъ просила меня проѣхать чрезъ Бріеннъ и я обѣщалъ ей. Не скрываю отъ тебя, что я очень буду радъ увидѣть «тѣ мѣста, которыя въ продолженіи шести лѣтъ «были свидѣтелями игръ нашего дѣтства.» Видя милостивое расположеніе, въ которомъ находился Императоръ, я позволилъ себѣ сказать

ему, сколько бы я счелъ себя счастливымъ еслибъ могъ раздѣлить эту пріятность воспоминаній и вмѣстѣ съ нимъ посѣтить мѣста нашего ученья, нашихъ прогулокъ и забавъ. Тогда Наполеонъ, помолчавъ съ минуту какъ бы размышляя, сказалъ мнѣ съ чрезвычайною ласкою: «Послушай Буріеннъ, въ твоемъ положеніи «и въ моемъ это невозможно. Уже болѣе двухъ «лѣтъ какъ мы съ тобою разстались. Что скажутъ о такомъ внезапномъ сближеніи? Откровенно скажу тебѣ, что я о тебѣ жалѣю и обстоятельства, въ которыхъ я находился, нѣсколько разъ возбуждали во мнѣ желаніе опять взять «тебя къ себѣ. Въ Булонѣ, я совершенно было «на это рѣшился; Раппъ вѣроятно тебѣ это «сказывалъ и онъ любитъ тебя, ибо онъ сказалъ мнѣ съ извѣстною тебѣ его искренностью, «что онъ будетъ восхищенъ твоимъ возвращеніемъ; но я поразмыслилъ и не сдѣлалъ этого «потому, какъ я тебѣ не разъ повторялъ, что «не хочу дать право сказать, что я въ комъ «либо имѣю нужду. Нѣтъ; поѣзжай въ Гамбургъ. «Я имѣю, касательно Германіи, намѣренія, въ «которыхъ ты можешь быть мнѣ полезенъ; тамъ «то я хочу нанесть Англіи ударъ прямо въ «сердце. Я хочу отнять у нея твердую землю «при томъ же у меня есть мысли, которыя еще «не созрѣли, но которыя пойдутъ дальше. Нѣтъ «довольно подобія между народами Европы: об-

«щество Европейское имѣетъ нужду въ преобра-«зованiи; для этаго надобна верховная Держава, «которая довольно господствовала бы надъ про-«чими Державами, дабы заставить ихъ жить въ «добромъ между собою согласiи, и Францiя на-«ходится въ благопрiятномъ для этаго положе-«нiи. Ты получишъ подробныя наставленiя отъ «Талейрана; но въ особенности подтверждаю тебѣ «хорошенько наблюдать за эмигрантами. Бѣда «имъ, если они сдѣлаются слишкомъ опасными! «Я знаю что есть еще люди, которые бушуютъ, «*старинные Версальскiе Маркизы*; это безумцы, «которые *обожгутъ себѣ на свѣчкѣ крылья*. «Ты самъ былъ эмигрантомъ, Бурiеннъ, ты имѣ-«ешь къ нимъ слабость и знаешь, что я болѣе «чѣмъ двумъ стамъ изъ нихъ далъ позволенiе «возвратиться по твоему ходатайству; но теперь «ужь не то! тѣ, которые остались еще за грани-«цею — закоснѣли: имъ не нужно увидать свое «отечество! Наблюдай за ними хорошенько; это «одно только особенное наставленiе, я имѣлъ «тебѣ сдѣлать. Ты будешь Министромъ Францiи «въ Гамбургѣ; но это своимъ чередомъ; а сверхъ «переписки, которую ты будешь имѣть съ Ми-«нистромъ Внѣшнихъ Сношенiй, я уполномочи-«ваю тебя писать прямо ко мнѣ, если тебѣ «встрѣтится нужда сообщить мнѣ что нибудь «особенное. Ты будешь также въ перепискѣ съ «Фуше.»

Тутъ Императоръ замолчалъ, а я не понявъ его, и полагая, что это для меня знакъ уходить, сталъ было съ нимъ прощаться, но онъ удержалъ меня, сказавъ мнѣ самымъ ласковымъ голосомъ: «Ты ужь уходишь Буріеннъ? развѣ ты «куда нибудь торопишься? Поговоримъ еще не- «много. Богъ знаетъ когда мы опять увидим- «ся!—Знаешь ли,» прибавилъ онъ послѣ краткой остановки, «что, чѣмъ больше я думаю о на- «шемъ положеніи, о нашихъ прежнихъ отно- «шеніяхъ и о нашей разлукѣ, тѣмъ сильнѣе «убѣждаюсь, что тебѣ должно ѣхать въ Гам- «бургъ. Поѣзжай туда, милый мой: совѣтую «тебѣ. Когда ты отправишься?—Я думаю ѣхать «въ Маіѣ мѣсяцѣ. — Въ Маіѣ? . . . . а! я буду «тогда въ Миланѣ ибо хочу остановиться въ «Туринѣ; я люблю Піемонтцевъ: это лучшіе «солдаты въ цѣлой Италіи.— Ваше Величество, «Король Италіи будетъ младшимъ братомъ Им- «ператора Французовъ (*).—А, ты помнишь то, «что я когда-то сказалъ тебѣ въ Тюлієри; но «милый мой, мнѣ еще много осталось пути.—

(*) Я намѣкалъ этимъ на разговоръ, которой мы имѣли съ Наполеономъ въ первое время пребыванія нашего въ Тюлієри. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ замыслахъ о восшествіи на престолъ, и я представилъ ему затрудненія, которыя могли встрѣтиться въ признаніи его старшими Царствующими домами Европы. «О, если только это,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «то я свергну ихъ всѣхъ съ престола и тогда буду «самъ старшимъ.»

«Судя потому какъ вы идете, этотъ путь не «слишкомъ будетъ длиненъ.—Длиннѣе чѣмъ ты «думаешь; я вижу всѣ препятствiя, но они «меня не устрашаютъ. Англiя вездѣ, и борьба «со мною началась; я вижу что будетъ: вся Ев«ропа станетъ служить орудiемъ, то той, то «другой сторонѣ, но главное дѣло существуетъ «только между Англiею и Францiею.

«Кстати,» сказалъ мнѣ Императоръ перемѣнивъ предметъ разговора, ибо всѣмъ которые его хорошо знали, извѣстно что это *кстати*, было любимымъ его переходомъ отъ одного предмета къ другому и такъ сказать единственнымъ, который онъ употреблялъ. «Кста«ти, Бурiеннъ, ты конечно слышалъ объ отъѣздѣ «Жоберта и о его порученiи; что объ этомъ го«ворятъ?—Государь я слышалъ объ этомъ лишь «очень неопредѣлительные толки; однакоже «отецъ его, которому онъ ничего не сказалъ о «цѣли своего путешествiя, зная какъ я друженъ «съ Жобертомъ, прiѣхалъ ко мнѣ въ надеждѣ, «что я разсѣю безпокойство, причиняемое ему «поѣздкою, которой онъ не зналъ срока. По«спѣшный отъѣздъ его сына, сильно его встре«вожилъ; я отвѣчалъ ему что Жобертъ не боль«ше сказалъ мнѣ какъ ему, что и точно правда «По этому ты не знаешь куда онъ поѣхалъ?. «Извините, Государь, я очень хорошо это знаю. «Какъ, чортъ возьми!....» воскликнулъ Бона-

«напарте, вдругъ оборотясь ко мнѣ съ удивле-«нiемъ. Могу вамъ поклясться что никто мнѣ «объ этомъ не говорилъ: я самъ угадалъ. Полу-«чивъ отъ Жоберта письмо изъ Лейпцига, я «вспомнилъ то, что Ваше Величество много разъ «говорили мнѣ о видахъ своихъ на Персiю и «Индiю. Я не забылъ нашихъ разговоровъ на «востокѣ, ни великихъ намѣренiй, которыя вы «мнѣ тамъ сообщали для того, чтобы иногда «разогнать скуку уединенiя Каирскаго кабинета. «Притомъ же мнѣ давно извѣстно ваше мнѣнiе «объ Амедеѣ, о его преданности, искуствѣ и «мужествѣ. По этому я убѣдился, что ему дано «порученiе къ Персидскому Шаху.—Ты точно «угадалъ; но прошу тебя Бурiеннъ, никому объ «этомъ не говорить; сохраненiе этого втайнѣ, «очень важно; Англичане сыграли бы съ нимъ «дурную шутку, ибо они очень знаютъ, что «противъ ихъ владѣнiй и противъ ихъ влiянiя «въ этихъ странахъ, устремляются мои виды.— «Мнѣ кажется, Государь, что отвѣтъ, сдѣланный «мною почтенному отцу Амедея, можетъ слу-«жить достаточною порукою моей скромности. «Притомъ это было одно только мое предполо-«женiе, и я не могъ бы ничего утверждать до «тѣхъ поръ, пока Ваше Величество теперь со-«благоволили сообщить мнѣ объ этомъ.... Вмѣ-«сто того, чтобы ѣхать въ Гамбургъ, если Ва-«шему Величеству угодно, я догоню Жоберта,

«поѣду съ нимъ въ Персію и раздѣлю съ нимъ «исполненіе этой порученности. — Какъ, ты бы «согласился съ нимъ ѣхать? — Да, Государь; я «очень люблю его; онъ прекрасный человѣкъ, и «я увѣренъ что самъ онъ не подосадуетъ на то, «что я съ нимъ буду. — Въ самомъ дѣлѣ, Буріеннъ, это было бы не дурно; ты нѣсколько «знаешь Востокъ; ты привыкъ къ тамошнему «климату, ты бы помогъ Жоберту.... однакожъ «.... нѣтъ: Жобертъ долженъ быть уже далеко; «я боюсь что ты его не догонишь; а притомъ «у тебя многочисленное семѣйство; ты будешь «для меня полезнѣе въ Германіи; поѣзжай лучше въ Гамбургъ, тебѣ извѣстенъ этотъ край, «ты очень хорошо знаешь по Нѣмецки: это будетъ лучше всего.»

Я видѣлъ, что Бонапарте хочетъ еще что-то сказать мнѣ; мы ходили взадъ и впередъ по залѣ, устроенной шатромъ; вдругъ онъ остановился, посмотрѣлъ на меня почти разстрогавшись и сказалъ: «Послушай Буріеннъ, ты долженъ оказать мнѣ услугу передъ отъѣздомъ моимъ въ Италію: ты бываешь иногда у жены «моей, и это очень хорошо, прилично; ты слишкомъ долго былъ въ нашемъ домѣ, для того «чтобы во все его оставить; повидайся съ нею «и постарайся еще разъ вразумить ее на счетъ «ея безразсудныхъ расходовъ; я каждый день «открываю новые, и это меня терзаетъ. Когда

«я начну ей объ этомъ говорить, то сержусь, «выхожу изъ себя; она плачетъ, я прощаю ей, «плачу; она обѣщается, а на другой день начи-«наетъ опять тоже самое. Еслибъ покрайней мѣ-«рѣ я имѣлъ отъ нея ребенка! меня мучитъ то, «что я не имѣю дѣтей; я очень понимаю, что «положеніе мое утвердится только тогда, когда «у меня будетъ сынъ. Еслибъ меня не стало, то «ни одинъ изъ братьевъ моихъ не въ состояніи «заступить мое мѣсто; все начато; ничего не «кончено; Богъ знаетъ, чтобы произошло. Пови-«дайся съ Іозефиною и не забудь того, что я «тебѣ говорилъ.»

Тутъ онъ опять развеселился, какъ это происходило нѣсколько разъ въ продолженіи нашего разговора, ибо гонимыя вѣтромъ облака пролетаютъ чрезъ горизонтъ не съ такою быстротою, съ какою мысли и разныя ощущенія Наполеона, смѣнялись въ умѣ его. Онъ отпустилъ меня, кивнувъ по своему обыкновенію головою, и видя его хорошее расположеніе, я сказалъ ему при выходѣ: «И такъ, Государь, вы услышите старый звонъ Бріенскаго колокола; я бьюсь объ закладъ, что онъ больше доставитъ вамъ удовольствія чѣмъ Ровельскій. — «Правда ты правъ; ну, полно шутить, прощай!»

Вотъ воспоминанія, сохраненныя мною объ этомъ разговорѣ, который продолжился болѣе полутора часа, ходя взадъ и впередъ, ибо при

такихъ аудіенціяхъ Бонапарте былъ неутомимъ, и я думаю, разговаривая проходилъ бы цѣлой день, не замѣтивъ того; я разстался съ нимъ, довольный какъ нельзя больше его пріемомъ, и согласно съ его желаніемъ пошелъ къ Г-жѣ Бонапарте, что по правдѣ сказать, я и безъ того былъ намѣренъ сдѣлать.

Я нашелъ Іозефину съ Г-жею Ла Рошфуко, которая давно была съ нею дружна, и за нѣсколько предъ тѣмъ времени, получила званіе Статсъ-Дамы при Императрицѣ. Г-жа Ла Рошфуко была очень милая, кроткая женщина, и весьма нравилась Іозефинѣ. Когда я сказалъ Императрицѣ, что явился къ ней прямо отъ Императора, то думая конечно, что я не стану говорить ей такъ свободно въ присутствіи третьяго, она сдѣлала знакъ Г-жѣ Ла Рошфуко, которая удалилась. Мнѣ не трудно было довести разговоръ до того, что Наполеонъ поручилъ мнѣ сказать Іозефинѣ, ибо она сама неумышленно завела о томъ рѣчь. Послѣ размѣна нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, она сама заговорила о запальчивости, съ которою Императоръ обошелся съ нею за два дня предъ тѣмъ. «Написавъ къ вамъ вчера» сказала она, «о «вашемъ назначеніи и о томъ, что Бонапарте «вѣроятно пригласитъ васъ къ себѣ, я надѣялась, «что вы зайдете ко мнѣ отъ него; но я не думала, «что онъ такъ скоро васъ потребуетъ; еслибъ

«вы были еще при немъ, Буріеннъ, то вы бы его «уговорили. Не знаю, кто дѣлаетъ ему эти доно-«сы; но право думаю, что есть люди, которые «вездѣ стараются развѣдывать о моихъ долгахъ «для того чтобы доносить ему о нихъ.»

Эти жалобы, столь кротко выраженныя облегчили мнѣ затруднительность даннаго мнѣ пріуготовительнаго порученія, которымъ я вступалъ въ мою новую обязанность дипломата. Я пересказалъ Г-жѣ Бонапарте все, что мнѣ говорилъ Императоръ; напомнилъ ей первое дѣло въ 1,200,000 франковъ, которое мы уладили половиною этой суммы; и даже намекнулъ на данное ею тогда обѣщаніе. «Чтожъ мнѣ дѣлать,» сказала она; «развѣ это моя вина?» Іозефина произнесла эти слова съ искреннимъ убѣжденіемъ, которое дѣлало ихъ въ тоже время и трогательными, и забавными. «Мнѣ приносятъ «прекрасныя вещи,» продолжала она; «показываютъ и хвалятъ мнѣ ихъ; я покупаю; денегъ съ «меня не просятъ; а послѣ требуютъ уплаты «когда у меня нѣтъ денегъ; потомъ это доходитъ «до его ушей и онъ сердится. Когда у меня есть «деньги, то вы знаете, Буріеннъ, какое я дѣлаю «изъ нихъ употребленіе: я отдаю большую часть «ихъ несчастнымъ, которые просятъ у меня «помощи, бѣднымъ эмигрантамъ. Ну я постараюсь быть бережливѣе; скажите это ему, если «вы его увидите. Не обязана ли я какъ можно

больше всѣмъ помогать?» — Точно такъ, отвѣчалъ я, но позвольте замѣтить вамъ что ни въ чемъ не требуется столько разборчивости, какъ при оказаніи пособій. Еслибъ вы всегда находились на престолѣ, то вы могли бы полагать, что они всегда достаются несчастію, но вы не можете не знать, что ихъ чаще получаютъ пройдохи чѣмъ истинно нуждающіеся. Не могу скрыть отъ васъ, что Императоръ очень разгорячился коснувшись этого предмета, и что онъ поручилъ мнѣ переговорить съ вами.—«Не упрекалъ ли онъ меня еще въ чемъ нибудь?»— Ни въ чемъ, Государыня, вамъ извѣстна власть, которую вы надъ нимъ имѣете во всемъ, некасающемся его политики; позвольте же преданному вамъ и искреннему другу, не шутя просить васъ, не раздражать его на счетъ вашихъ издержекъ. — Буріеннъ обѣщаю вамъ это. Прощайте.»

Сообщая Іозефинѣ, то что мнѣ было поручено Императоромъ, я очень поостерегся тронуть другую струну, гораздо болѣе для нея чувствительную, чѣмъ самыя вспыльчивыя выходки на счетъ ея издержекъ. Бѣдная женщина! я привелъ бы ее въ отчаяніе, еслибъ сказалъ хотя слово касательно огорченія, которое обнаружилъ мнѣ Бонапарте о томъ, что у него нѣтъ дѣтей; ибо она имѣла непреодолимое предчувствіе того, что нѣкогда долженствовало случиться. Впро-

чемъ Iозефина говорила правду, что не ея была вина въ томъ, что она такъ много издерживала; по крайнѣй мѣрѣ въ продолженіе всего времени, какъ я видѣлъ ихъ обоихъ вблизи, порядокъ и бережливость столь же были не совмѣстны съ нею, какъ умѣренность и терпѣніе съ Наполеономъ. Малѣйшее въ чемъ нибудь мотовство выводило его изъ себя, а въ этомъ отношеніи жена его не могла похвалиться тѣмъ, чтобы она его берегла. Съ какою досадою видѣлъ онъ еще жадность своихъ родныхъ къ богатству; чѣмъ болѣе Наполеонъ осыпалъ ихъ онымъ, тѣмъ они болѣе казались ненасытными, кромѣ Лудовика, котораго склонности были всегда честны и умѣренны; что касается до прочихъ членовъ его семѣйства, то они такъ надоѣдали ему своими требованіями, что онъ сказалъ однажды: «Право, послушавъ ихъ, иной бы подумалъ, что я промоталъ наше родовое наслѣдство!»

+++

ГЛАВА XVII.

Наполеонъ, согласный съ Вольтеромъ. — Позднія притязанія Римскаго престола.—Папа требуетъ Авиніонъ и Болонію. —Охлажденіе между Римомъ и Франціею. — Отъѣздъ въ Италію.—Пребываніе въ Стюпиниссѣ.—Послѣднее свиданіе въ Туринѣ Императора съ Папою.—Александрія и обширные замыслы Наполеона. — Маренгское поле битвы и наградъ.—Послѣдній Генуезскій Дожъ.—Восторгъ Миланцевъ. —Бонапарте почуетъ на постелѣ Карла Пятаго.—Присоединеніе Генуи къ Имперіи.—Непостижимая ошибка Дневника острова Св. Элены.—Связь Бонапарте съ Г-жею Грассини —Первыя неудовольствія Австріи и Россіи. — Справедливыя причины къ жалобамъ. — Стѣсненное положеніе Пруссіи.—Возвращеніе въ Парижъ и отъѣздъ въ Булонь.— Новые неосновательные слухи касательно высадки.—Роковая развязка морской битвы.—Я приглашенъ на два дня къ Фуше.—Невѣроятная нескромность Министра. — Мнѣніе его о Бонапарте.—Сіесъ, Баррасъ, смерть Лудовика XVI, Бурбоны и Бонапарте.—Побудительныя причины его поведенія во многихъ обстоятельствахъ. — Осмнадцатое Брюмера и Имперія.—Жестокій отзывъ о Іозефинѣ. — Приготовленія мои къ отъѣзду.

Вольтеръ, не помню гдѣ-то сказалъ, что можно цѣловать у Папѣ ноги, лишь бы у него

были связаны руки: не смотря на самое уваженіе Наполеона къ Вольтеру, Императоръ, вѣроятно вовсе незная объ этой нечестивой шуткѣ мудреца прошедшаго вѣка, выполнилъ ее на самомъ дѣлѣ. Римскій дворъ подалъ ему къ тому случай, почти тотчасъ послѣ коронаціи. Папа, или лучше сказать Кардиналы, его совѣтники, думая что столь великое снисхожденіе, какъ пріѣздъ въ Парижъ, не долженствовало быть оказано даромъ, потребовали за оное, чрезъ переговоры, возмездія, котораго, зная лучше характеръ и политику Наполеона, они никогда бы не вздумали просить. Римскій дворъ потребовалъ возвращенія Авиніона, Болони и еще нѣкоторыхъ земель Италіи, бывшихъ прежде подъ его владычествомъ. Можно себѣ представить, какъ подобныя требованія были приняты Наполеономъ, особенно тогда, какъ онъ уже получилъ отъ Папы то, чего желалъ. Надобно признаться что Римскій дворъ, коего политика обыкновенно столь хитра и искусна, очень неловко поступилъ, что взялся за это послѣ коронаціи. Еслибъ это требованіе было заранѣе поставлено условіемъ пріѣзда Папы во Францію, то можетъ быть Бонапарте и согласился бы отдать, — не Авиніонъ, въ этомъ я увѣренъ, но Италіянскія земли, которыя въ послѣдствіи онъ могъ бы опять взять обратно. Какъ бы то ни было, а эти запозда-

ыя требованія, повелительно отринутыя, возродили между Піемъ VII и Наполеономъ чрезвычайную холодность. Публика сначала этого не замѣтила, но у этой публики, которую несправедливо пренебрегаютъ, есть врожденное чувство разсудка, котораго нельзя обмануть и самою искусною политикою; и глаза увидѣли истину когда узнали, что Папа, короновавъ Наполеона Императоромъ Французовъ, отказывался свершить надъ нимъ этотъ же обрядъ по возстановленному Королевству Италіи.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа перваго Апрѣля дабы взять въ Миланѣ желѣзную корону и оставилъ Папу въ столицѣ, гдѣ этотъ послѣдній пробылъ нѣсколько времени. Продолженное присутствіе Святаго Отца въ Парижѣ имѣло вліяніе на обращеніе къ набожнымъ понятіямъ, столько то кроткая физіогномія и ласковость Папы внушали къ себѣ почтенія. Когда наступило время гоненій, то для Бонапарте желательно было бы, чтобы Пій VII никогда не пріѣзжалъ въ Парижъ, ибо невозможно стало видѣть, что иное какъ жертву, въ человѣкѣ, котораго оцѣнили истинно Евангельскую кротость.

Бонапарте не слишкомъ торопился прибрать себѣ Италіянскую корону, зная что она не можетъ отъ него уйти. Онъ долгое время пробылъ въ Туринѣ, гдѣ останавливался въ вели-

колѣппомъ Стюпминисскомъ дворцѣ, о которомъ можно сказать, что это Сен-Клу Королей Сардинскихъ, и который находится въ такомъ же разстоянiи отъ столицы Пiемонта, какъ Сен-Клу отъ Парижа. Я былъ въ немъ нѣсколько разъ съ Наполеономъ въ продолженiе его Италiянскихъ походовъ, и именно при возвращенiи нашемъ изъ подъ Маренго. Сопутствовавшiе Императору друзья мои довольно разсказывали мнѣ объ этомъ путешествiи, для того чтобы у меня осталось нѣсколько воспоминанiй, и думаю что нѣтъ человѣка, который не ощутилъ бы, подобно мнѣ, сколь удобно врѣзываются въ памяти событiя, относящiяся къ мѣстамъ намъ извѣстнымъ. Я не буду говорить объ этихъ утомительныхъ празденствахъ, на которыхъ рабольпiе такъ искустно выказываетъ притворный восторгъ и о торжественныхъ вратахъ которыя вошло, такъ сказать, въ правила этикета, воздвигать при въѣздѣ въ города и въ деревни; всѣ эти сокровища градской и земской лести были подносимы Наполеону въ Италiи еще съ бо́льшею расточительностью, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ, ибо Италiянцы, болѣе всѣхъ другихъ народо́въ предаются внѣшнимъ изъявленiямъ восторга, которыя въ существѣ ни къ чему ихъ не обязываютъ. Императоръ очень ласкалъ Пiемонтцевъ, коимъ онъ далъ Генералъ-Губернаторомъ Генерала Мену, оставшагося на этомъ

мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ заблагоразсудилъ учредить Генералъ-Губернаторство за Альпійскихъ Департаментовъ для шурина своего Князя Боргезе, изъ котораго ему очень было трудно сдѣлать что либо иное, кромѣ Римскаго Князя.

Пробывъ въ Стюпинисѣ около трехъ недѣль, Императоръ имѣлъ время получить тамъ донесенія касательно порученности въ Бельгіи и въ Булонскомъ лагерѣ, данной имъ одному изъ его Адъютантовъ, кажется Савари. Бонапарте въ особенности желалъ, чтобы дѣйствіе его управленія было ощущаемо даже тамъ, гдѣ онъ не находился, и я помню, что въ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ передъ его отъѣздомъ, и который помѣщенъ въ предъидущей главѣ, онъ сказалъ мнѣ, что онъ бы очень желалъ если бы Англія повѣрила дѣйствительности его замысла высадки, и что для этого, надобно, для вида, поторопить приготовленія къ посаженію на суда войскъ. Онъ съ удивительною точностью назначилъ на какихъ судахъ, какіе именно полки и команды будутъ перевезены, такъ что даже сами тѣ, коимъ онъ поручалъ исполненіе этихъ пріуготовленій и надзоръ за оными, были первые имъ обмануты.

Наполеонъ былъ еще въ Стюпинисѣ, когда Папа проѣхалъ чрезъ Туринъ на возвратномъ пути въ Римъ. Онъ отправился въ Туринъ для

послѣдняго свиданія со Святымъ Отцемъ, оказывая ему величайшее уваженіе въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Изъ Турина Бонапарте поѣхалъ въ Александрію, гдѣ повелѣлъ начать огромныя работы, стоившія столько сокровищь Онъ неоднократно говорилъ мнѣ о намѣреніяхъ своихъ касательно этого города; ибо все что онъ свершилъ великаго сдѣлавшись Императоромъ, было только исполненіемъ предположеній родившихся въ умѣ его давно, когда будущее его возвышеніе могло казаться только мечтою или лучше сказать, потребностью его воображенія. Онъ сказалъ однажды при мнѣ Бертье, во время пребыванія нашего въ Миланѣ послѣ Маренгскаго дѣла. «Съ Александріею я всегда буду господиномъ Италіи. Ее «должно сдѣлать первою крѣпостью въ мірѣ; «надобно чтобы въ городѣ и въ цитадели могли «помѣщаться сорокъ тысячь гарнизона, съ про«довольствіемъ на шесть мѣсяцевъ. Если про«изойдутъ бунты, если Австрія вышлетъ силь«ную армію, то Французскія войска, заперлись «въ ней, продержаться въ случаѣ осады полго«да; а этого времени будетъ мнѣ достаточно, «гдѣ бы я ни находился, для того чтобы на«пасть на Италію, разбить Австрійцевъ и за«ставить снять осаду Александріи.»

Находясь столь близко отъ Маренгскаго поля, Императоръ не пропустилъ посѣтить его,

и дабы придать болѣе торжественности этому посѣщенію, онъ сдѣлалъ тамъ смотръ всѣмъ Французскимъ войскамъ, находившимся въ Италіи; Раппъ послѣ сказывалъ мнѣ, что онъ нарочно привезъ съ собою изъ Парижа то самое платье и шляпу, которыя онъ имѣлъ на себѣ въ день этой достопамятной битвы, для того чтобы надѣть ихъ при посѣщеніи поля, на которомъ она происходила; при чемъ замѣтили что моль, которая столь же мало уважаетъ одежды великихъ людей, какъ черви тѣла ихъ по смерти, изъѣла нарядъ его, что однакоже не воспрепятствовало ему надѣть оный. Послѣ сего онъ отправился чрезъ Казоль въ Миланъ.

Тамъ то его ожидалъ самый блистательный пріемъ, который когда либо былъ ему сдѣланъ; но пребываніе его въ Миланѣ ознаменовалось не одними только внѣшними изъявленіями восторга; послѣдній Генуезскій Дожъ Г. Дюрацдо, пріѣхалъ туда прибавить еще листокъ къ Италіянской коронѣ, поднеся Императору отъ имени свой Республики, коей онъ былъ представителемъ, просьбу о дозволеніи Генуезской Державѣ промѣнять свою независимость на знаменитую честь сдѣлаться Департаментомъ Французской Имперіи. Это предложеніе, какъ можно себѣ представить, было слѣдствіемъ заблаговременно приготовленныхъ кововъ; оно было принято съ покровительственнымъ благоволе-

ніемъ, и въ тоже время, какъ отчизна Андрея Доріи исключилась изъ списка Державъ, послѣдній Дожъ ея былъ включенъ въ толпу Сенаторовъ. Этотъ городъ, нѣкогда столь богатый и гордившійся прозваніемъ *Великолѣпнаго*, сдѣлался Штабъ - Квартирою двадцать седьмой военной дивизіи. Императоръ самъ поѣхалъ принять его въ свое владѣніе и ночевалъ во дворцѣ Доріи, на той самой постелѣ, на которой спалъ Карлъ Пятый. Послѣ сего онъ оставилъ тамъ Лебрёна съ титуломъ Генералъ Губернатора.

Въ Миланѣ Императоръ жилъ во дворцѣ Монца. Вытащили изъ подъ пыли старую желѣзную корону Королей Ломбардскихъ и церемонія этой новой коронаціи свершилась въ Миланскомъ кафедральномъ соборѣ, самомъ обширномъ храмѣ въ цѣлой Италіи послѣ церкви Св. Петра въ Римѣ. Взявъ эту корону изъ рукъ Архіепископа Миланскаго, Наполеонъ надѣлъ ее себѣ на голову и воскликнулъ: *Богъ далъ мнѣ ее; горе тому кто до нея коснется;* и это восклицаніе сдѣлалось девизомъ ордена Желѣзной Короны, который Императоръ учредилъ тогда въ память коронованія своего Королемъ Италіи.

Наполеонъ былъ коронованъ въ Миланѣ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1805 года, и при этомъ случаѣ не могу не замѣтить столь же грубыхъ, какъ и непостижимыхъ ошибокъ, въ которыя На-

полеонъ не могъ впасть иначе какъ умышленно на островѣ Св. Элены. Я читалъ въ Дневникѣ, *что знаменитая пѣвица Госпожа Грассини, обратила на себя его вниманiе въ эпоху этой коронацiи.* Потомъ Наполеонъ приводитъ будто бы сказанныя тогда этою женщиною ему рѣчи: «Тогда какъ я была во всемъ блескѣ моей красоты и моего таланта, я желала одного только вашего взгляда, и не могла получить его; а теперь вы обращаете на меня взоры, когда ужъ это не стоитъ труда, и когда уже я васъ болѣе не достойна.»

Признаюсь въ невозможности постигнуть, что могло побудить Наполеона къ выдумкѣ этой сказки. Онъ бы долженъ былъ вспомнить, что онъ видѣлся, и какимъ образомъ онъ видѣлся, то есть очень вблизи, съ Г-жею Грассини въ Миланѣ передъ отъѣздомъ своимъ подъ Маренго. Въ 1800 а не въ 1805 году онъ съ нею познакомился и мнѣ это очень хорошо извѣстно, ибо мнѣ нѣсколько разъ случалось пить чай втроемъ съ нею и съ Бонапарте, что меня не слишкомъ забавляло. Я даже помню еще другое обстоятельство. Въ ту ночь, какъ я разбудилъ Наполеона для сообщенiя ему дурной вести о сдачѣ Генуи, Госпожа Грассини также проснулась. Голосъ Госпожи Грассини приводилъ его въ восхищенiе; еслибъ необходимыя занятiя дѣлами ему позволили, то онъ цѣлые

часы съ восторгомъ слушалъ бы ея пѣніе. Я истинно не вижу, для чего Наполеонъ старался выставить связь свою съ Г-жею Грассини пятью годами позднѣе. Ему бы слѣдовало подумать, что этой выдумкѣ никто не повѣритъ и что она могла возбудить сомнѣніе на счетъ нѣкоторыхъ другихъ его показаній; ибо онъ очень зналъ, что въ Парижѣ живы еще многіе, которые видѣли и слышали тамъ Г-жу Грассини, когда по его волѣ она пріѣхала туда въ 1800 году. Я также не постигаю, что могло сдѣлать въ глазахъ его обстоятельства менѣе строгими, тогда какъ онъ былъ Императоромъ, чѣмъ тогда какъ онъ былъ Первымъ Консуломъ. Впрочемъ я бы не сталъ говорить о связи Наполеона съ Г-жею Грассини, еслибъ онъ первый не сдѣлалъ въ этомъ нескромности. Этого рода подробности конечно кажутся любопытными инымъ любителямъ соблазна; но совсѣмъ не такими открытіями, недостойными исторіи, я хотѣлъ придать занимательность моимъ Запискамъ; я позволилъ себѣ это сдѣлать одинъ только разъ, потому что случай, мною разсказанный произошелъ во время пребыванія нашего въ Египтѣ, и потому что свобода, возвращенная тогда обманутому мужу, показалась мнѣ военною хитростью довольно несовмѣстною съ обыкновенною важностью Британскаго характера; даже и теперь

я менѣе имѣлъ цѣлію напомнить любовное приключеніе Перваго Консула, чѣмъ поправить непонятную ошибку и выставить несправедливость странной рѣчи, вложенной имъ въ уста Г-жи Грассини.

Между тѣмъ, какъ Наполеонъ гордился въ Миланѣ своимъ двойнымъ царскимъ саномъ, въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ начали возрождаться противъ него неудовольствія, которыя я ниже опишу, и самъ онъ подалъ противъ себя справедливыя причины къ жалобамъ однимъ уже присоединеніемъ Генуи къ Имперіи, черезъ четыре мѣсяца послѣ сдѣланнаго имъ въ рѣчи Законодательному Корпусу торжественнаго объявленія, коимъ онъ предъ лицемъ Франціи и Европы обязался не искать никакого распространенія земель; предлогъ добровольнаго приношенія со стороны Генуи, былъ слишкомъ грубъ для того, чтобы кого либо обмануть. Быстрый ходъ честолюбія Наполеона не могъ укрыться отъ Вѣнскаго Кабинета, который началъ показывать болѣе неприязни. Перемѣна, произведенная въ формѣ Правительства Цизальпинской Республики, также была такого свойства, что могла подать поводъ къ ея справедливымъ представленіямъ со стороны Державъ, несовершенно покорныхъ игу Франціи. Онъ скрывалъ взятіе Генуи подъ именемъ приношенія, а завладѣніе Италіею подъ видомъ простой

перемѣны наименованія, и не смотря на эти явныя посягательства, защитники Наполеона всегда утверждали, будто бы онъ не хотѣлъ войны, и самъ онъ поддерживалъ это притязаніе на островѣ Св. Элены; говорили будто бы онъ всегда былъ атакованъ, и изъ этаго выводили заключеніе въ пользу любви его къ миру; но это требуетъ поясненія. Такъ, я согласенъ, что Наполеонъ никогда не выстрѣлилъ бы изъ ружья, еслибъ всѣ Европейскія Державы, безъ всякаго сопротивленія, допустили обобрать себя одна послѣ другой; но не значило ли въ существѣ объявлять имъ войну, приводя ихъ въ необходимость прервать миръ, въ продолженіе коего онъ увеличивалъ свое могущество, и предавался порывамъ своего честолюбія, какъ бы въ посмѣяніе Европы. Въ этомъ смыслѣ, который одинъ только можно признать справедливымъ, Бонапарте принуждалъ другихъ ко всѣмъ веденнымъ противъ него войнамъ, кромѣ той, которая послѣдовала за Маренгскимъ миромъ и которую прекратила побѣда Моро при Гогенлинденѣ. На дѣлѣ онъ точно былъ атакованъ, и чрезъ то могъ предаваться удовольствію предпринимать свои великіе военные походы, не подвергаясь отвѣтственности въ случаѣ неудачи.

Продолжаю описывать обстоятельства поѣздки Наполеона въ Миланъ, хотя еще до прибы-

тія его въ Парижъ я отправился къ мѣсту моего назначенія въ Гамбургъ, но есть вещи, которыя нельзя отдѣлять одну отъ другой. Въ продолженіе пребыванія своего въ столицѣ новаго Италіянскаго Королевства, Императоръ получилъ первыя извѣстія о неудовольствіяхъ Австріи и Россіи. Эти неудовольствія возродились съ давняго уже времени. Вступивъ въ должность мою въ Гамбургѣ, я узналъ любопытныя подробности, которыя помѣщу ниже, о тайныхъ переговорахъ, предшествовавшихъ начатію непріязненныхъ дѣйствій. Даже и Пруссія не была чужда неудовольствій Россіи и Австріи; не Король но Берлинскій Кабинетъ, коимъ управлялъ тогда Канцлеръ Гарденбергъ, ибо самъ Король Прусскій всегда былъ того мнѣнія, что должно въ точности соблюдать договоры, даже еслибы условія оныхъ и были тягостны. Какъ бы то ни было, а Берлинскій Кабинетъ, хотя и недовольный въ 1805 году быстрымъ распространеніемъ Наполеонова честолюбія, долженъ былъ скрывать чувства свои подъ покровомъ тайны, ибо присутствіе Французскихъ войскъ въ Гановрѣ, его къ тому принуждало.

Возвращаясь изъ Милана, Бонапарте повелѣлъ воздвигнуть на большомъ Сен-Бернарѣ памятникъ Маренгской побѣды; Г. Денонъ который сопутствовалъ Наполеону и которому сей пос-

лѣдній почти всегда поручалъ этого рода постройки, сказывалъ мнѣ, что послѣ многихъ безполезныхъ стараній къ отысканію тѣла Дезе, которое Бонапарте хотѣлъ положить подъ Маренгскимъ памятникомъ, Генералу Савари наконецъ удалось отыскать оное. И такъ можно считать за вѣрное, что прахъ добраго и храбраго Дезе лежитъ на вершинахъ Альпъ; но не бывавъ съ тѣхъ поръ въ Италіи, я не знаю на какомъ именно мѣстѣ горы воздвигнутъ памятникъ.

Императоръ прибылъ въ Парижъ въ концѣ Іюня и тотчасъ опять отправился въ Булонскій лагерь. Тогда возродилась вновь увѣренность о близкомъ исполненіи высадки въ Англію; этому тѣмъ скорѣе повѣрили, что Наполеонъ приказалъ при себѣ сдѣлать нѣсколько опытовъ посаженія войскъ на суда, не имѣвшихъ однакоже дальнѣйшихъ послѣдствій; при этихъ обстоятельствахъ, роковое событіе очень подтвердило мысль, что нашъ флотъ гораздо хуже непріятельскаго. Французская эскадра, изъ пятнадцати кораблей, встрѣтилась въ морѣ съ Англійскимъ флотомъ подъ начальствомъ Адмирала Кальдера, имѣвшаго у себя только девять кораблей, и въ бою, долженствовавшемъ по всему рѣшиться въ нашу пользу, мы имѣли несчастіе потерять два корабля. Это новое путешествіе въ Булонъ, не болѣе какъ и прежнія

туда поѣздки, имѣло цѣль сдѣлать высадку, которой Наполеонъ призналъ, если не невозможность, то по крайней мѣрѣ безполезность; онъ хотѣлъ только вторично показаться, какъ Императоръ, украшенный новымъ его титломъ Короля Италіянскаго, прекраснѣйшей и самой благоустроенной арміи, какой съ давняго времени не видали въ Европѣ. Онъ также хотѣлъ и въ этомъ имѣлъ полный успѣхъ, еще болѣе воспламенить восторгъ своихъ войскъ и осыпать пустыми угрозами Англію, чрезъ что онъ хотѣлъ отклонить мнѣніе отъ причины, побуждавшей его сбирать огромныя полчища для вторженія въ Германію и отраженія Русскихъ войскъ, которыя начинали двигаться по направленію къ Австріи. Такова была настоящая цѣль послѣдней поѣздки Наполеона въ Булонъ и мы дѣйствительно скоро увидимъ, что онъ вторгнется въ Германію и, чрезъ Аустерлицкую побѣду, сдѣлается повелителемъ Австрійской Монархіи, также какъ чрезъ Маренгскую, онъ сдѣлался властелиномъ Италіи.

Я давно уже находился въ Гамбургѣ, когда эти событія свершились, и ходъ ихъ любопытно было наблюдать; но я не долженъ забыть обстоятельство, лично до меня относящееся и которое переноситъ меня къ послѣднему времени пребыванія моего въ Парижѣ, откуда я уѣхалъ въ Маѣ мѣсяцѣ, какъ я то объявилъ

Императору при послѣднемъ нашемъ свиданіи. Мое новое званіе Полномочнаго Министра поставило меня въ обязанность болѣе видаться съ людьми, чѣмъ въ то время, когда благоразуміе заставляло меня жить, какъ бы въ уединеніи. Я принялъ искреннія поздравленія отъ Дюрока, Раппа и Лористона, моихъ лучшихъ друзей при Императорѣ, и долженъ былъ часто видаться съ Талейраномъ, ибо должность моя принадлежала къ вѣдѣнію его Министерства. Такъ какъ Императоръ, при отпускной аудіенціи сказалъ мнѣ, что я также буду состоять въ сношеніяхъ съ Министромъ Главной Полиціи, то я отправился къ Фуше, который пригласилъ меня на нѣсколько дней въ помѣстье его Пон-Каре. Я счелъ обязанностію принять это приглашеніе; желая притомъ о многомъ съ нимъ потолковать и провелъ у него Воскресенье и Понедѣльникъ 28 и 29 Апрѣля.

Фуше имѣлъ съ Императоромъ сходство въ томъ, что онъ часто былъ очень нескроменъ; но онъ такъ прославился своею утонченною хитростью, что нескромность его вовсе ему не вредила. Въ немъ предполагали такую привычку скрывать свои мысли, что люди, не коротко его знавшіе, принимали правду за искусную приманку, когда она выходила изъ устъ его. Я такъ хорошо узналъ этого знаменитаго сановника, что никогда не смѣшивалъ его хит-

ростей съ нескромностями, и самое лучшее средство заставить его сказать больше чѣмъ онъ желалъ, состояло въ томъ, чтобы дать ему волю говорить, не прерывая его. Въ Пон-Каре было мало гостей и въ продолженіе двухъ дней, мною тамъ проведенныхъ, я имѣлъ съ Фуше нѣсколько разговоровъ, въ которыхъ, сколько было возможно, я предоставлялъ говорить ему одному. Фуше разсказалъ мнѣ многое о происшествіяхъ 1804 года и очень радовался тому, что онъ присовѣтовалъ Наполеону сдѣлаться Императоромъ. «Я не привязанъ въ особенности, сказалъ мнѣ Фуше, ни къ какой формѣ правленія; это все ничего не значитъ. Цѣлью Революціи не было ниспроверженіе Бурбоновъ; сначала хотѣли только исправленія злоупотребленій и уничтоженія предразсудковъ, но когда увидѣли что Лудовикъ XVI не имѣлъ твердости, ни для того, чтобы отказать въ томъ, чего онъ не хотѣлъ дать, ни искренно даровать то, что онъ по слабости своей обѣщалъ, — то увидѣли, что Бурбоны не могутъ долѣе царствовать во Франціи, и дѣла дошли до того, что мы принужденными нашлись осудить Лудовика XVI и прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ. Вамъ извѣстно происшедшее до 18 Брюмера и послѣ того. Мы всѣ поняли, что Республика—невозможная вещь во Франціи; а потому вопросъ ограничился тѣмъ, чтобы всѣми возможными

способами утвердить на всегда удаленіе Бурбоновъ, а кажется что для этого не было лучшаго средства, какъ предоставить наслѣдіе ихъ престола другой фамиліи. За нѣсколько времени до 18 Брюмера, я имѣлъ съ Сіесомъ и съ Баррасомъ совѣщаніе, въ которомъ зашла рѣчь о томъ, чтобы въ случаѣ угроженія опасностью Директоріи, призвать обратно Герцога Орлеанскаго, я очень хорошо увидѣлъ, что Баррасъ, не слишкомъ себя выставляя, а говоря объ этомъ, только какъ о носящемся слухѣ, за которымъ онъ совѣтовалъ мнѣ наблюдать, склонялся самъ къ этому мнѣнію, Сіесъ ничего не сказалъ и я рѣшилъ дѣло увѣривъ Барраса, что еслибъ этотъ слухъ носился, то я былъ бы объ ономъ увѣдомленъ моими агентами и замѣтивъ ему, что возстановленіе престола для боковой отрасли, было бы неблагоразумнымъ дѣйствіемъ, которое могло бы только временно перемѣнить положеніе людей, произведшихъ Революцію. Я сообщилъ объ этомъ свиданіи съ Баррасомъ Генералу Бонапарте, при первомъ разговорѣ моемъ съ нимъ послѣ возвращенія вашего изъ Египта; я извѣдалъ его и ясно увидѣлъ, что при дряхлости, въ которой находилась Директорія, это былъ именно тотъ человѣкъ, въ которомъ мы имѣли нужду и тогда я устроилъ дѣйствія Полиціи въ пользу возведенія его въ

верховный санъ Государства. Онъ скоро оказался неблагодарнымъ; вмѣсто того, чтобы дать мнѣ свою довѣренность послѣ оказаннаго мною ему содѣйствiя, онъ вздумалъ хитрить со мною; онъ поручилъ нѣсколькимъ человѣкамъ управленiе малыми Полицiями, коихъ малѣйшiй недостатокъ состоитъ въ томъ, что онѣ безполезны; большая часть ихъ агентовъ, были преданные мнѣ люди, которые руководствовались моими наставленiями при своихъ донесенiяхъ, и тогда я неоднократно видалъ какъ Первый Консулъ гордился открытiемъ мимо моего Министерства вѣстей, отъ меня происшедшихъ и которыхъ мнѣ было нетрудно доказать ему лживость. Признаюсь, что я далъ промахъ 3-го Нивоза, но есть ли въ мiрѣ средство воспрепятствовать двумъ человѣкамъ, неимѣющимъ сообщниковъ, сговориться между собою и исполнить свой замыселъ? Вы видѣли Перваго Консула по возвращенiи его изъ Оперы; вы слышали какъ онъ горячился. Какое-то внутреннее внушенiе говорило мнѣ, что адская машина была дѣломъ Роялистовъ; онъ конечно и самъ былъ въ этомъ увѣренъ но тѣмъ не менѣе упорствовалъ въ осужденiи къ ссылкѣ сотни человѣкъ, подъ однимъ только предлогомъ ихъ прежнихъ мнѣнiй. Не ужели вы думаете, что я не знаю сказаннаго имъ обо мнѣ и о голосѣ, который я подалъ въ Народномъ Кон-

вентѣ? Уже конечно не ему слѣдуетъ упрекать членовъ Конвента въ смерти Лудовика XVI; чрезъ нее онъ достигъ короны; еслибъ не положеніе, въ которое мы были приведены этимъ событіемъ, сдѣлавшимся по обстоятельствамъ неизбѣжнымъ, то какая бы намъ была нужда до возвращенія Бурбоновъ? Вы сами вѣрно замѣтили, что Республиканцы не бывшіе въ Конвентѣ, вообще болѣе насъ противились 18 Брюмеру; какъ напримѣръ Бернадотъ и Моро; ибо я утвердительно знаю, что Моро хотѣлъ возстать противъ Консульства и, единственно по слабости своей, принялъ на себя стражу надъ Директоромъ; я даже знаю, что онъ извинялся предъ своими плѣнниками въ исполненіи имъ, возложенной на него порученности; это они сами мнѣ сказывали.»

Фуше вошелъ еще во многія подробности касательно своего поведенія и причинъ, коими онъ руководствовался въ томъ, что сдѣлалъ въ пользу Перваго Консула. Я не могу въ совершенной точности припомнить всего сказаннаго имъ мнѣ для того, чтобы привести здѣсь; ибо когда заставляешь говорить другихъ, то я считаю непремѣнною обязанностью влагать имъ въ уста только то, что они дѣйствительно сказали; но я очень хорошо помню: что изъ всего слышаннаго мною отъ Фуше, я вывелъ ясное заключеніе, что Фуше во всемъ

дѣйствовалъ только для себя и не говоря мнѣ именно: «Я устроилъ заговоръ Жоржа, Пишегрю и Моро для того чтобы опять попасть въ Министры и чтобы утѣшиться въ томъ, что мнѣ неудалось открыть злодѣйство 3 Нивоза,» онъ совершенно утвердилъ меня въ основательности мыслей, изложенныхъ мною при описанiи ковов, которые были устроены въ началѣ 1804 года. Онъ радовался, очень мало скрываясь, въ томъ что провелъ Ренье и принудилъ Бонапарте опять призвать его на службу; доказательствомъ же, что онъ старался сводить заговорщиковъ или скорѣе того, превращать недовольныхъ въ заговорщиковъ, было то, что онъ сказалъ мнѣ: «При тѣхъ свѣдѣнiяхъ, которыми я обладалъ, вѣроятно, что оставшись Министромъ, я бы предупредилъ заговоръ; но въ такомъ случаѣ Наполеонъ и теперь бы еще страшился соперничества Моро; онъ не былъ бы Императоромъ, а мы еще и донынѣ опасались бы возвращенiя Бурбоновъ, чего благодаря Бога, теперь уже не боимся.»

Эти признанiя Фуше нисколько меня не удивили, и не должны удивлять тѣхъ, которые хорошо его знали. Я сказалъ, сколько онъ отъ природы былъ нескроменъ, каковымъ еще болѣе сдѣлался, послѣ успѣха его замысловъ. Тогда ужъ онъ не скрывалъ болѣе средствъ, имъ употребленныхъ, и увлеченный удоволь-

ствіемъ хвастать своею тонкостью, онъ охотно разсказывалъ объ оныхъ особенно тѣмъ, которымъ, подобно какъ мнѣ, они были нѣсколько уже извѣстны.

Въ бытность мою въ Пон-Каре, я не много сообщилъ Фуше подробностей касательно моей длинной отпускной аудіенціи у Наполеона; однакоже я счелъ нужнымъ увѣдомить его, что Императоръ уполномочилъ меня прямо относиться къ Его Величеству; я думалъ, дѣлая ему эту довѣренность, что скромность моя была бы безполезна; ибо онъ скоро провѣдалъ бы истину чрезъ своихъ агентовъ, и этимъ я показалъ Фуше видъ довѣренности, которой онъ вовсе мнѣ не внушалъ. Я также сказалъ ему нѣсколько словъ на счетъ сожалѣнія Бонапарте о томъ, что онъ не имѣетъ дѣтей. Цѣль моя состояла въ томъ, чтобы узнать мнѣніе Фуше объ этомъ предметѣ. Я ощутилъ сильное негодованіе, когда онъ сказалъ мнѣ: «Желательно было бы чтобъ Императрица умерла; это устранило бы много препятствій. Рано или поздо, а ему придется взять жену, отъ которой онъ бы могъ имѣть дѣтей; ибо пока у него не будетъ дѣтей, то надобно опасаться чтобы смерть его не сдѣлалась знакомъ къ раздорамъ. Братья его ни къ чему неспособны, и тогда конечно возникнетъ новая партія въ пользу Бурбоновъ, что прежде всего должно

предупредить. Теперь они не опасны; однакоже имѣютъ еще дѣятельныхъ, усердныхъ агентовъ; городъ Альтона ими наполненъ, и вы будете окружены ими въ вашемъ мѣстопребываніи. Прошу васъ строго за ними наблюдать и подробно сообщать мнѣ о всѣхъ ихъ движеніяхъ и о малѣйшихъ поступкахъ. Такъ какъ они скрываются подъ всевозможными переодѣваніями, то вы должны усугубить вашу бдительность и завести себѣ надежныхъ шпіоновъ; но берегитесь такихъ, которые служатъ обѣимъ сторонамъ, а ихъ въ Германіи премножество.

Вотъ все, что я помню изъ разговоровъ моихъ съ Фуше въ Пон-Каре; я возвратился въ Парижъ сильно огорченный тѣмъ, что такой человѣкъ сказалъ мнѣ о Іозефинѣ, и началъ приготовляться къ отправленію въ Гамбургъ.

++

ГЛАВА XVIII.

Отъѣздъ мой изъ Парижа.—Составъ дипломатическато Корпуса въ Гамбургѣ.—Намѣреніе Короля Шведскаго меня похитить.—Письма, писанныя ко мнѣ Герцогами Брауншвейгскимъ и Мекленбургъ-Шверинскимъ.—Задержаніе курьера по приказанію Императора.— Сублингенская капитуляція. —Корыстолюбивая уступчивость Наполеона.—Приготовленія къ войнѣ.—Затруднительность моего положенія.—Дѣйствія, противорѣчащія моимъ инструкціямъ. — Польза комерческихъ извѣстій.—Подробности данныхъ мнѣ наставленій.—Надзоръ за эмигрантами и за журналами.—Уничиженіе Ганзейскихъ городовъ. — Прежній торговый договоръ между Франціею и Англіею.—Книжка Коцебу. — Сдѣланныя Генералу Моро предложенія о вступленіи въ Русскую службу.

Я отправился изъ Парижа 20 Маія 1805 года. Пятаго числа слѣдующаго Іюня мѣсяца, я вручилъ мою вѣрительную грамоту Гамбургскому Сенату. Представителями онаго были Синдикъ Дорманъ и Сенаторъ Шютте. Г. Ренгартъ мой

предмѣстникъ выѣхалъ изъ Гамбурга 12 Іюня.

По пріѣздѣ моемъ въ Гамбургъ, представителями отъ Иностранныхъ Державъ были:

Графъ Ректеренъ отъ Испаніи: человѣкъ любезный, охотникъ хорошо пожить и въ такихъ лѣтахъ, когда желаютъ только наслаждаться жизнію.

Секретаремъ Посольства былъ Г. Романиллосъ, человѣкъ тяжелый, дурно воспитанный, непріятный, говорящій плохо по Французски и охотникъ объясняться на этомъ языкѣ, что дѣлало его очень страннымъ.

Баронъ Гротъ отъ Пруссіи: человѣкъ тщеславный, несносный говорунъ, гордящійся своими титлами и орденами; не имѣвшій способностей, но очень гибкій.

Баронъ д'Ейбъ отъ Даніи, человѣкъ совершенно ничтожный.

Г. Торнтонъ отъ Англіи: война препятствовала мнѣ съ нимъ видѣться. Его считали очень хорошимъ человѣкомъ; послѣдсвія утвердили меня въ этомъ мнѣніи и доказали мнѣ, что онъ былъ благоразуменъ и свѣдущъ.

Г. Форшманъ отъ Россіи.

Г. Гифферъ уполномоченный въ дѣлахъ Австріи: очень простой человѣкъ.

Г. Шубахъ, одинъ изъ честнѣйшихъ Гамбургскихъ купцовъ, былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Португалліи.

Голландія имѣла повѣреннымъ въ дѣлахъ Г-на Рейнольдта: онъ былъ уменъ, но спѣсивъ и жеманенъ. Онъ въ послѣдствіи хорошо сдѣлалъ свою дорогу.

Я не могъ видѣть Г. Перрона, Шведскаго Министра: война тому препятствовала, что мнѣ очень было досадно; ибо объ немъ отзывались, какъ о человѣкѣ превосходномъ, умномъ и миролюбивомъ. Онъ отклонилъ Густава отъ намѣренія меня похитить, какъ то сдѣлалъ Наполеонъ съ Г-мъ Румбольдомъ, Англійскимъ Министромъ при моемъ предмѣстникѣ.

Владѣтельные Герцоги Меклембургъ Шверинскій и Брауншвейгскій, которымъ я сообщилъ о моемъ прибытіи въ качествѣ уполномоченнаго при нихъ Министра, написали ко мнѣ слѣдующія письма:

«Милостивый Государь,

«Императоръ Французовъ, вашъ Августѣйшій Государь, изъявилъ мнѣ свое особенное «благоволеніе, увѣдомивъ меня письмомъ своимъ «отъ 15 Апрѣля о выборѣ васъ въ Полномочные Министры при Нижне-Саксонскомъ округѣ и при мнѣ. Я не замедлилъ изъявить ему «почтительную за сіе признательность и прошу васъ, Милостивый Государь, не оставить «сообщить ему прилагаемый при семъ отвѣтъ, а притомъ быть увѣреннымъ, что я «постараюсь при всякомъ случаѣ доказывать

«вамъ отличное уваженiе, съ каковымъ пребуду, «и проч.

«*ФРИДРИХЪ ФРАНЦИСКЪ*.»

«Милостивый Государь,

«Я получилъ обязательное письмо, Вашего «Превосходительства, которымъ вамъ угодно «было извѣстить меня о вашей порученности «въ Нижне-Саксонскомъ округѣ. Примите изъ-«явленiе моей признательности; вступая съ ва-«шимъ Превосходительствомъ въ сношенiя, къ «коимъ подастъ мнѣ поводъ ваше новое званiе, «я почту для себя лестнымъ изыскивать слу-«чаи для доказательства вамъ чувствъ совер-«шеннаго уваженiя, съ каковымъ я имѣю честь «быть, и проч.

«*КАРЛЪ*, Герцогъ Брауншвейгскiй.»

Вотъ новое доказательство сказаннаго мною выше о непозволительныхъ средствахъ, употребляемыхъ Правительствомъ Наполеона. Прибывъ въ Гамбургъ, я узналъ что Вѣнскiй курьеръ, отправлявшiйся въ Англiю, былъ по повелѣнiю Императора, задержанъ въ лѣсу, чрезъ который онъ проѣзжалъ; отобравъ у него депеши, ему связали руки и привязали его къ дереву. Несчастный остался въ этомъ ужасномъ положенiи до тѣхъ поръ, пока одна старуха, случайно проходившая мимо его, отвязала его и спасла ему жизнь.

Въ продолженіе шестилѣтняго пребыванія моего въ Гамбургѣ, мнѣ никогда не давали подобнаго приказанія и конечно хорошо сдѣлали; ибо я никогда бы онаго не исполнилъ.

Генералъ Вальмоденъ подписалъ Сублингенскую капитуляцію съ Маршаломъ Мортье, начальствовавшимъ въ Гановрѣ. Англійское Правительство отказалось утвердить оную, потому что въ ней было условлено, чтобы войска остались военно-плѣнными. Бонапарте имѣлъ двѣ причины смягчить это суровое условіе: онъ хотѣлъ удержать Гановръ въ вознагражденіе за островъ Мальту и, какъ средство обуздать и вѣрнѣе атаковать Пруссію, которой онъ уже началъ недовѣрять. Онъ обезпечивалъ свое лѣвое крыло, когда бы пошелъ на Пруссію и двинулся бы къ Сѣверу. И такъ Мортье получилъ приказъ ограничить условія договора сдачею оружія, багажа, артиллеріи и лошадей. Англія употреблявшая наивеличайшія усилія для того, чтобы воспротивиться высадкѣ, коею она считала себя угрожаемою, истратила огромныя суммы на перевозку своихъ войскъ изъ Гановра въ Англію: никогда еще не было видано такой поспѣшности. Въ транспортахъ оказался недостатокъ, и за нихъ платили необъятныя суммы. Многіе торговые дома въ Гановрѣ обогатились, благодаря этой торопливости.

Въ эту эпоху, Императоръ Австрійскій не призналъ еще Наполеона Королемъ Италіянскимъ, хотя Посланникъ его и оставался въ Парижѣ. Австрія не могла безъ трепета видѣть его главою великой державы, Піемонта, присоединеннаго къ Франціи и Италіи, покоренной его законамъ съ самовластіемъ, которое заставляло страшиться слѣдствій его честолюбія. Съ этой минуты она стала помышлять о войнѣ. Англія, которой очень было желательно устранить даже и угрозу высадки, подстрекала Австрійскій кабинетъ. Но я не думаю, чтобы Бонапарте былъ исключительно углубленъ въ свой притворный замыселъ тогда, какъ обнаружились непріязненныя мѣры Австріи. Онъ ихъ желалъ, какъ то мнѣ кажется достаточно доказано, и это ополченіе вскорѣ заставило его забыть, и безъ всякаго сожалѣнія, безполезныя и многоцѣнныя пріуготовленія противъ Англіи.

По прибытіи моемъ въ Гамбургъ, я долженъ былъ, въ слѣдствіе данныхъ мнѣ наставленій, увѣрить что его Императорское Величество ручается за Конституцію и за спокойствіе Германіи, и что онъ считаетъ это обязательство священнѣйшимъ долгомъ. А между тѣмъ, едва только я вступилъ въ свою должность, какъ война начала опустошать Германію, а Континентальная система разорять всѣ торговые го-

рода. Я помнилъ что Бонапарте сказалъ мнѣ при послѣднемъ свиданіи: *Ты будешь полезенъ лишь въ Германіи, я имѣю на нее виды.* Это поставляло меня въ безпрестанное противорѣчіе съ моими увѣреніями въ дружбѣ и въ покровительствѣ, отъ имени Французскаго Правительства. Городъ Гамбургъ, гдѣ я имѣлъ свое мѣстопребываніе былъ мѣстомъ, чрезвычайно способнымъ для наблюденій. Ниже увидятъ какія выгоды извлекъ изъ него Императоръ во всѣхъ отношеніяхъ.

Опытъ давно уже доказалъ, что тайныя дѣла не легче узнаются при ихъ источникѣ. Даже часто слухъ о какомъ нибудь событіи распространяется вдали, между тѣмъ какъ слухъ сей вовсе неизвѣстенъ тамъ, откуда онъ происходитъ. Непосредственное вліяніе политическихъ происшествій на торговыя обстоятельства дѣлаетъ купцовъ чрезвычайно внимательными. Торговля образуетъ изъ всѣхъ производящихъ оную, сословіе соединенное крѣпчайшими изъ всѣхъ узъ, общею выгодою; и купеческая переписка часто доставляетъ изобильный источникъ самыхъ вѣрныхъ наблюденій и драгоцѣнныхъ свѣдѣній, ускользающихъ отъ розысковъ агентовъ Правительства. Я много ими пользовался.

Я вознамѣрился познакомиться съ нѣкоторыми торговыми домами, имѣвшими наиболѣе

обширныя и частыя сношенія съ сѣверными Государствами. Я знаю, что пріобрѣтя ихъ довѣренность, мнѣ можно будетъ узнавать обо всемъ, что случится или произойдетъ важнаго въ Россіи, въ Швеціи, въ Англіи и въ Австріи. Я разумѣю подъ этимъ свѣдѣнія о переговорахъ, о трактатахъ, о военныхъ распоряженіяхъ, каковы наборы войскъ, превышающіе число оныхъ для мирнаго времени, движенія войскъ, устроеніе лагерей и магазиновъ, финансовыя дѣйствія, вооруженіе кораблей и много другихъ извѣстій, которыя очень часто не заключая въ самихъ себѣ никакой важности, приводятъ на стезю того, что наиболѣе нужно открыть.

Впрочемъ я не былъ расположенъ слѣпо вѣрить всенароднымъ слухамъ и биржевымъ извѣстіямъ. Эти извѣстія часто бываютъ лжами, изобрѣтаемыми частною выгодою и жадностью барышей. Я твердо рѣшился давать имъ вѣру не иначе, какъ съ величайшею осторожностью, дабы не сообщить за истину пустыхъ сказокъ; эти вѣсти должно не иначе принимать, какъ свѣдѣнія для соображенія. Мнѣ было поручено наблюдать за эмигрантами, коими Гамбургъ и сосѣдніе съ нимъ мѣста Мекленбургъ, Гановръ, Герцогства Брауншвейгское и Голштинское были наполнены но я долженъ сказать, что мнѣ предписывалось обратить вниманіе только на

тѣхъ, *которые устроивали ковы и заговоры.* Императоръ, между прочимъ, говорилъ мнѣ въ своихъ наставленіяхъ, что ему неугодно дабы эмигранты или кто бы то ни былъ, дозволяли себѣ *носить знаки прежнихъ Французскихъ орденовъ.* Не думаю, чтобы мнѣ когда былъ случай за это взыскивать; но я этимъ и не занимался, какъ безполезнымъ и глупымъ притязаніемъ. Мнѣ было приказано надзирать за Англійскими наборщиками и за путешественниками, которые чрезъ порты Тёмингенъ и Гузумъ, пріѣзжали изъ Англіи или туда отправлялись. Въ числѣ ихъ, какъ было сказано, находились лазутчики Британскаго кабинета. Я долженъ былъ разведывать, кто таковы эти люди и какую они имѣли цѣль.

Я долженъ былъ также наблюдать за общественнымъ духомъ и *въ особенности* за журналами, которые часто даютъ оному ложное направленіе. Я долженъ былъ поставлять на видъ всѣ статьи, которыя сочту заслуживающими порицанія Сначала я дѣлалъ только словесныя представленія и жалобы, но не всегда могъ этимъ ограничиться, какъ ниже увидятъ. Вскорѣ я получилъ такія строгія приказанія, что противъ моей воли, простой надзоръ превратился въ притѣсненіе. Жалобы на журналы наполняли четвертую часть депешей.

Названіе *Державъ* не могло приличествовать,

въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, Ганзейскимъ городамъ. Они конечно считались членами общаго Германскаго Союза, но вліяніе ихъ въ ономъ было весьма ограничено. До XVII-го вѣка они имѣли нѣкоторое вліяніе, какъ области Нижне-Саксонскаго округа, который былъ очень общиренъ. Короли Прусскій и Англійскій всегда отказывали въ допущеніи ихъ на общія совѣщанія. Съ 1682 года таковыхъ не происходило и Государи присвоили себѣ всю власть.

Разсматривая ихъ отдѣльно и относительно силъ ихъ, я также находилъ, что названіе Державъ имъ неприличествуетъ.

Торговому договору, заключенному между Франціею и Англіею въ 1769 году и продолженному въ 1789-мъ еще на двадцать лѣтъ, оставалось существовать еще только четыре года. Опытъ скоро доказалъ мнѣ, что онъ во многихъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ и не обеспечивалъ Французамъ всѣхъ выгодъ, которыя по справедливости имъ бы слѣдовало получить. Я нѣсколько лѣтъ занимался собираніемъ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для предварительнаго составленія новаго договора, могущаго быть примѣненнымъ и къ двумъ другимъ Ганзейскимъ городамъ, съ которыми существовали, такъ сказать, только временныя условія Труды мои были безполезны въ продолженіе всего времени; пока при-

тѣснялись Ганзейскіе города, вовсе не думали о торговомъ союзѣ; еще того менѣе помышляли объ ономъ когда въ 1806 году ихъ заняли военною рукою, и вовсе перестали объ этомъ заботиться тогда какъ въ 1810 году, они сдѣлались частью великой Имперіи.

Я узналъ что побѣги во Французскихъ войскахъ расположенныхъ въ Гановрѣ, были весьма значительны. Я приказалъ задержать одного человѣка по имени Жокена, который убѣжалъ изъ Люнебурга и съ годъ жилъ въ Гамбургѣ: этотъ примѣръ прекратилъ побѣги.

Императоръ желалъ знать, что противъ него печаталось, вопреки всѣмъ усиліямъ его тому воспрепятствовать. Я послалъ ему въ Маѣ мѣсяцѣ 1805 года, слѣдовательно въ самомъ скоромъ времени по прибытіи моемъ въ Гамбургъ книжку знаменитаго Коцебу, подъ заглавіемъ: *Воспоминанія о поѣздкѣ моей въ Неаполь и въ Римъ.* Это сочиненіе, напечатанное въ Берлинѣ было наполнено неблагопристойными намеками и выходками противъ Императора.

Въ это время я достовѣрно узналъ, что Генералу Моро предлагали вступить въ Русскую службу, и что ему хотѣли дать двѣнадцать тысячъ рублей на путевыя издержки. Извѣстно, что уже гораздо позднѣе сего Моро принялъ эти предложенія.

++ ++

ГЛАВА XIX.

Праздникъ, данный въ лагерѣ Короля Шведскаго.—Изображеніе Густава-Адольфа однимъ изъ его Министровъ.—Снисходительность къ Графу де ла Рокку.—Несправедливый доносъ на Г. Гаронна —Многочисленные доносы отъ Фуше. —Четыре дуели въ Гамбургѣ и оскорбленіе національной кокарды.—Опасное сосѣдство Альтоны.—Г. де Жимель и Прусскій Министръ.—Статья, напечатанная въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ.—Жалоба моя Гамбургскому Сенату и отвѣтъ онаго.—Доносы, сдѣланные Бернадоту.—Сообщенныя мною свѣдѣнія.—Снисходительность и правосудіе Бернадота—Офиціяльныя и дружескія его письма.—Г. Макъ-Масонъ, Ирландецъ.—Важныя свѣдѣнія о положеніи политическихъ дѣлъ, сообщенныя мнѣ Бернадотомъ.

Король Шведскій Густавъ очень любилъ заставлять о себѣ говорить. Онъ далъ въ это время большой праздникъ въ Шведскомъ лагерѣ. Шведскій Министръ показывалъ мнѣ собственноручное письмо своего Государя, съ повелѣніемъ помѣстить въ газетѣ Корреспондентъ всѣ подробности этого праздника.

27 Іюня пріѣхалъ въ Гамбургъ Г. Булиньи, назначенный въ Стокгольмъ вмѣсто Г. Окарица, который отправился изъ Гамбурга 11 Іюня въ Константинополь. Г. Окарицъ располагалъ пробыть не долѣе трехъ мѣсяцевъ въ этой столицѣ. Я имѣлъ съ нимъ продолжительныя бесѣды предъ его отъѣздомъ. Какъ мнѣ показалось, онъ не былъ доволенъ своимъ назначеніемъ. Мы часто разговаривали съ нимъ о Королѣ Шведскомъ. Г. Окарицъ очень порицалъ его поведеніе; онъ изображалъ его молодымъ безумцемъ, который не думая о томъ, что времена и вещи перемѣнились, хотѣлъ играть въ Европѣ ролю новаго Густавъ Адольфа. Онъ имѣлъ одно только его имя. Г. Окарицъ увѣрялъ меня, что Король вовсе не имѣлъ въ виду продавать своихъ солдатъ другой державѣ; что онъ пламенно желалъ, чтобы дѣйствовали, но въ особенности хотѣлъ дѣйствовать самъ. Г. Окарицъ разсказывалъ мнѣ о лагерѣ Короля Шведскаго съ насмѣшливою жалостью. Государь сей отослалъ обратно Королю Прусскому орденъ Чернаго-Орла, потому что онъ былъ данъ Первому Консулу. Мнѣ писали изъ Берлина, что Фридрихъ - Вильгельмъ очень оскорбился этимъ поступкомъ, который дѣйствительно столько же былъ неприличенъ, сколько обратная отсылка знаковъ Златаго Орла, Лудовикомъ XVIII Королю Испанскому, была прилична и благородна.

Густавъ-Адольфъ былъ безразсуденъ и вспыльчивъ. Онъ называлъ Бонапарте Господиномъ Наполеономъ. Впрочемъ онъ имѣлъ мужество, предпрiимчивость и рыцарскiя качества. Безразсудства его и неудачи въ Гановрѣ были безъ всякаго сомнѣнiя причиною его отреченiя. 31 Октября 1805 года Государь сей издалъ противъ Францiи объявленiе войны, наполненное оскорбительными для особы Императора выраженiями. Г. Булиньи провелъ со мною большую часть десяти дней, которые онъ пробылъ въ Гамбургѣ. Онъ былъ увѣренъ что неосновательность Короля Шведскаго скоро доведетъ его до разрыва съ Испанiею. Мы ниже увидимъ великiе подвиги Густава и послѣдствiя оныхъ.

Эмигрантъ Графъ де Ла Роккъ, жившiй въ Гамбургѣ, получалъ, какъ Англiйскiй агентъ, по четырнадцати луидоровъ въ мѣсяцъ. Когда Г. де Ла Роккъ прiѣхалъ на время по дѣламъ своимъ въ Гановръ, то Маршалъ Бернадотъ, тамъ начальствовавшiй, приказалъ было задержать его. Г. де Ла Роккъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшно возвратился въ Гамбургъ. Онъ предъявилъ свой гражданскiй паспортъ, и съ этой минуты дѣлалъ что ему угодно, подъ неприкосновеннымъ званiемъ Гамбургскаго гражданина. Въ Iюлѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ Французскаго Правительства приказъ, требовать высылки изъ Гам-

бурга Графа де Ла Рокка, котораго мнѣ описывали дѣятельнымъ агентомъ Бурбоновъ и шпіономъ Англіи, получающимъ за это плату. Г. де Ла Роккъ, удалясь въ Альтону, просилъ у меня свиданія для того, чтобы доказать мнѣ свою невинность. Онъ говорилъ мнѣ, *что онъ не побоялся входить въ переговоры съ бунтовщикомъ и съ человѣкомъ низкаго происхожденія.* Это относилось къ письму, которое онъ, какъ его обвиняли, написалъ къ Г. Шапталю и которое возбудило подозрѣніе. Я не отвѣчалъ ему, и это дѣло такъ осталось. Гордый дворянинъ присмирѣлъ.

Министръ Полиціи прислалъ мнѣ въ первыхъ числахъ Іюля доносъ противъ одного человѣка, по имени Гаронна, который отправился изъ Парижа въ Гамбургъ и противъ котораго, по словамъ Министра, возникли сильныя подозрѣнія. Я отвѣчалъ Фуше, что мнѣ извѣстенъ одинъ только Александръ Гароннъ, водворившійся въ Гамбургѣ, очень хорошій Французъ и пользующій доброю о себѣ славою. Г-нъ же Гароннъ, (тотъ, на котораго былъ сдѣланъ доносъ) пріѣхалъ въ Гамбургъ 24 Іюля. Онъ явился ко мнѣ и представилъ законный паспортъ, данный ему Парижскою Префектурою Полиціи. Я оставилъ его въ покоѣ и его забыли.

Фуше закидывалъ меня письмами и пересылкою ко мнѣ доносовъ. Еслибъ я его слушался, то пришлось бы всѣхъ мучить. Онъ требовалъ у меня свѣдѣнiй о Гардскомъ уроженцѣ Ларозе, на томъ основанiи, что дѣвушка, по имени Розина Зимбенни объявила полицiи, что этотъ Ларозе, котораго отыскивало ея семейство, убитъ въ Гамбургѣ на поединкѣ. Я отвѣчалъ, что мнѣ были извѣстны только четверо, умершiе такимъ образомъ: нѣкто Клеманъ, убитый Тарассономъ; Г. Дюпаркъ убитый Лезардiемъ; Садремонъ, убитый Ревелемъ и еще четвертый, котораго я незналъ, имени, убитый Лафондомъ. Этотъ послѣднiй убитъ Лафондомъ вскорѣ по прiѣздѣ его въ Гамбургъ, но это былъ не тотъ, котораго искали.

Этотъ Лафонъ былъ Брабантскiй уроженецъ и служилъ въ Британскихъ уланахъ; онъ обидѣлъ Француза за то, что тотъ имѣлъ на себѣ нацiональную кокарду и далъ ему пощечину: не имѣю нужды сказывать что произошло но, какъ видѣли, палъ обиженный. Г. Рейнгардъ, мой предмѣстникъ, хотѣлъ было наказать Лафонда, но Австрiйскiй Министръ потребовалъ его какъ подданнаго своего Государя, и его оставили въ покоѣ. Этотъ Лафонъ при мнѣ уже уѣхалъ въ Антверпенъ и пошелъ тамъ въ актеры.

Вообще, въ первые мѣсяцы по прибытіи моемъ въ Гамбургъ, я получалъ приказанія о задержаніи многихъ людей, которыхъ почти всѣхъ называли *опасными* и *негодяями*. Когда я былъ увѣренъ въ лживости обвиненія, то старался выиграть время, а кто выигрываетъ время, тотъ выигрываетъ все; забвеніе заступало мѣсто строгости и никто не жаловался.

При томъ же, эти приказы были почти всегда неудобоисполнимы. Обвиненные отправлялись изъ Гамбурга въ Альтону, такъ какъ изъ Тюлеріи, ѣздятъ въ Елисейскія поля. Менѣе чѣмъ въ четверти милѣ отъ Гамбурга лежитъ городъ, имѣющій сорокъ тысячь жителей, коего Президентъ и Начальникъ Полиціи, были преданы Англичанамъ. Я не могъ ничего требовать въ Альтонѣ иначе, какъ чрезъ Копенгагенъ; этотъ длинный и неизбѣжный объѣздъ дѣлалъ всѣ мѣры недѣйствительными. Я отказался отъ этого средства, и для меня, тотъ, кто былъ въ Альтонѣ, не былъ *слишкомъ близко* (*).

Иностранный титулъ или чинъ, также обеспечивалъ человѣка, преслѣдуемаго Парижскою Инквизиціею: Графъ де Жимель, о коемъ будетъ ниже упомянуто, отправился около этого времени въ Карлсбадъ. Графъ Гротъ, Прусскій

(*) Названіе Альтоны происходитъ отъ слова alzu nahe, *слишкомъ близко*

Министръ, часто со мною объ немъ разговаривалъ. Я изъявилъ опасеніе, чтобы Г. Жимель не былъ захваченъ; ибо противъ него существовали сильныя предубѣжденія: «Будьте покойны,» сказалъ мнѣ Г. Гротъ, «онъ воротился въ Гамбургъ съ чиномъ Англійскаго Полковника»

17 Іюля явилась въ газетѣ Корреспондентъ статья, очень оскорбительная для Франціи. Она была напечатана по требованію Его Британскаго Величества. Я получилъ отъ Императора повелѣніе на это жаловаться. Сенатъ отвѣтствовалъ, что онъ никогда не противился помѣщенію офиціальной статьи, если того требовало какое либо Правительство; что хула падаетъ на того, кто ее произноситъ; что отвѣтъ Французскаго Правительства будетъ также напечатанъ, даже безъ всякаго отъ него требованія; и что Сенатъ никогда не отступалъ отъ этаго правила.

Я замѣтилъ Сенату, что я не вижу для чего *Корреспонденту* должно быть чужою трубою; Синдикъ отвѣталъ мнѣ: «Что двѣ сильныя Державы, могущія сдѣлать имъ много зла, требовали помѣщенія этой статьи и что они не могли въ томъ отказать.» (*)

(*) *Корреспондентъ* печатался въ эту эпоху въ числѣ 27,000 экземпляровъ, а въ послѣдствіи дошло до 60,000. Это былъ журналъ очень исправно издаваемый, дешевый и служившій

Ненависть иностранныхъ Государей поощряла всѣ оскорбительныя для Наполеона сочиненія; смерть Герцога Ангенскаго много содѣйствовала этой ненависти. Этой истины не скрывалъ отъ меня ни одинъ изъ Министровъ или изъ знатныхъ иностранцевъ, проѣзжавшихъ чрезъ Гамбургъ или жившихъ тамъ. Негодованіе за это злодѣйство, было еще всеобщее. Король Шведскій отличался своею запальчивостью. Г. Веттерштадтъ, заступившій при этомъ Государѣ мѣсто Г на де Ла Гербильске, прислалъ къ Шведскому Министру въ Гамбургѣ длинное письмо, какъ нельзя больше, оскорбительное для Наполеона. Это былъ отвѣтъ на статью напечатанную въ Монитёрѣ объ отсылкѣ обратно Чернаго-Орла Королю Прусскому. Г. Пейронъ, Шведскій Министръ въ Гамбургѣ, не одобрявшій многихъ дѣйствій своего повелителя, взялъ на себя сообщить въ Стокгольмъ очень сильныя замѣчанія на счетъ дурнаго впечатлѣнія, которое произведетъ помѣщеніе этой статьи въ *Корреспондентѣ*. Статья была нѣсколько измѣнена, но тотчасъ возвращена Г. Пейрону, съ именнымъ приказаніемъ напечатать оную. Я исходатайствовалъ у Сената иск-

---

отголоскомъ для всѣхъ странъ, гдѣ говорятъ по Нѣмецки. Словомъ сказать, въ мое время, онъ былъ лучшимъ средствомъ для обнародованія чего либо.

люченіе оной изъ газеты, и она не была напечатана.

Бернадоту донесли на людей очень почтенныхъ. Я собралъ о нихъ точныя сведенія, и удостоверился, что представленные ему доносы были совершенно лживы. Я известилъ объ этомъ Бернадота, котораго я слишкомъ хорошо зналъ для того чтобъ быть уверенными, что онъ не захочетъ поступить съ неосмотрительностію. Онъ отвечалъ мне:

«Вы очень милы и очень добры, любезный «Буріеннъ, темъ что позаботились избавить «меня отъ непріятности сделать малейшее не«удовольствіе людямъ, которыхъ я уважаю.

«Монкабріе и Леветцау не были забыты. При«лагаю росписку въ полученіи билета, прислан«наго первому; росписки последняго не оты«скали, но я приказалъ выправиться точно ли «билетъ былъ ему врученъ.

«Другъ вашъ

«*Б*.....»

Маршалъ Бернадотъ, начальствовавшій въ Гановре, имелъ со мною очень частыя сношенія въ следствіе нашихъ старыхъ дружескихъ связей. Предметомъ нашихъ сношеній и нашей переписки не всегда были обязанности нашего званія, чему ниже увидятъ множество примеровъ.

До прибытія моего въ Гамбургъ въ 1804 го-

ду, Маршалъ Бертье прислалъ къ Бернадоту двухъ Ирландцевъ въ Шпіоны. Онъ употребилъ ихъ; но я узналъ, что одинъ изъ нихъ Мак-Магонъ, былъ болѣе шпіонъ Англіи, чѣмъ нашъ. Освѣдомясь обстоятельно, я увѣдомилъ объ этомъ Маршала Бернадота. Изъ отвѣта его читатели увидятъ, что я неошибался въ моихъ подозрѣніяхъ. Когда мы перестанемъ даваться въ обманъ этого рода людямъ? Не очевидно ли, что тотъ, который больше имъ платитъ, всегда имѣетъ ихъ къ своимъ услугамъ? Вотъ сперва письмо Бертье:

«Имѣю честь увѣдомить васъ, Г. Маршалъ, «что два живущіе въ Гамбургѣ Ирландца Гг. «Дёрненъ и Мак-Магонъ, коимъ сдѣланы отъ «Правительства значительныя предложенія съ «тѣмъ, чтобы они отправились во Францію из«вѣдать расположеніе ихъ бѣжавшихъ соотече«ственниковъ и виды Правительства, предла«гаютъ обратить это обстоятельство къ успѣху «намѣреній Франціи и дѣла соединенныхъ Ирланд«цевъ.

«Его Величеству угодно, чтобы вы воспользовались предложеніемъ этихъ двухъ Ирланд«цевъ, употребили бы ихъ для пріобрѣтенія «всѣхъ возможныхъ свѣдѣній и выдавали бы «имъ деньги по вашему благоусмотрѣнію.

«Я пишу объ этомъ для большей скорости «къ Генералу Дессолю, командующему за от-

«сутствiемъ вашимъ Гановрскою армiею; вы «имѣете, Г. Маршалъ сообщить ему съ вашей «стороны приказанiя и наставленiя, которыя «вы сочтете по сему предмету нужными для «исполненiя воли Императора.

«Имѣю честь вамъ кланяться.

«БЕРТЬЕ.»

Письмо Бертье было такъ положительно, что безъ свѣдѣнiй, сообщенныхъ мною Бернадоту, онъ былъ бы почти обязанъ употребить этихъ двухъ человѣкъ, предложенныхъ ему отъ Бертье. Но Бернадотъ не принялъ этого предложенiя, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго письма его ко мнѣ:

«Я получилъ любезный Министръ, письмо «ваше и заключающiяся въономъ свѣдѣнiя; «благодарю васъ за вниманiе ваше при сообще«нiи мнѣ этихъ свѣдѣнiй.

«Я никогда не имѣлъ большой довѣренности «къ способностямъ и къ вѣрности Мак-Магона; «ему никогда не было поручаемо ничего важ«наго, и если я давалъ ему нѣкоторые способы «къ существованiю, то единственно потому, что «онъ былъ мнѣ порученъ Военнымъ Минист«ромъ, и потому что несчастное его положенiе «возбуждало жалость; я сначала назначилъ ему «по 400 франковъ въ мѣсяцъ, но увидѣвъ его «ничтожность, убавилъ его содержанiе до 250, «единственно для того чтобы дать ему пропи-

«таніе, ибо уже три мѣсяца, какъ онъ не по«казывался въ главную квартиру.

«Прилагаю присемъ копію съ письма ко «мнѣ отъ Военнаго Министра объ этомъ «Ирландцѣ.

«Я скоро надѣюсь имѣть удовольствіе уви«дѣться съ вами; я завтра отправляюсь для «объѣзда, и буду 7 или 8 числа въ Гамбургѣ, «гдѣ надѣюсь лично засвидѣтельствовать вамъ «увѣреніе въ моей искренней привязанности.

«БЕРНАДОТЪ.»

При занятіи Ганновра, Г. Тейлоръ, Англійскій Министръ въ Касселѣ, былъ принужденъ оттуда выѣхать; но онъ возвратился туда, не смотря на сопротивленіе Франціи. Вотъ подробности, сообщенныя мнѣ Маршаломъ:

«Я получилъ, любезный Бурьеннъ, свѣдѣнія, «не оставляющія никакого сомнѣнія на счетъ «того, что произошло въ Касселѣ относительно «Г. Тейлора; Министръ сей былъ принятъ, не «смотря на представленія Г. Биніона, которыя «по правдѣ сказать, были до сихъ поръ только «словесныя. Я знаю, что Курфирстъ писалъ въ «Лондонъ, прося чтобы Г. Тейлоръ не возвращал«ся. Въ отвѣтъ на это, Англійское Правитель«ство прислало его обратно; нашъ Министръ «сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, что«бы его опять выпроводить; но оставилъ это, «принявъ въ соображеніе отъ ожидаемыя Курфир-

«ста денежныя выгоды; онъ не хотѣлъ поссо-«риться съ Дворомъ, отъ котораго требуетъ «болѣе двѣнадцати миліоновъ франковъ. Правда, «что вновь написали къ Британскому Мини-«стерству; самъ Курфирстъ частнымъ письмомъ «просилъ Англійскаго Короля объ отозваніи Г. «Тейлора; но вѣроятно что Лондонскій Дворъ «уклонится отъ исполненія этого требованія.

«При этихъ обстоятельствахъ, войска наши «приблизились къ Касселю. До сихъ поръ Гё-«тингенская область была избавлена отъ воен-«наго постоя; новыя распоряженія, требуемыя «недостаткомъ фуража, заставили меня послать «эскадронъ Конныхъ-Егерей въ Мюнденъ, не-«большой городокъ въ четырехъ миляхъ отъ «Касселя. Это движеніе встревожило Курфир-«ста; онъ изъявилъ желаніе чтобы дѣла были «приведены въ прежній видъ, и просилъ Г. Би-«ніона написать мнѣ объ этомъ; онъ поручилъ «ему также повторить мнѣ, что онъ будетъ «очень радъ со мною познакомиться на Неми-«дорфскихъ горахъ, гдѣ онъ намѣренъ про-«вести нѣсколько времени; но на этотъ счетъ «я буду держаться того, что я вамъ говорилъ.

«Я полагаю, любезный Бурiеннъ, что вамъ «будетъ пріятно узнать всѣ эти подробности; «сообщаю вамъ оныя за весьма достовѣрныя.

«Обнимаю васъ »Б . . . .»

Стадъ, 10 Термидора (29 Іюля 1805)

Дабы дать точное понятіе объ этой эпохѣ, я лучше счелъ представить читателю оффиціяльныя бумаги и дружескія письма, тогда мною полученныя, и коихъ подлинники у меня находятся, чѣмъ удовольствоваться извлеченіемъ происшествій, въ оныхъ заключающихся, думая что всякой предпочтетъ видѣть разсказъ самого очевидца извлеченіямъ, которыя конечно легко было бы сдѣлать, но въ которыхъ можетъ быть не нашли бы истины во всей простотѣ ея. Притомъ же я здѣсь представляю только родъ очерка первымъ впечатленіямъ, которыя произвели на меня событія, случившіеся въ началѣ пребыванія моего въ Гамбургѣ; я еще возвращусь къ дѣламъ и къ людямъ, о которыхъ теперь говорю очень сокращенно.

++

ГЛАВА XX.

Предположение о союзѣ между Англіею и Россіею.—Всеобщая увѣренность о близкой войнѣ.—Г. Форшманъ, Россійскій Повѣренный въ дѣлахъ.—Капитанъ Бретонъ, несправедливо подозрѣваемый. — Благородное поведеніе Бернадота.— Движенія Гановрской арміи. — Выходъ изъ Куксгавена.— Порученіе Дюроку въ Берлинѣ.—Письмо Дюрока.—Свѣдѣнія, требуемыя Г-мъ Лафоре, Французскимъ Министромъ въ Берлинѣ.—Поспѣшное соединеніе Бернадотова корпуса съ большою арміею. — Нарушеніе поземельныхъ правъ Пруссіи.—Неудовольствіе этой Державы. — Вопросы Министра Полиціи о Шведской Помераніи. — Неполученіе донесеній о движеніяхъ Россіянъ.—Посылка агента для наблюденія за Балтикою. — Возрастающая непріязнь Россіи противъ Франціи. — Сбывшіяся предвидѣнія. — Высадка Шведскаго корпуса въ Стральзундѣ.—Значительное пониженіе Гамбургскаго курса на Парижъ.

Въ началѣ Августа мѣсяца 1805 года была рѣчь о заключеніи договора между Россіею и Англіею. Еслибъ этотъ проэктъ договора, былъ приведенъ въ исполненіе, то слѣдствія онаго

для Европы могли бы быть неисчислимы.

Въ эту эпоху никто на Сѣверѣ не сомнѣвался въ близкой войнѣ на твердой землѣ. Могу утвердительно сказать, что еслибъ самъ Наполеонъ не сдѣлалъ приступа къ войнѣ и заблаговременно не отказался бы отъ своихъ Булонскихъ съумазбродствъ, то Франція подверглась бы нападенію. Я не скрылъ отъ его свѣдѣнія опасностей, угрожавшихъ моему отечеству; чему еще увидятъ доказательства.

Г. Форшманъ, Россійскій повѣренный въ дѣлахъ всячески старался возстановить противъ Франціи Европу, особенно Сѣверъ и Западъ оной.

Бернадотъ потребовалъ у меня свѣдѣній о Капитанѣ Бретонѣ, на котораго имѣли подозрѣнія. Онъ любилъ справедливость и не хотѣлъ заключать неблагопріятно о комъ бы то ни было, не удостовѣрясь въ винѣ его. Онъ написалъ мнѣ:

«Посылая вамъ любезный Буріеннъ, записку «объ остальной части моего объѣзда, прошу «васъ сдѣлать изъ нея условленное нами упо«требленіе.

«Я возвратился нѣсколько утомленный; я не «потеряю изъ вида предметовъ, о которыхъ вы «мнѣ говорили и немедленно займусь ими.

«Окажите мнѣ услугу, освѣдомясь вновь о «дѣлѣ, касающемся извѣстнаго вамъ Офицера «Генеральнаго Штаба; онъ клянется честью,

«что ничего не получаетъ и что сдѣланное противъ него обвиненіе, совершенно ложно; мнѣ «очень хочется привесть въ ясность этотъ предметъ и не имѣть болѣе по оному сомнѣній.

«Обнимаю васъ,

«БЕРНАДОТЪ»

Герненгаузенъ, 20 Термидора.

Я написалъ ему все, что мнѣ было извѣстно о Капитанѣ Бретонѣ, котораго по моему мнѣнію несправедливо обвиняли. Бернадотъ тотчасъ отвѣчалъ мнѣ, увѣдомивъ меня, что все кончено.

Гановръ, 2 Фруктидора [20 Августа, 1805].

«Я получилъ, любезный Буріеннъ, письмо «ваше и то, которое писалъ къ вамъ Капитанъ «Бретонъ; благодарю васъ за полную довѣренность, оказанную вами мнѣ въ этомъ дѣлѣ. «Мнѣ кажется, что онъ не былъ столь виновенъ, какъ мы подозрѣвали и поелику вы «желаете чтобы это кончилось, то объ этомъ «не будетъ болѣе рѣчи. Вы можете отвѣчать «Капитану Бретону, что вы писали мнѣ въ его «пользу и что вы считаете все конченнымъ,

«Обнимаю васъ отъ искренняго сердца.

«БЕРНАДОТЪ.»

Движеніе Гановрской арміи, занимавшей большое пространство земли, принудили ее сосредоточиться для того, чтобы быть ближе къ линіи военныхъ дѣйствій, которыя судя по об-

стоятельствамъ вскорѣ долженствовали произой-ти. Бернадотъ принужденнымъ нашелся вывес-ти войска изъ принадлежащаго Гамбургу порта Куксгавена, который лежитъ при устьѣ Эльбы. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, дабы про-сить пособій у Республики, которой онъ да-валъ уразумѣть, что войска выводятся для нея. Вотъ письмо его ко мнѣ по этому предмету.

Гановръ, 16 Фруктидора XIII года. (3 Сентября 1805).

«Вы справедливо дѣлаете мнѣ упреки, любез-«ный Буріеннъ; я сначала и думалъ было из-«вѣстить васъ о происходящихъ въ арміи дви-«женіяхъ, но по истеченіи сутокъ, я разсудилъ, «что вы и безъ того узнаете о происшедшемъ. «Я сдѣлалъ предварительныя распоряженія для «сосредоточенія войскъ къ Вердену, а оттуда къ «Ганове; я также собралъ нѣсколько полковъ «въ Гётингенѣ. До сихъ поръ все ограничивает-«ся однѣми догадками; какъ только я узнаю «что нибудь положительное, то будьте увѣрены, «любезный Буріеннъ, что я васъ о томъ увѣ-«домлю; я чувствую, сколь для васъ важно знать «обо всемъ могущемъ здѣсь произойти. Такъ «какъ сдѣланное мною движеніе отдаляетъ меня «нѣсколько отъ Куксгавена, то можетъ быть, «что я выведу войска изъ этаго поста; нельзя «ли вамъ воспользоваться этимъ обстоятельст-«вомъ, для того чтобы быть полезнымъ арміи: «полагаю что вы сдѣлаете угодное Его Величе-

«ству, доставивъ пособія Его Гановрской арміи.

«Повторяю вамъ, любезный Бурiеннъ, увѣре-«нія въ моей совершенной дружбѣ.

«БЕРНАДОТЪ.»

Передъ отъѣздомъ своимъ на Югъ Германіи, Маршалъ Бернадотъ написалъ мнѣ еще:

«Я только что получилъ, любезный Буріеннъ, «письмо ваше съ Англійскими журналами; я «одного съ вами мнѣнія на счетъ дѣла, проис-«шедшаго между нашими и непріятельскими «эскадрами (*); надобно подождать новыхъ из-«вѣстій для того, чтобы знать на чемъ осно-«ваться.

«Я уже зналъ что извѣстное вамъ судно бы-«ло задержано въ Куксгавенѣ: мнѣ прислали «всѣ бумаги и свѣдѣнія, на ономъ имѣвшіяся; «однакоже прежде, чѣмъ стану просить дозво-«ленія Министра о взятіи этого приза, я бы «желалъ, чтобъ вы немедленно сообщили мнѣ «всѣ свѣдѣнія, какія можно собрать о купцахъ «Шмидтахъ.

«Я уже послалъ къ вамъ записку объ осталь-«ной части моего объѣзда.

(*) Рѣчь идетъ о сраженіи съ Кальдеромъ. Въ письмѣ моемъ къ Бернадоту, сдѣлавшемуся потомъ Княземъ Понте-Корво, я предсказывалъ ему величайшія бѣдствія.

«Завтра буду отвѣчать вамъ на прочія статьи вашего письма.

«Обнимаю васъ

«І. БЕРНАДОТЪ»

Гернсгаузенъ, 22 Фруктидора (9 Сентября 1805).

Наполеонъ, вспомнивъ, что Дюрокъ понравился Королю Прусскому, когда онъ посылалъ его къ нему при Консульствѣ, отправилъ опять Дюрока, дабы успокоить сего Государя, который сильно жаловался на нарушеніе поземельныхъ правъ Аншпаха, которыя, исполняя волю Наполеона, Бернадотъ не могъ уважить. Дюрокъ пробылъ около полутора мѣсяца въ Берлинѣ.

Изъ слѣдующаго письма увидятъ, что свободность проѣзда чрезъ Гессенъ, казалось оправдывала второе нарушеніе поземельныхъ правъ Пруссіи; но большая была разница между незначительнымъ Гессенскимъ Принцемъ и Пруссіею.

«Посылаю тебѣ, любезный Буріеннъ, двѣ «депеши, мною на твое имя полученныя; Г. «Талейранъ, доставя ко мнѣ оныя, поручилъ «мнѣ просить тебя объ отправленіи вѣрнымъ «путемъ приложеннаго пакета къ Генералу «Виктору.

«Не знаю, долго ли еще я пробуду въ Бер«линѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, мною по«лученнымъ, Императоръ все еще находится

«въ Парижѣ, и многочисленныя арміи сбирают-«ся на Рейнѣ; надежда на миръ болѣе и болѣе «ослабѣваетъ и Австрія всѣми силами тому со-«дѣйствуетъ.

«Я получилъ извѣстіе отъ Маршала Берна-«дота; проходъ его въ Гессенъ произведенъ «весьма успѣшно; Курфирстъ оказалъ наивоз-«можное благоволеніе и обязательность; Мар-«шалъ Бернадотъ оченъ его хвалитъ.»

Къ этому письму была приложена слѣдую-щая записка, руки Г-на де Лафоре, Француз-скаго Министра въ Берлинѣ:

«Желательно имѣть военное росписаніе 1805 «года, Австріи и Россіи, содержащее въ себѣ «наименованія и раздѣленія полковъ и командъ, «всѣхъ оружій, составляющихъ силы сихъ двухъ «державъ, имена Генераловъ и Штабъ-Офице-«ровъ, списокъ крѣпостямъ и проч.

«Что касается до Австріи, то ея военный «календарь печатается каждый годъ у Гриффа «младшаго.

«Нужно бы достать новые военные поста-«новленія Русскіе и Австрійскіе; касательно ны-«нѣшняго состава ихъ войскъ и новыхъ набо-«ровъ; числа баталіоновъ и эскадроновъ въ «полку; числа ротъ въ баталіонахъ; числа лю-«дей въ эскадронахъ и въ ротахъ, въ мирное и «въ военное время.

«Сведѣнія сіи нужно достать по крайней мѣ-
«рѣ въ двухъ экземплярахъ.»

Соединеніе съ арміею Императора корпуса, предводительствуемаго Бернадотомъ, доставляло Наполеону слишкомъ много выгодъ для того, чтобы онъ не далъ ему приказанія, идти къ нему какъ можно скорѣе и кратчайшимъ путемъ. Надобно было поспѣть къ Аустерлицкому сраженію; Густавъ, Король Шведскій, всегда отличавшійся своею предпріимчивостью, хотѣлъ собрать армію, составленную изъ его войскъ, изъ Прусаковъ и изъ Англичанъ; и конечно, сильная атака на Сѣверѣ, не дозволяла бы Бернадоту оставить берега Эльбы и Везера, и идти для усиленія большой арміи, шедшей къ Вѣнѣ. Но этотъ союзъ ограничился одною только осадою небольшой крѣпости Гамельна. Пруссія не хотѣла еще сдѣлать разрыва и Король Шведскій, будучи оставленъ другими, еще болѣе возбудилъ противъ себя негодованіе Наполеона. Эта неудача Короля Шведскаго не мало содѣйствовала къ отчужденію отъ него его подданныхъ, они страшились мести Наполеона, которую могли привлечь на нихъ неистовую ярость Густава, его сумазбродные замыслы и брань, которую онъ повсюду распространялъ противъ Наполеона, особенно послѣ смерти Герцога Ангенскаго.

Я получилъ, 13 Сентября 1805 года, отъ Министра Полиціи письмо, которымъ онъ требовалъ у меня свѣдѣній о Шведской Помераніи.

Удивляясь не полученію отъ Консуловъ въ Любекѣ и въ Штетинѣ, никакихъ донесеній о движеніяхъ Русскихъ, я послалъ въ эти порты, за четыре дня до полученія вышеупомянутаго требованія, вѣрнаго агента для наблюденія за Балтикою. Консулы не подавали никакого знака жизни. Хотя мы находились не далѣе 64 миль отъ Стральзунда, а извѣстія безпрестанно одно другому противорѣчили; достовѣрно только было, что въ эту эпоху опасались высадки Русскихъ въ Стральзундѣ, или въ Травемюнде Любекскомъ портѣ, при устьѣ небольшой рѣчки Травы. Мнѣ было извѣстно, что Россія наняла для отплытія въ эти порты множество судовъ.

Ненависть противъ Франціи продолжала обнаруживаться и еще болѣе возрастать на Сѣверѣ Европы. Въ концѣ Сентября, явилась въ Килѣ, въ Даніи, сатира, которой цѣлое изданіе въ мигъ было разкуплено; это походило на горячку. Сатира сія очень хорошо написанная, открыто и съ изступленіемъ проповѣдывала крестовый походъ противъ Франціи. Не должно было, по мнѣнію автора, щадить крови нѣсколькихъ миліоновъ людей, для того чтобы унизить ее и принудить войти въ предѣлы древней Монархіи. Эта сатира была съ изобиліемъ

распространена въ Нѣмецкихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Франціи, въ Голландіи и въ Швеціи. Это множество возмутительныхъ сочиненій, повсюду являвшихся, слишкомъ возвѣщало, что сѣверные народы, откинутые на сѣверъ Европы, сами откинутъ къ Югу своихъ побѣдителей и ни одинъ разсудительный человѣкъ не могъ усомнѣться въ томъ, что Французскіе орлы, водруженные на иноземныхъ столицахъ, будутъ нѣкогда замѣщены въ Парижѣ чужестранными знаменами. Я всякой день посылалъ мои донесенія, но что могли сдѣлать донесенія противъ честолюбія, котораго ни что не въ состояніи было удовлетворить до тѣхъ поръ, пока всѣ Государи Европы не сдѣлались бы *младше* Наполеона.

30 Сентября 1805, я получилъ съ эстафетою извѣстіе о высадкѣ въ Стральзундѣ шести тысячъ Шведовъ, прибывшихъ изъ Стокгольма на двухъ военныхъ корабляхъ.

Въ концѣ Сентября въ Гамбургскомъ курсѣ на Парижъ произошло пониженіе, дѣйствительно странное; онъ упадалъ до 20 процентовъ потери на сто и остановился на 17-ти. Это пониженіе курса было произведено столь же безразсудно какъ и злобно, торговымъ домомъ Ози и компанія. Начальникъ этого дома Голландскій эмигрантъ, поселился въ Гамбургѣ шесть лѣтъ тому назадъ. Онъ не пропускалъ ни одного слу-

чая обнаруживать ненависть свою противъ Францiи. Контора, которую этотъ богатый домъ имѣлъ въ Ротердамѣ, также была къ намъ очень враждебна, изъ чего можно заключить, что если многiе люди подчиняють свои политическiя мнѣнiя выгодамъ, то есть нѣкоторые, жертвующiе своими выгодами торжеству своего мнѣнiя.

++

ГЛАВА XXI.

Истребленіе первой Австрійской арміи.—Взятіе Ульма.—Перепечатаніе газеты *Корреспондентъ.*—Неудовольствіе Императора за солдатскія рѣчи.—Успѣхи Наполеона.—Трафальгарское бѣдствіе.—Письмо Дюрока о положеніи его при Прусскомъ Дворѣ.—Вооруженія Пруссіи и линія нейтралитета.—Оскорбительная статья, напечатанная въ Корреспондентѣ. — Затрудненіе Гамбургскаго Синдика и Бургомистра.—Опасеніе гнѣва Наполеона. — Мнѣніе объ этомъ дѣлѣ Министровъ Шведскаго и Англійскаго.

23 Октября 1805 года я получилъ съ эстафетою извѣстіе о совершенномъ истребленіи первой Австрійской арміи. Генералъ Барбу, находившійся въ Гановрѣ, также сообщилъ мнѣ эту новость слѣдущими словами: «Первая Австрійская армія «перестала существовать» Онъ этимъ намекалъ на блистательное Ульмское дѣло. Я тотчасъ отправилъ двѣнадцать курьеровъ, въ томъ числѣ въ Стральзундъ и въ Гузумъ. Я думалъ эти

чудеса, невѣроятныя для тѣхъ, которые не знали еще военнаго генія Наполеона, остановятъ Русскія войска и произведутъ какую нибудь перемѣну въ движеніяхъ непріятельскихъ силъ. *Корреспондентъ* былъ перепечатанъ съ этимъ извѣстіемъ; его тиснули шестью тысячами экземпляровъ болѣе, и они были проданы въ четверо противъ обыкновенной цѣны.

Не стану утомлять читателей всѣми стратегическими подробностями сдачи Ульма: объ этомъ предметѣ существуетъ множество описаній; скажу только что Французскій Генералъ, проѣзжая предъ фронтомъ солдатъ своихъ, сказалъ имъ: «Ну товарищи, какое множество «плѣнныхъ!—Правда,» отвѣчалъ ему одинъ изъ солдатъ, «мы никогда еще не видали столько «бездѣльниковъ.» Говорятъ, и я вѣрю, что Императоръ очень разсердился и сказалъ, что безчестно оскорблять такимъ образомъ храбрыхъ людей, которымъ жребій оружія не благопріятствовалъ.»

Читая исторію этой эпохи замѣчаешь, что все сосредоточивалось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Наполеонъ находился. Дѣла Европы производились въ его главной-квартирѣ, и онъ велъ ихъ въ Парижѣ. Все зависѣло отъ успѣховъ или отъ неудачъ. Геній его всячески старался привлечь фортуну къ своей арміи. Шпіонство, обольщенія, притворныя увѣренія въ мирѣ, притѣ-

сненія слабыхъ народовъ все было имъ употребляемо для доставленія успѣха своимъ замысламъ. Но, возбуждая неудовольствіе своимъ самовластіемъ и угрожая независимости другихъ Государствъ безпрерывными посягательствами, онъ болѣе и болѣе вооружалъ противъ себя умы.

Въ продолженіе этихъ блистательныхъ успѣховъ, и когда онъ находился въ Вѣнѣ, почти въ самый день сдачи Ульма, произошло Трафальгарское бѣдствіе. Южные берега Испаніи были свидѣтелями битвы тридцати одного Французскаго корабля противъ почти такого же числа Англійскихъ кораблей, и не смотря на это равенство въ силахъ, Французскій флотъ былъ уничтоженъ: двадцать кораблей погибло.

Эта великая битва представила свѣту новое доказательство плохаго состоянія нашего флота, какъ по вооруженію, такъ и въ управленіи онымъ. Адмиралъ Кальдеръ далъ намъ урокъ, который довершилъ Нельсонъ, но сей послѣдній заплатилъ за него жизнію. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ Дюрокомъ, храбрость доставила Французамъ минутную надежду; но они уступили превосходству морской тактики Англичанъ. Эта побѣда совершенно разстроила наши морскія силы и положила конецъ всѣмъ надеждамъ попытки противъ Англіи.

Остатокъ благоволенія Короля Прусскаго къ

Дюроку ужасъ при полученiи извѣстiя о переходѣ корпуса Маршала Бернадота чрезъ Маркграфство Аншпахское. Современныя сочиненiя согласны на счетъ справедливаго гнѣва, возбужденнаго этимъ нарушенiемъ поземельныхъ правъ въ Королѣ Прусскомъ; но слѣдующее письмо Императорскаго приверженца, внушенное довѣренностью и дружбою ко мнѣ, дастъ точное понятiе о событiяхъ. Агенты, которыхъ я имѣлъ въ этой сторонѣ, сообщали мнѣ только подробности о буйствахъ, производимыхъ Французами при этомъ переходѣ Маркграфства. Вотъ какъ Дюрокъ его оправдываетъ.

«Я получилъ, любезный Бурiеннъ, письмо «твое отъ 13 Вандмiера съ двумя приложенными къ оному вѣдомостями. Мы были здѣсь «счастливѣе; мы достали Австрiйскiй военный «календарь 1804 года; его очень легко было «купить чрезъ Голландскаго Посланника. Если «мы въ этомъ запоздали, то тѣмъ доказывается наша искренность. Должно надѣяться, что «этого впредь не случится, и что мы вознаградимъ потерянное время. Всѣ получаемыя мною «изъ большой армiи извѣстiя, какъ о числѣ ея, «такъ и о составѣ, превосходны. Я со дня на день «ожидаю увѣдомленiя о большомъ движенiи, которое долженствовало произойти, и которое будетъ отчасти рѣшительно, если Австрiйцы не

«разсудятъ отступить. Если ихъ хорошенько «поколотятъ въ первой ихъ позиціи, то возмутъ «много плѣнныхъ и съ этою арміею дѣло будетъ кончено; она уже болѣе не возстанетъ не «смотря на таланты Г. Мака.

«Корпусъ Маршала Бернадота прошелъ чрезъ «Аншпахскую область и по недоразумѣнію, это «движеніе,—вѣроятно сдѣланное по причинамъ «необходимымъ, но здѣсь неизвѣстнымъ — сочтено въ Берлинѣ оскорбленіемъ, нанесеннымъ «Королю и насиліемъ, сдѣланнымъ его нейтралитету. Какъ предполагать, чтобы Императоръ, «особенно при этихъ обстоятельствахъ, могъ подумать о томъ чтобы оскорбить своего друга, «или причинить ему насиліе? Сверхъ того донесенія были преувеличены и сдѣланы людьми, «болѣе любящими нашихъ непріятелей, чѣмъ «насъ. Впрочемъ я конечно знаю, что 70,000 «солдатъ Маршала Бернадота не 70,000 дѣвушекъ. Какъ бы то ни было, а это едва не «сдѣлалось очень пагубнымъ; и по крайней мѣрѣ «причинило намъ много вреда. Мы съ Лажоре «это больше всѣхъ почувствовали; и съ нами «очень сурово обходятся, хотя мы вовсе того «не заслуживаемъ. Пруссія вѣроятно не забудетъ, что одна только Франція принимала участіе въ ея славѣ и распространеніи, и что она «одна можетъ и впредь принять въ этомъ участіе.

«По полученіи извѣстія, что Русскіе, высаженные въ Стральзундѣ, двинулись для нападенія на Гановръ, я предупредилъ начальствующаго тамъ Генерала, чтобы онъ принялъ свои мѣры осторожности. Если ты что нибудь узнаешь, то сообщи ему. Гамбургъ очень перемѣнился, если въ немъ нѣтъ больше дурныхъ книгъ. Когда ты получишь двѣ изъ Лондона и если я буду еще здѣсь, то присылкою одной ты много меня обяжешь.

«Прими увѣренія въ моей дружбѣ,

«ДЮРОКЪ.»

11 Вандеміера (19 Октября 1805).

Въ концѣ Октября, Король Прусскій, вовсе не думая о начатіи войны, но ища средствъ сдѣлать ее какъ можно менѣе бѣдственною, еслибъ она произошла, вознамѣрился учредить нейтральную линію. Это было началомъ системы *Сѣвернаго Союза*, о которой онъ въ послѣдствіи возъимѣлъ мысль. Дюрокъ, опасаясь, чтобы Русскіе не вступили въ Гамбургъ, дружески совѣтовалъ мнѣ взять предосторожности. Находясь на самыхъ мѣстахъ и зная обо всѣхъ движеніяхъ малыхъ отдѣльныхъ отрядовъ, я не имѣлъ ни малѣйшаго безпокойства; но тѣмъ не менѣе сохранилъ память объ этомъ доказательствѣ дружбы ко мнѣ Дюрока.

«Тебѣ посланы, любезный Буріеннъ,» гово-

рилъ мнѣ онъ, «копіи съ бюлетеней, полученныхъ нами изъ арміи. Мы все еще находимся «въ ожиданіи важныхъ извѣстій; ибо намъ было объявлено о большой битвѣ, которая не «произошла такъ скоро, какъ полагали. Мы «знаемъ, что пріобрѣтены нѣкоторыя небольшія выгоды. Достовѣрно, что Пруссія не воспротивится переходу Русскихъ чрезъ Мекленбургъ и чрезъ Гановръ, коего она хочетъ занять южную часть для того, чтобы соединить «свои разбросанныя владѣнія и учредить на «сѣверѣ свою нейтральную линію.

«И такъ Русскіе, прошедъ изъ Бременскаго «Герцогства въ Ольденбургъ, могутъ атоковать «Голландію отъ Аремберга; съ другой стороны «Гессенъ и Саксонія будутъ включены въ нейтральную линію Пруссіи, для коей составляются разныя арміи. Что будетъ съ Гамбургомъ? «Я нужнымъ счелъ тебѣ это сообщить, дабы «ты принялъ свои предосторожности на случай если Русскіе вздумаютъ туда вступить.

«Я получилъ твое письмо. Другъ твой,

«ДЮРОКЪ.»

13 Вандеміера [22 Октября 1805].

Редакторъ *Корреспондента* каждый вечеръ присылалъ ко мнѣ корректуру нумера, долженствовавшаго выйти на другой день, каковое уваженіе оказывалось одному только Французскому Министру. 20 Ноября я по обыкнове-

нiю получилъ корректуру и не нашелъ въ ней ничего неприличнаго. Сколь велико было мое удивленiе, когда на другой день утромъ, я прочиталъ въ этомъ журналѣ статью, лично оскорбительную для Императора и въ которой законные Государи Европы были приглашаемы свергнуть *хищника*. По словамъ этой статьи *весь Сѣверъ и Югъ ополчились бы противъ дерзновеннаго* и проч. и проч. Я тотчасъ пригласилъ къ себѣ Г-на Дормана, старшаго Синдика Гамбургскаго Сената. Онъ ожидалъ уже того, что я ему скажу, и печаль изображалась на лицѣ его. Осыпавъ его жесточайшими упреками, я спросилъ у него, какимъ образомъ, послѣ того, что я говорилъ ему о грозной раздражительности Императора, онъ могъ дозволить помѣщенiе такой статьи. Я замѣтилъ ему, что въ этой сатирѣ нѣтъ ничего офицiяльнаго, что она даже никѣмъ не подписана и что посему онъ поступилъ явно противъ изданнаго въ Августѣ сего года Сенатомъ указа, коимъ запрещалось помѣщать въ журналахъ неподписанныя статьи. Я не скрылъ отъ него, сколько его снисходительность могла имѣть вредныхъ для него послѣдствiй. Синдикъ Дорманъ не старался оправдываться, а разсказалъ мнѣ только, какъ было дѣло.

Я замѣтилъ Синдику, что неужели мнимый страхъ, могъ заставить его дозволить оскорбле-

ніе могущественнѣйшаго Государя въ Европѣ, коего арміи скоро предпишутъ законы всей Германіи. Синдикъ не скрылъ отъ меня своихъ опасеній гнѣва; но изъявилъ мнѣ надежду свою, что въ тоже время примутъ въ соображеніе величайшую трудность для небольшой державы поддержать свой нейтралитетъ въ такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились и что Императоръ, конечно, будетъ имѣть въ виду, что въ случаѣ непомѣщенія этой статьи, могли бы явиться въ Гамбургѣ непріятельскія войска. Г Дорманъ намекнулъ также мнѣ, что отказъ, который бы привлекъ въ городъ иноземныя войска, могъ бы имѣть очень непріятныя слѣдствія для меня, и еще болѣе повредилъ бы Сенату; я попросилъ его одинъ разъ на всегда, дабы въ дѣлахъ такого рода отлагать въ сторону мои личныя опасности; и Синдикъ, послѣ разговора, продолжавшагося болѣе двухъ часовъ, оставилъ меня еще сильнѣе безпокоящимся, чѣмъ при своемъ приходѣ, заклиная меня съ точностью представить всѣ обстоятельства, какъ они происходили.

Г. Дорманъ былъ очень честный человѣкъ; я ходатайствовалъ въ его пользу представя его извиненія и всегдашнюю его готовность къ исключенію изъ *Корреспондента* всего, что могло быть оскорбительнымъ для Франціи, особенно же начало манифеста Императора Герман-

скаго къ своимъ подданнымъ, и цѣлаго воззванія Короля Шведскаго; и добрый Синдикъ отдѣлался только страхомъ. Я даже самъ удивился успѣху моего ходатайства. Я узналъ чрезъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, что Императоръ очень разсердился прочитавъ эту статью, оскорбительную для Французской арміи и для вождя ея. Онъ мало обращалъ вниманія на свои личныя обиды, къ коимъ безпрестанныя повторенія его прїучили; но мысль объ оскорбленіи его арміи, сильно его раздражала и ужасныя угрозы выходили изъ устъ его.

Достойно замѣчанія, что Шведскій и Англійскій Министры, узнавъ объ этой статьѣ, отправились къ Редактору и изъявили ему свое удивленіе о помѣщеніи оной.

Я ограничился здѣсь воспоминаніемъ о томъ, что я видѣлъ въ Гамбургѣ, и какое дѣйствіе имѣли тамъ великія событія, происходившія на Дунаѣ и въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ; я скоро буду имѣть случай говорить о самыхъ этихъ событіяхъ съ помощію офиціяльныхъ документовъ, писемъ и словесныхъ показаній, собранныхъ мною объ этомъ достопамятномъ трехмѣсячномъ походѣ, коего успѣхъ былъ утвержденъ подъ Аустерлицемъ и коему положилъ конецъ Пресбургскій трактатъ.

ГЛАВА XXII.

Затруднительность моего положенія въ Гамбургѣ.—Чрезмѣрная работа и отвѣтственность.—Надзоръ за эмигрантами.—Иностранные Министры.—Надзоръ за журналами. — Пакетъ изъ Стразбурга.—Склонность Наполеона разсказывать исторіи.—Джуліо, повѣсть, сочиненная Наполеономъ.

Помѣщенный въ двухъ или трехъ послѣднихъ главахъ, можетъ быть, нѣсколько краткій очеркъ событій, происшедшихъ предъ Аустерлицкимъ походомъ и въ продолженіе онаго, равно какъ письма Дюрока и Бернадота, могутъ дать читателю понятіе о моемъ положеніи въ первое время пребыванія моего въ Гамбургѣ. Работа моя была чрезмѣрна, и дѣла скоплялись, съ невѣроятною быстротою. Занятія мои были иныя, но не малочисленнѣе тѣхъ, которыя имѣлъ я прежде, находясь при Императорѣ; а сверхъ того, на мнѣ лежала отвѣт-

ственность, которой я не имѣлъ въ званіи моемъ собственнаго Секретаря Генерала Бонапарте и Перваго Консула. И въ самомъ дѣлѣ, я долженъ былъ наблюдать за эмигрантами, вещь немаловажная; переписываться почти каждый день съ Министромъ Иностранныхъ дѣлъ и съ Министромъ Полиціи; совѣщаться съ находящимися въ Гамбургѣ Иностранными Министрами; поддерживать безпрестанныя сношенія съ начальниками Французской арміи; принимать донесенія моихъ агентовъ и надзирать за ними самими; наконецъ мнѣ должно было не спускать глазъ съ статей Гамбургскаго *Корреспондента*, которыя столько сердили Наполеона. Я буду еще имѣть случай обстоятельнѣе говорить обо всѣхъ этихъ вещахъ и особенно о значительнѣйшихъ эмигрантахъ; ибо сказанное мною до сихъ поръ, можетъ нѣкоторымъ образомъ быть сочтено перечнемъ всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ вещамъ и людямъ, которые въ послѣдствіи представлялись глазамъ моимъ.

Посреди этой громады важныхъ занятій, я получилъ, кажется, въ концѣ Сентября пакетъ изъ Страсбурга, гдѣ тогда находилась Императрица. Этотъ пакетъ не имѣлъ обыкновенной формы дипломатическихъ депешей, и надпись показала мнѣ, что онъ присланъ изъ дома Іозефины. Думаю, что читателю, столь же какъ и

мнѣ будетъ пріятно узнать содержаніе онаго; но прежде чѣмъ я удовлетворю этому любопытству, необходимо напомнить здѣсь объ одной изъ особенныхъ склонностей Наполеона разсказывать повѣсти; я уже выше упоминалъ объ этомъ, и склонность сія, какъ увидятъ, не оставила его и тогда, какъ онъ сдѣлался Императоромъ.

Дѣйствительно Бонапарте, въ первый годъ по восшествіи своемъ на Императорскій престолъ имѣлъ привычку проводить вечера въ комнатахъ Императрицы, когда онъ не слишкомъ былъ обремененъ дѣлами. Бросясь на софу, онъ охотно погружался въ мрачное молчаніе, котораго никто не дерзалъ прерывать. Иногда же, напротивъ того, онъ давалъ волю своему пылкому воображенію и склонности своей къ чудесному; или лучше сказать той потребности производить на другихъ впечатлѣніе, которая была можетъ статься, одною изъ господствовавшихъ въ немъ страстей: тогда онъ разсказывалъ повѣсти, почти всегда страшнаго содержанія, и согласовавшіяся со врожденнымъ расположеніемъ ума его. Придворныя дамы присутствовали при этихъ разсказахъ Императора; и изъ нихъ-то одна прислала мнѣ въ Гамбургъ слѣдующую повѣсть, написанную ею почти такъ, какъ она слышала ее изъ устъ Наполеона. «Никогда,» писала мнѣ эта дама,

«Императоръ не казался мнѣ болѣе необыкно-«веннымъ. Увлеченный своимъ разсказомъ, онъ «часто быстрыми шагами ходилъ по залѣ; го-«лосъ его измѣнялся смотря по лицамъ, выво-«димымъ имъ на сцену; онъ съ неимовѣрнымъ «искуствомъ представлялъ разныя роли, и никто «не имѣлъ нужды въ притворствѣ для обнару-«женiя страха, который онъ желалъ внушать «и котораго выраженiе любилъ видѣть на ли-«цахъ людей, его окружающихъ.»

Вотъ эта повѣсть, въ которой я ничего не перемѣнилъ, что могутъ засвидѣтельствовать тѣ особы, которыя, какъ мнѣ извѣстно, имѣютъ съ нея списки. Любопытно сличить страстныя мѣста той повѣсти со слогомъ Наполеона въ нѣкоторыхъ изъ его писемъ къ Iозефинѣ.

ДЖУЛІО

ПОВѢСТЬ, РАЗСКАЗАННАЯ НАПОЛЕОНОМЪ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ VI ЧАСТИ ЗАПИСОКЪ Г. БУРІЕННА).

«Въ Римѣ появилось таинственное существо, которое приписывало себѣ даръ открывать тайны будущаго и было облечено такою непроницаемою завѣсою, что даже самый полъ его былъ предметомъ споровъ и сомнѣнія. Одни, сообщая странныя предсказанія слышанныя ими изъ устъ его, описывали его имѣющимъ наружный видъ женщины, между тѣмъ какъ другіе оправдывали ощущенный ими страхъ, изображая его,—отвратительнымъ чудовищемъ.

«Этотъ оракулъ поселился въ одномъ изъ предмѣстій Рима, въ пустомъ дворцѣ, который суевѣріе и его призраки, достаточно охраняли отъ любопытства черни. Никто не могъ опредѣлить времени прибытія этого страннаго существа; словомъ сказать все относящееся къ нему, было окружено непроницаемою тайною. Въ Римѣ только и было разговоровъ, что о Сивиллѣ, такъ согласились называть ее: всякой горѣлъ желаніемъ вопросить ее, но не многіе имѣли довольно мужества для того чтобы преступить чрезъ порогъ ея жилища. Приближаясь къ этому странному вертепу, большая часть любопытныхъ ощущали невольный ужасъ и приписывая

оный роковому предчувствію, они обращались въ бѣгство, какъ будто бы невидимая рука съ силою ихъ отталкивала.

»Камилло, молодой Римлянинъ благороднаго происхожденія, рѣшился посѣтить вертепъ Сивиллы и пригласилъ Джуліо, своего искренняго друга, ему туда сопутствовать. Этотъ послѣдній, будучи робкаго, нерѣшительнаго характера, сначала было отказался; впрочемъ не боязнь невѣдомой опасности заставляла его колебаться; но Джуліо трепеталъ при мысли видѣть поднятою таинственную завѣсу, скрывавшую отъ него будущее. Онъ однакоже уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ Камилло. Въ условленный день они отправились вмѣстѣ къ роковому дворцу; дверь отворилась какъ бы сама собою; два друга вошли, неостанавливаясь; они долго блуждали по пустымъ комнатамъ, никого не встрѣчая и наконецъ очутились въ галлереѣ, гдѣ увидѣли черный занавѣсъ со слѣдующею надписью: *Если ты желаешь узнать свою судьбину, то пройди за этотъ занавѣсъ; но прежде приготовь себя молитвою.* Джуліо чувствуетъ сильное волненіе; онъ какъ бы невольно падаетъ на колѣна. Былъ ли онъ уже подъ вліяніемъ таинственной власти? Послѣ нѣсколькихъ минутъ, молодые люди отдергиваютъ занавѣсъ, обнажаютъ свои шпаги, и входятъ въ святилище. Ихъ встрѣчаетъ женщина: она была молода, даже можетъ быть прекрасна; но наружность ея не допускаетъ ее разсматривать: хладная неподвижность смерти, странно соединенная съ движеніемъ жизни, составляетъ выраженіе лица ея. Какъ найти словъ для опредѣленія или для изображенія этихъ сверхъестественныхъ существъ, которыя конечно обитаютъ въ такихъ странахъ, гдѣ языкъ человѣческій неизвѣстенъ? Джуліо содрогается и отвращаетъ взоры; Камиллъ потупляетъ глаза и Сивилла спрашиваетъ у нихъ о причинѣ ихъ посѣщенія; Ка-

миллъ ей отвѣтствуетъ. Но она не слушаетъ его; всё ея вниманіе кажется устремлённымъ на Джуліо; онъ тревожится, трепещетъ, простираетъ къ нему руку, какъ бы съ тѣмъ чтобы схватить его и вдругъ отступаетъ нѣсколько шаговъ на задъ. Камиллъ повторяетъ ей просьбу свою объ открытіи ему его судьбы; она соглашается и Джуліо уходитъ. Послѣ краткой бесѣды, Камиллъ идетъ къ своему другу и находитъ его погруженнымъ въ глубокую задумчивость: «Полно,» говоритъ онъ ему улыбаясь, «ободрись; что касается до меня, то я не узналъ «ничего очень страшнаго: ворожея обѣщала мнѣ, что я «женюсь на сестрѣ твоей Джуліанѣ» (этотъ бракъ дѣйствительно былъ уже условленъ) «и прибавила только «что не важное событіе замедлитъ нѣсколько союзъ «нашъ.»

«Джуліо прошелъ въ свою очередь за роковой занавѣсъ, а Камиллъ остался въ галлереѣ: вскорѣ онъ слышитъ ужасный крикъ, узнаетъ голосъ своего друга, и бросается къ нему на помощь. Джуліо былъ на колѣнахъ предъ Сивиллою, которая махала жезломъ надъ его головою произнося сіи страшныя слова: «Безпредѣльная любовь! оскверненіе святыни! убійство!» Камилъ, объятый ужасомъ, приближается къ Джуліо, который, блѣдный и неподвижный, не въ состояніи держаться на ногахъ; тщетно онъ его спрашиваетъ; онъ не можетъ получить никакого отвѣта отъ своего друга, въ помѣшательствѣ повторяющаго роковыя слова: убійство! оскверненіе святыни!» (Эти слова были произнесены Наполеономъ съ болѣзненнымъ удареніемъ).

«Камиллу наконецъ удалось привести Джуліо домой; и какъ только онъ могъ найти предлогъ его оставить, тотчасъ побѣжалъ къ вертепу Сивиллы, рѣшась переговорить съ нею и принудить ее къ объясненію; но дворецъ

былъ пустъ; занавѣсъ, надпись, все исчезло; не осталось никакихъ слѣдовъ ворожеи, которую съ тѣхъ поръ уже болѣе не видали.

«Прошло нѣсколько недѣль; день Каммилова брака былъ назначенъ, и Джуліо казалось успокоился. Камиллъ не разспрашивалъ его въ надеждѣ, что эта ужасная сцена, мало по малу изгладится изъ его памяти. Наканунѣ свадьбы Маркизъ де-Козмъ, отецъ Джуліо упалъ съ лошади и, хотя онъ не больно зашибся, но этотъ случай принудилъ отложить празднованіе свадьбы. Джуліо, Джуліана и Камиллъ окружали постель Маркиза, горюя объ отсрочкѣ ихъ счастія. Камиллъ пораженный внезапнымъ воспоминаніемъ вдругъ воскликнулъ: «Пророчество ворожеи сбылось.» Всѣ замѣтили, что это восклицаніе повергло Джуліо въ величайшее волненіе; съ этой минуты онъ заперся въ своей комнатѣ, и началъ избѣгать всякаго общества. Онъ не принималъ къ себѣ никого, кромѣ одного почтеннаго монаха, его воспитавшаго, съ которымъ онъ имѣлъ продолжительныя и тайныя бесѣды. Камиллъ не старался болѣе увидаться со своимъ другомъ, чувствуя, что его въ особенности Джуліо желалъ убѣгать.

«День, столь желанный, наконецъ наступилъ; Камиллъ и Джуліана соединились бракомъ. Но Джуліо не явился; онъ оставилъ отеческій, кровъ и всѣ старанія отыскать его были тщетны. Отецъ его находился въ отчаяніи; прошло съ мѣсяцъ и онъ получилъ отъ него слѣдующее письмо.

«Батюшка,

«Оставьте безполезные поиски, рѣшимость моя не«преклонна; ничто не можетъ перемѣнить ее. Распола«гайте вашими богатствами. Камиллъ умеръ для свѣта. «Дорого стоило моему сердцу васъ оставить но я дол«женъ бѣжать отъ ужасной судьбы.

«Прощайте! Забудьте несчастнаго Джулiо.»

«На этомъ письмѣ не было означено, откуда оно писано; неизвѣстный человѣкъ, его принесшiй, исчезъ: Маркизъ сталъ спрашивать монаха, который одинъ могъ ему представить какую нибудь возможность открыть слѣды его убѣжавшаго сына; но просьбы и угрозы были равно безполезны; монахъ не допустилъ ни убѣдить, ни устрашить себя: «Ему извѣстно,» отвѣчалъ онъ, намѣренiе Джулiо; онъ долго оному противился; но нашелъ его столь твердо рѣшившимся что наконецъ долгомъ счелъ войти въ его мысли; онъ зналъ мѣсто его убѣжища, но никакая власть на землѣ не принудитъ его измѣнить тайнѣ, ввѣренной ему на исповѣди.

Джулiо отправился въ Неаполь, а оттуда на суднѣ въ Мессину, гдѣ онъ былъ намѣренъ вступить въ Доминиканскiй монастырь, который ему хвалилъ духовникъ его. Отецъ Амвросiй, настоятель этого монастыря былъ человѣкъ истинно набожный и имѣлъ слишкомъ просвѣщенный умъ, для того чтобы воспользоваться встрѣвоженнымъ воображенiемъ молодаго человѣка и тщетно Джулiо упрашивалъ его, уволить его отъ искуса; онъ никакъ на это не согласился. Джулiо былъ принужденъ подвергнуться испытанiю; но рѣшимость его пребыла непоколебимою; имъ владѣло странное суевѣрiе: онъ думалъ что не иначе можетъ избѣгнуть своего жребiя, какъ вступивъ въ монашеское званiе. Воспоминанiе о Сивиллѣ его преслѣдовало и слова, ею ему сказанныя, безпрестанно раздавались въ ушахъ его: безпредѣльная любовь! оскорбленiе святыни! убiйство! — Монастырь казался ему единственнымъ убѣжищемъ, гдѣ онъ могъ укрыться отъ любви и преступленiя. Несчастный! какъ будто бы стѣны, обѣты или правила монастырскiя, могли исторгнуть человѣка отъ его жребiя!

Наполеонъ произнесъ это размышленіе съ видомъ, глубочайшаго убѣжденія какъ будто бы примѣняя оное къ чему либо совсѣмъ другому а не къ герою своей повѣсти. Потомъ видя что на лицахъ слушателей выражается самое любопытное вниманіе, онъ продолжалъ.

«Годъ искуса протекъ. Джуліо произнесъ обѣтъ; онъ вообразилъ себя счастливымъ и покрайней мѣрѣ почувствовалъ облегченіе отъ страданій, его терзавшихъ. Мысль о жертвѣ имъ принесенной, ниразу не представилась ему для того чтобы встревожить его и поселить въ немъ грусть. Но вечеромъ этого торжественнаго дня идучи въ свою келью, онъ встрѣтился съ однимъ изъ монаховъ, который, взявъ его за руку, и дружески пожавъ ее, сказалъ ему: «Братъ! это на всегда.» Слова *навсегда* поразили Джуліо. Какъ могущество одного слова надъ слабымъ умомъ чудесно! Эти слова казалось въ первый разъ открыли Джуліо великость его жертвы; онъ счелъ себя какъ бы умершимъ, для котораго время уже болѣе не существовало; онъ впалъ въ мрачную печаль и повидимому съ трудомъ переносилъ время жизни.

«Отецъ Амвросій съ состраданіемъ замѣтилъ положеніе этого молодаго человѣка; видя его несчастнымъ, онъ ощутилъ къ нему нѣжное участіе и подумалъ что занятіе можетъ разсѣять его задумчивость. Джуліо былъ очень краснорѣчивъ и Амвросій назначилъ его проповѣдникомъ монастыря. Слава о немъ вскорѣ распространилась, и толпы отвсюду стекались его слушать. Онъ былъ молодъ и прекрасенъ, а таинственность, его облекавшая придавала новую прелесть словамъ его. Наступало время торжествованія большаго праздника, на которомъ долженствовалъ присутствовать Король Неаполитанскій

со всѣмъ дворомъ своимъ; Джуліо былъ избранъ для произнесенія похвальнаго слова Святому Ѳомѣ, покровителю монастыря, и по этому случаю были сдѣланы большія пріуготовленія. Наступилъ день; безчисленная толпа наполняла Церковь; Джуліо съ трудомъ чрезъ оную пробирался, какъ вдругъ въ тѣснотѣ, капишонъ спалъ съ головы его и лице ето осталось открытымъ. Въ эту минуту, онъ услыхалъ восклицаніе: «Великій Боже, «какъ онъ прекрасенъ!» Удивленный, встревоженный, онъ невольно обернулся и увидѣлъ женщину, которой глаза были устремлены на него съ самою проницательною выразительностію. Этого одного мгновенія было достаточно, для того чтобы возмутить существованіе ихъ обоихъ. Джуліо сказалъ рѣчь свою, и какъ только освободился, тотчасъ заперся въ своей кельѣ; но онъ уже не властенъ былъ предаться обыкновеннымъ своимъ размышленіямъ. Преслѣдуемый образомъ этой незнакомки, ощущающій совсѣмъ новыя для него чувства, смущенный, встревоженный, онъ не можетъ болѣе найти спокойствія, и однакоже ему кажется, что онъ началъ существовать только съ той минуты, какъ услышалъ этотъ голосъ, коего звуки достигли до его сердца. Онъ не смѣетъ даже помыслить о будущемъ. Увы! къ чему это ему бы послужило? Судьба его невозвратима. Каждый день онъ ходитъ служить обѣдню, и каждый день замѣчаетъ на томъ же мѣстѣ женщину подъ покрываломъ; онъ узнаетъ ее, и даже не имѣетъ желать увидѣть черты ея, ибо тогда ему бы слѣдовало избѣгать ее; но онъ позволяетъ себѣ устремлять любопытные взоры на покрывало; онъ слѣдуетъ за всѣми движеніями той, на которую оно надѣто; онъ такъ сказать чувствуетъ біеніе ея сердца, и его сердце ему отвѣтствуетъ. Слишкомъ слабый для того, чтобы исторгнуться отъ опасно-

сти, онъ страшится разсматривать самого себя, онъ трепещетъ узрѣть истину. Вся жизнь его ограничилась нѣсколькими быстрыми мгновеніями; въ эти мгновенія онъ существуетъ; остальная часть жизни есть для него совершенное ничтожество. Онъ хочетъ бѣжать: «Если «она завтра опять придетъ въ церковь,» говорилъ онъ, «то я туда уже не возвращусь.» Вооружась этою рѣшимостью онъ считаетъ себя безопаснымъ, и ему кажется, что онъ сталъ спокойнѣе. На другой день, онъ идетъ въ церковь нѣсколько ранѣе обыкновеннаго: ее тамъ не было; когда всѣ вышли, то онъ подходитъ къ мѣсту незнакомки и видитъ ея молитвенникъ; онъ схватываетъ его, открываетъ, и на первой страницѣ читаетъ имя Терезы. И такъ теперь онъ можетъ называть ее по имени, можетъ тысячекратно повторять это милое ему имя «Тереза! Тереза!» твердитъ онъ въ полголоса, страшась быть услышаннымъ, хотя онъ и совершенно одинъ. Такъ какъ она болѣе не явилась, то нѣтъ опасности ходить въ церковь; но проходятъ дни, недѣли, а Терезы все нѣтъ.

«Тереза, супруга старика, любимаго ею какъ отца, была счастлива исполняя свои обязанности и не подозрѣвала, что можетъ существовать другое счастіе кромѣ того, которое было ея удѣломъ. Она увидѣла Джуліо, и миръ серца ея разрушился. Душа Терезы была столь пламенна, что первое истинное чувство долженствовало рѣшить жребій ея жизни — она запылала страстью къ Джуліо. До этой роковой минуты, мужъ ея былъ повѣреннымъ всѣхъ ея мыслей; но она никогда не говорила ему о Джуліо: тайна сія была для нея тягостною и, казалось, обвиняла ее въ собственныхъ глазахъ ея. Она почувствовала, что ей предстоитъ опасность, которой должно избѣгнуть, и имѣла мужество не ходить къ

объдни. Въ надеждѣ успокоить волненіе своего сердца, она захотѣла прибѣгнуть къ исповѣди и рѣшилась для сего возвратиться въ Доминиканскую церковь. Избравъ такой часъ когда ей было извѣстно, что Джуліо занятъ, она приблизилась къ исповѣдной и на колѣнахъ разсказала все, что она чувствовала со дня монастырскаго праздника, удовольствіе которое она находила въ томъ чтобы видѣть Джуліо каждый день, угрызенія совѣсти, послѣдовавшія за этимъ счастіемъ и мужество, съ какимъ она его убѣгала; но она страшилась, что скоро у ней не достанетъ силъ: «Что я должна дѣлать,» воскликнула она, «сжальтесь отецъ мой надъ бѣдною грѣшницею!» Слезы ея лились ручьями. и она была въ чрезвычайномъ волненіи. Едва перестала она говорить, какъ грозный голосъ произнесъ слова: «Несчастная! какъ «оскверненіе святыни!» При этихъ словахъ Джуліо, ибо ему судьба привела слышать это признаніе, бросается вонъ изъ исповѣдной. Тереза, продолжая стоять на колѣнахъ останавливаетъ Джуліо, хватаетъ его за платье и проситъ его взять назадъ свое проклятіе; она умоляетъ именемъ его спасенія, умоляетъ его даже именемъ любви ея. Джуліо отталкиваетъ ее, но очень слабо: «Тереза, Тереза,» воскликнулъ онъ наконецъ, «оставь «эти мѣста! скоро рѣшимость моя угаснетъ.» При этихъ словахъ Тереза бросается ему на шею и сжимаетъ его въ своихъ пламенныхъ объятіяхъ: «Скажи мнѣ,» восклицаетъ она . . . , «ахъ! скажи мнѣ, что я любима, прежде «чѣмъ я разлучусь съ тобою!»

«Джуліо, устрашенный, внѣ себя, страшась быть замѣченнымъ, прижимаетъ ее къ своему сердцу; но вдругъ, пораженный воспоминаніемъ о пророчествѣ, онъ клянется навсегда бѣжать отъ нея и безъ всякаго объясненія, требуетъ отъ нея тойже клятвы. Тереза, предав-

шись вся своей страсти, едва понимаетъ слова его и соглашается на все, чего онъ требуетъ. И дѣйствительно, что ей нужды до рѣчей его; ей довольно того. что онъ ее любитъ; она увѣрена, что опять съ нимъ увидится!..

«Джуліо, одинъ, предавшись на свободѣ размышленіямъ, трепещетъ вспомная о своемъ безразсудствѣ; но уже поздно уклоняться отъ опасности: онъ не могъ избѣгнуть своей судьбины. Онъ уже пожираемъ этою *безпредѣльною любовью; оскверненіе святыни* уже сдѣлано. Не обнаружилъ ли онъ страсть свою въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ онъ произнесъ обѣтъ святости? а однакоже онъ поклялся на вѣки убѣгать Терезы. Странное противорѣчіе человѣческаго сердца! то что долженствовало бы быть ему наказаніемъ, служитъ ему утѣшеніемъ: но въ этой тяжкой борьбѣ Джуліо предстоитъ на выборъ одно только бѣдствіе. Тереза менѣе устрашена: она женщина; Джуліо ее любитъ, онъ это объявилъ, она пренебрегаетъ ударами судьбы. Съ какимъ восторгомъ она вспоминаетъ быстрыя минуты, ею проведенныя; такой часъ болѣе оставляетъ воспоминаній, чѣмъ цѣлая жизнь безъ любви. Она уже даже не помнитъ обѣщанія своего убѣгать Джуліо; она возвращается въ церковь и опять видитъ Джуліо, который кажется, также забылъ свою клятву. Все его существованіе поглощено страстью, и когда онъ смотритъ на Терезу, то вся вселенная исчезаетъ въ глазахъ его. Они однакоже удерживались имѣть между собою разговоры. Джуліо въ отсутствіи Терезы былъ терзаемъ сильными угрызеніями совѣсти; но одинъ взглядъ ея возвращалъ роковое очарованіе душѣ его; наконецъ онъ рѣшился переговорить съ нею и сказать ей на вѣки прости.

«У монастырскихъ воротъ была бѣдная женщина съ сыномъ, которые питались подаяніями Терезы; малень-

кій Карлъ часто провожалъ ее, носилъ ея молитвенникъ и молился подлѣ нея. Джуліо, не смѣвшій подойти самъ къ Терезѣ, поручилъ Карлу сказать ей, что отецъ Джуліо ожидаетъ ее, въ исповѣдной въ семь часовъ вечера. Какой день для Джуліо! онъ содрогается при мысли остаться съ Терезою наединѣ. Онъ страшится, что у него не достанетъ твердости для того, чтобы сказать ей прости; онъ никакъ не можетъ на это отважиться; онъ рѣшается не видать ее, а написать ей, и Карлу приказано вручить ей письмо, какъ только она войдетъ въ церковь. Тереза, при первой отъ него посылкѣ смутилась. «Чего онъ отъ меня хочетъ?» сказала она, «мы «были такъ счастливы!» Однакоже, въ назначенный часъ она идетъ въ церковь. Карлъ вручаетъ ей письмо и она съ сильнымъ волненіемъ его распечатываетъ; но какое сильное отчаяніе овладѣло ею, когда она прочитала то, что Джуліо ей пишетъ:

«Бѣги, безразсудная женщина и не приходи болѣе «осквернять святыню этихъ мѣстъ! изгони воспоминаніе, «меня терзающее! я никогда не любилъ тебя; и не хочу «болѣе тебя видѣть!» Этотъ приговоръ пронзилъ сердце Терезы; она бы могла бороться съ угрызеніями своей совѣсти, но онъ не любилъ ее, онъ никогда не любилъ ее . . . . ! что могло быть горче этихъ словъ! . . . Она впала въ жестокую горячку, подвергшую опасности жизнь ея; имя Джуліо часто блуждало на устахъ ея, но любовь хранила ее даже въ бреду; это имя не было произнесено: только иногда она тихимъ голосомъ твердила: «Я никогда не любилъ тебя!»

«Однакоже, обрѣлъ ли Джуліо спокойствіе? заглушилъ ли онъ упреки своей совѣсти? нѣтъ, жизнь его жалка; объявивъ Терезѣ, что онъ больше ее уже не любитъ, онъ совершенно предался роковой своей стра-

сти. Жертва казалась ему достаточною; столь ужасно было усилие его написать это письмо! Ахъ! Тереза, еслибъ ты могла знать, чего оно стоило несчастному Джуліо, то твоя скорбь уменьшалась бы при мысли о его страданіяхъ. Джуліо былъ терзаемъ самымъ мучительнымъ безпокойствомъ: три мѣсяца протекли, и онъ не имѣлъ никакого извѣстія о Терезѣ; время казалось еще сильнѣе раздражило любовь его, и онъ болѣе чѣмъ когда либо убѣгалъ отъ общества людей. Подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, онъ испросилъ себѣ у отца Амвросія увольненіе отъ всѣхъ внѣшнихъ обязанностей. Онъ запирался въ своей кельѣ, а ночью блуждалъ посреди гробовъ; упоенный разстройствомъ чувствъ своихъ, не имѣя твердости, ни истребить любовь свою, ни предаться ей; въ особенности терзаемый муками жестокой неизвѣстности, которая изнуряетъ жизнь безъ воспоминаній и безъ надежды.

«Мѣсто продолжительной болѣзни Терезы заступило изнеможеніе, не менѣе возбуждавшее опасеній; она чувствовала себя умирающею, и хотѣла исполнить свои послѣднія духовныя обязанности. Мужъ ея, нѣжно ее любившій, очень видѣлъ, что какая-то скрытная печаль ведетъ ее къ гробу; но онъ уважилъ ея молчаніе и не позволилъ себѣ ни одного вопроса; онъ просилъ отца Амвросія, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, навѣстить Терезу. Амвросій обѣщалъ быть; но непредвидѣнное обстоятельство воспрепятствовало ему исполнить свое обѣщаніе: онъ поручилъ Джуліо сходить вмѣсто его къ Г-ну Вивальди, мужу Терезы, для успокоенія страданій умирающей. Увы! Джуліо терзаемый самъ мрачнымъ отчаяніемъ, могъ принести ей только слезы и рыданія, а ни одного утѣшительнаго слова! Онъ хотѣлъ было отговориться, но тщетно; Амвросій настоя-

тельно требовалъ отъ него исполненiя этой обязанности. И такъ Джулiо повиновался и пошелъ къ Г-ну Вивальди. Его ввели въ слабоосвѣщенную комнату, гдѣ множество плачущихъ друзей окружало постелю страждущей; когда онъ вошелъ, то изъ уваженiя къ его сану, всѣ удалились и Джулiо остался одинъ съ больною.

«Джулiо, волнуемый неописаннымъ смущенiемъ пребылъ неподвижнымъ и нерѣшительнымъ. «Отецъ мой,» сказала умирающая, «есть ли на Небѣ какое либо помилованiе для грѣшницы? . . . » Едва эти слова были произнесены, какъ Джулiо бросился на колѣна предъ смертнымъ одромъ. Тереза! Тереза! воскликнулъ онъ. Кто можетъ описать что они оба ощутили? — Всякое объясненiе было безполезно.—Они любили другъ друга; Джулiо пересказалъ ей все, что онъ для нея перенесъ, обвиняя себя въ страданiяхъ ею чрезъ него претерпѣнныхъ· «Прости, прости меня, Тереза! Джулiо твой навѣки!» Эти нѣжныя слова возвратили жизнь Терезѣ; она не могла говорить; но она видѣла Джулiо, она слушала его; она пожимала ему руку; умереть такимъ образомъ казалось ей сладостнѣе жизни. Джулiо сжималъ ее въ своихъ объятiяхъ; онъ желалъ бы продолжить дни ея цѣною своихъ собственныхъ: «Ты будешь жить! «неправдали? Другъ твой съ тобою! Моя Тереза, скажи »хоть одно слово! не ужели я тебя ужъ не услышу?» Звуки этого голоса казалось возвратили силы Терезѣ: «Я люблю тебя, Джулiо, я люблю тебя,» произнесла она слабымъ голосомъ. Эти слова заключали въ себѣ такъ сказать всю жизнь ея; нужно ли ей было говорить болѣе? Минуты этого разговора быстро пролетѣли; одна только увѣренность, что они опять увидятся, могла внушить имъ мужество разстаться. Тереза выздоровѣла; Джулiо каждый день съ нею видѣлся; сладостная при-

вязанность царствовала между ими и Джуліо каждый день съ нею видѣлся; сладостная привязанность царствовала между ими, и Джуліо казалось забывалъ свои страхи и угрызенія совѣсти. Занятый одною только Терезою, онъ съ нѣжнѣйшимъ участіемъ слѣдовалъ за всѣми успѣхами ея выздоровленія; онъ не смѣлъ огорчить ее, чувствуя что жизнь ея отъ него зависѣла и считая этотъ предлогъ не иначе какъ обязанностью.

«Однакожъ два года уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Римъ; въ день роковаго предсказанія, онъ впалъ въ мрачную задумчивость. Тереза хотѣла узнать причину его печали; — она никогда его не разспрашивала; но теперь, рѣшась раздѣлить его огорченія, она желала узнать, отъ чего оныя происходятъ. Джуліо разсказалъ ей о свиданіи своемъ съ Сивиллою и о бѣгствѣ своемъ изъ родительскаго дома; въ продолженіе этого разсказа всѣ страшныя его воспоминанія пробудились и онъ съ ужасомъ воскликнулъ: «Безпредѣльная любовь! Оскорбленіе святыни! Убійство!»

«Волненіе Терезы было чрезвычайно; но слова *безпредѣльная любовь* налагали роковое очарованіе на ея сердце и воображеніе; когдаже Джуліо повторялъ: «Оскверненіе святыни! убійство!» то она тихо отвѣтствовала: «Безпредѣльная любовь!» думая этимъ утишить волненіе ума своего; ибо для нея, любовь была все. Иногда Джуліо увлеченный силою своей страсти, устремлялъ на нея пламенный взглядъ, съ коимъ она не смѣла встрѣчаться; она чувствовала что сердце ея бьется, все тѣло трепещетъ и опасное молчаніе слѣдовало за этимъ бурнымъ волненіемъ. Однакоже они были счастливы, ибо не были еще виновны. Джуліо долженъ былъ на нѣсколько времени отлучиться для исполненія даннаго ему отцемъ Амвросіемъ важнаго порруче-

нія; онъ не имѣлъ твердости лично проститься съ Терезою; онъ написалъ къ ней, обѣщая скоро возвратиться. Но, задержанный разными препятствіями, онъ пробылъ болѣе мѣсяца въ Мессинѣ. По возвращеніи своемъ, онъ тотчасъ побѣжалъ къ Терезѣ, которую засталъ одну на терассѣ, близъ берега моря, погруженную въ размышленія о любви ея. Никогда еще она не казалась ему столь прекрасною, столь плѣнительною; онъ нѣсколько минутъ съ восторгомъ ее разсматривалъ, но не могъ долѣе противиться счастію говорить съ нею, услыхать ея голосъ; онъ кликнулъ ее, она затрепетала, увидѣла его, и бросилась въ его объятія. Упоенный любовію Джуліо пламенно отвѣтствовалъ ея ласкамъ; но вдругъ онъ отталкиваетъ ее отъ себя съ ужасомъ падаетъ на колѣна и, сложивъ руки, устремивъ неподвижно глаза, содрогается всѣмъ тѣломъ. Смертельная его блѣдность, и страшное выраженіе его взоровъ усилили ужасъ этой сцены для Терезы. Она не смѣла подойти къ нему и въ первый еще разъ была не въ состояніи раздѣлить его волненіе. «Тереза,» говоритъ онъ наконецъ угрюмымъ голосомъ, «мы должны разстаться! ты еще не «знаешь какой опасности ты подвергаешся.» Тереза едва слышитъ его, но она видитъ его волненіе и старается его успокоить; — онъ опять ее отталкиваетъ. «Ради Бога,» восклицаетъ онъ, «не приближайся ко «мнѣ.» Она съ трепетомъ останавливается; она узнала любовь только по одной ея нѣжности, и не могла постигнуть ея неистовства. Джуліо, выведенный изъ терпѣнія ея молчаніемъ, вдругъ встаетъ: «Завтра, говоритъ онъ, судьба моя рѣшится; «послѣ чего поспѣшно уходитъ не давъ Терезѣ времени отвѣчать ему.»

Императоръ съ необычайною пылкостью произнесъ разговоръ этой сцены. Напрасно говорили, будто бы онъ бралъ уроки у Тальмы: онъ бы самъ могъ давать ему оные.

«На другой день Тереза получила слѣдующую записку:

«Тереза, я не могу больше васъ видѣть; я съ вами «несчастливъ; я знаю что вы не можете понять того, «что я чувствую. Тереза, ты должна отдаться мнѣ, но «должно чтобы это было совершенно по твоей собст«венной волѣ. Никогда я не буду имѣть духу употребить «во зло твою слабость. Вчера ты видѣла; я вырвался «изъ твоихъ объятій, ибо ты не сказала: я хочу быть «твоею. Однакожъ подумай хорошенько. Мы губимъ «себя на вѣки. О Тереза! вѣчная гибель! какъ эти слова «страшны! даже въ твоихъ объятіяхъ, онѣ будутъ возму«щать мое блаженство. Для насъ, нѣтъ больше спокой«ствія; самая смерть, единственное наше прибѣжище, «не можетъ ни къ чему послужить намъ! завтра, если «ты хочешь меня увидѣть (а ты знаешь какою цѣною) «завтра, говорю я тебѣ, пришли Карла въ церковь. «Если онъ принесетъ твой молитвенникъ Тереза, это «будетъ значить, что ты отказываешься отъ Джуліо; но «если онъ придетъ безъ этой книги, тогда ты моя на «вѣки. На вѣки! это слово вѣчности; какъ смѣть произ«нести его! прощай.»

«Тереза, тихая и робкая, была поражена ужасомъ при чтеніи этого письма: слова *вѣчная гибель*, казались ей ужаснымъ проклятіемъ. «Джуліо,» воскликнула она, «мы были такъ счастливы! для чего наше блаженство «тебя не удовлетворяетъ?». Она не знала, на что рѣшиться, не видать его болѣе, казалось ей невозможнымъ, «а

«между тѣмъ,» говорила она, «угрызенія совѣсти вѣчно «будутъ его преслѣдовать. О, Джуліо! ты ввѣрилъ мнѣ «судьбу свою, я должна пожертвовать собою для того, «чтобы спасти тебя.» Она поручила Карлу отнести въ церковь книгу, и онъ положилъ ее на стулъ, который Тереза обыкновенно занимала.

«Что касается до Джуліо, то усиленіе страсти, усиленіе угрызеній совѣсти, сдѣлались ему необходимыми; однакоже не смотря на жестокость своей страсти, онъ не могъ рѣшиться обладать Терезою безъ добровольнаго ея на то согласія. Жестокій по слабости, онъ хотѣлъ тѣмъ сложить на нея всю отвѣтственность преступленія. Церковь давно опустѣла; Джуліо ждалъ Карла; онъ видитъ его приближающагося къ стулу Терезы и кладущаго на него книгу. Не владѣя болѣе собою, онъ бросается туда, хватаетъ книгу, отдаетъ ее Карлу и велитъ отнести ее обратно къ госпожѣ своей. Онъ долго остается неподвижнымъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ ожидалъ приговора судьбы своей и Терезы. Наконецъ вышелъ изъ смятенія, въ которое повергло его разстройство мыслей: »Я увижу ее,« сказалъ онъ самъ себѣ.

«Карлъ возвратился къ Терезѣ, и отдалъ ей обратно ея книгу, сказавъ что отецъ Джуліо посылаетъ ей оную. Какъ сильно было волненіе Терезы! она знала, что Джуліо придетъ къ ней и пошла ждать его на ту самую террасу гдѣ они видѣлись въ послѣдній разъ. Наконецъ онъ явился, но угрюмый, мрачный и съ трудомъ держащійся на ногахъ. Тереза прочла въ душѣ его; она содрогалась при мысли объ этомъ свиданіи; она имѣла мужество отказать въ немъ; но увидя милаго сердцу въ столь жалкомъ положеніи, она обрѣла твердость только

для того, чтобы его успокоить; забывъ свой трепетъ и робость, она подошла къ нему «Джуліо,» сказала она, «я твоя! . . . . .»

. . . .

. . . .

Тутъ былъ сдѣланъ родъ пропуска, который невозможно изобразить на бумагѣ иначе какъ точками: Наполеонъ воспользовался этимъ промежуткомъ для того, чтобы собраться съ духомъ предъ роковою развязкою драмы, и потомъ продолжалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Джуліо, терзаемый угрызеніями совѣсти, сдѣлался мраченъ и свирѣпъ даже съ Терезою; нѣжнѣйшія ласки не въ состояніи были развеселить и смягчить его. Однакоже любовь Терезы возрасла послѣ сдѣланнаго ею пожертвованія; она втайнѣ вздыхала о перемѣнѣ, замѣченной ею въ Джуліо, но не смѣла жаловаться, страшась тѣмъ огорчить его; она все еще ласкала себя надеждою сдѣлать его столь счастливымъ, что онъ позабудетъ все кромѣ ее. Джуліо, не только не отвѣтствуя на любовь ея, обвинялъ ее въ своихъ несчастіяхъ. «Ты «меня соблазнила, ты меня погубила!» говорилъ онъ «безъ «тебя душа моя была бы еще чиста.»

Посѣщенія его стали рѣже, и на конецъ совсѣмъ прекратились. Тереза спрашивала о немъ, постоянно ходила въ церковь, каждый день къ нему писала. Письма его были восвращаемы ей нераспечатанныя, и Джуліо не выходилъ болѣе изъ своей кельи. Но Терезѣ необходимо было переговорить съ нимъ дабы открыть ему новую тайну; увы, тайну матери! Что съ нею будетъ

если онъ ее покинетъ? Она узнаетъ, что въ слѣдующее Воскресенье Джуліо долженъ служить обѣдню, и чувствуетъ что не должно пропускать этого случая: болѣе чѣмъ жизнь ея, отъ этого зависитъ; эта мысль вооружаетъ ее силою и мужествомъ. Важный замыселъ занимаетъ ее и озабочиваетъ; два дня, предшествующіе тому, въ который она должна увидѣть Джуліо, употреблены на приуготовленіе всего къ бѣгству, на которое она рѣшилась. Положеніе монастыря, лежащаго на берегу моря, облегчитъ исполненіе ея намѣренія: что касается до мѣста, куда они направятъ путь свой, то она ни минуты о томъ не думала; Джуліо рѣшитъ это, какъ ему будетъ угодно; ибо кромѣ какъ къ Джуліо, Тереза ко всему сдѣлалась равнодушною.

Нанявъ небольшую лодку, она устроила все съ такою тайною и осторожностью, что никто даже не подозрѣвалъ ея намѣренія; самое смущеніе ея избавляло ее отъ мучительныхъ мыслей о препятствіяхъ, долженствовавшихъ ей встрѣтиться. День, столь нетерпѣливо ожидаемый, наконецъ наступилъ, и Тереза, подъ длиннымъ чернымъ покрываломъ помѣстилась близъ алтаря. Джуліо не могъ ее замѣтить, между тѣмъ какъ она наблюдала за всѣми его движеніями, и когда молившіеся разошлись, то она стала за колонною, мимо которой ему непремѣнно слѣдовало проходить при возвращеніи въ монастырь. Видя его приближающагося, она замѣтила, что онъ болѣе чѣмъ когда либо терзаемъ горестью, руки его были сложены на груди, голова поникла; онъ шелъ какъ осужденный преступникъ. Терезу сильно тронуло его отчаяніе; она отдала бы собственную жизнь свою за его спокойствіе; но она ужъ не властна была колебаться; невинное существо, которому она вскорѣ долженъ-

ствовала дать жизнь, требовало у нея отца. Она является предъ Джуліо: «Остановись Джуліо,» восклицаетъ она; «я должна говорить съ тобою; ты долженъ меня выслушать! Я не оставлю тебя до тѣхъ поръ, пока ты не «дашь мнѣ ключа отъ сада твоего монастыря. . . . Я «*должна* имѣть его. О! Джуліо; уже не моя одна жизнь «зависитъ отъ тебя!»— При этихъ словахъ, Джуліо показалось что онъ пробудился отъ ужаснаго сна: «Несчастная,» воскликнулъ онъ, «что ты говоришь? Удались, «бѣги отъ этихъ мѣстъ!» Но Тереза, бросясь къ ногамъ его, клянется, что она не отстанетъ отъ него, пока онъ не исполнитъ ея просьбы. Всѣ усилія Джуліо отъ нея вырваться, тщетны; сверхъестественная сила какъ будто одушевляетъ Терезу. «Поклянись мнѣ,» говоритъ она, «что въ полночь мы увидимся.» Между тѣмъ какъ она убѣдительно его упрашиваетъ Джуліо слышитъ шумъ и отдаетъ ей ключъ. «Въ полночь,» говоритъ онъ, и они разстаются. Въ полночь Тереза пришла въ садъ; ночь была темна; она не смѣетъ кликнуть, страшась быть открытою, но вскорѣ слышитъ приближающіеся къ ней шаги: это Джуліо. «Чего ты отъ меня хочешь?» спрашиваетъ онъ, «говори, минуты дороги! Перестань, «заклинаю тебя, преслѣдовать злополучнаго, который никогда не будетъ въ состояніи сдѣлать тебя счастливою. «Тереза, я люблю тебя! безъ тебя жизнь есть тяжкое «бремя, а съ тобою угрызенія совѣсти такъ мучительны, «что превышаютъ мои силы; они отравляютъ самыя «пріятныя для меня минуты. Ты видѣла мое отчаяніе. «Сколько разъ я обвинялъ тебя! Прости, прости, моя «возлюбленная! справедливость требуетъ чтобы я самъ «себя наказалъ. Я отрекся отъ тебя; эта жертва искупляетъ мое преступленіе.» Онъ перестралъ говоритъ удручаемый своею горестью. Тереза старается его утѣ-

пить и представить ему будущность, болѣе счастливую. «Джуліо,» говорить она, «еслибъ это было только для «меня одной, то я не посмѣла бы прійти сюда къ тебѣ, «Также какъ и ты, я не устрашилась бы смерти; но «залогъ нашей любви требуетъ чтобы мы жили: такъ «пойдемъ Джуліо уѣдемъ! все готово къ нашему бѣгству.» Джуліо, въ ужасномъ волненіи, дозволяетъ ей вести себя; еще нѣсколько минутъ, и они на вѣки будутъ соединены. Но вдругъ онъ вырывается изъ объятій Терезы. «Нѣтъ,» восклицаетъ онъ, «никогда!» и вонзаетъ ей кинжалъ въ сердце.»

Произнося эти слова, Бонапарте подошелъ къ Императрицѣ, сдѣлавъ движеніе, какъ будто бы онъ выдергиваетъ кинжалъ: обманъ былъ такъ силенъ, что придворныя ея дамы бросились между имъ и его женою съ воплемъ ужаса. Бонапарте, какъ совершенный актеръ, продолжалъ свой разсказъ, не смутившись и какъ будто не замѣчая впечатлѣнія имъ произведеннаго.

«Она падаетъ, и Джуліо обагренъ ея кровію. Онъ стоитъ неподвижно, устремивъ на нее дикіе взоры Начинало разсвѣтать, и монастырскій колоколъ зазвонилъ къ утренней молитвѣ. Джуліо поднялъ безжизненное тѣло той, которая его столь нѣжно любила и бросилъ его въ море. Потомъ, поспѣшнымъ шагомъ и внѣ себя, онъ вошелъ въ церковь; обагренная кровью его одежда, кинжалъ, который онъ держалъ еще въ рукѣ,—все его обличило. Его тотчасъ схватили безъ всякаго со стороны его сопротивленія. Джуліо исчезъ на вѣки!»

Императрица убѣждала Наполеона прибавить какія нибудь подробности о жребіи Джуліо: но Императоръ кратко отвѣчалъ ей:

«Монастырскія тайны непроницаемы!»

Примѣчаніе. Исторія Джуліо невыдумана. Предъ Революціею подобное происшествіе точно случилось въ одномъ Ліонскомъ монастырѣ; документы, въ коихъ оно было описано, какъ-то попали въ руки Наполеону и доставили ему содержаніе повѣсти его Джуліо.

Сколько разъ я слышалъ его разсказывающаго такого рода исторіи; онъ обыкновенно дѣлалъ это въ слабо освѣщенной комнатѣ, чтобы произвесть болѣе впечатлѣнія. Предавшись такимъ образомъ пылкости своего воображенія, онъ такъ увлекался разсказомъ, что все окружающее его какъ бы совершенно исчезало. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было прочитать исторію Джуліо, что мнѣ легко было представить себѣ звуки его голоса, выразительное его произношеніе, могущество его взгляда и тѣлодвиженій, съ коими онъ разсказывалъ сочиняемыя имъ повѣсти. Могу увѣрить, что здѣсь приличнѣе, чѣмъ гдѣ либо, примѣнить изрѣченіе Эсхина: Что же было бы, еслибъ вы сами его слышали?»

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Приложенія къ этой части ограничиваются только двумя: Рѣчью Камбасереса къ бывшему его товарищу въ Консульствѣ, произнесенною по случаю предоставленія Сенатомъ Наполеону титула Императора, и словомъ Президента Сената Франсуа-де-Нешато, сказаннымъ Императору наканунѣ его коронаціи. Эти два документа показались намъ важными, потому что они непосредственно относятся къ нравамъ того времени и потому что въ текстѣ сихъ Записокъ приведены отвѣты на оные Императора, а поэтому намъ показалось приличнымъ помѣстить ихъ для соображенія съ этими отвѣтами. Рѣчь Франсуа-де-Нешато, тѣмъ болѣе кажется намъ заслуживающею вниманія, что она вкратцѣ представляетъ блистательную, хотя нѣсколько и льстивую картину великихъ событій, ознаменовавшихъ уже въ эту эпоху поприще Наполеона.

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ КАМБАСЕРЕСОМЪ 19 Мая 1804.

ГОСУДАРЬ,

«Указъ, изданный Сенатомъ, и который онъ спѣшитъ представить Ващему Императорскому Величеству, есть только подлинное выраженіе воли, обнаруженной уже націею.

«Указъ сей, предоставляющій вамъ новый титулъ и утверждающій послѣ васъ наслѣдіе онымъ вашему роду, ничего не прибавляетъ къ славѣ и къ правамъ вашимъ.

«Любовь и признательность Французскаго народа, четыре года уже какъ вручили Вашему Величеству бразды правленія; и Государственныя учрежденія полагались уже на васъ, касательно выбора наслѣдника.

«И такъ, важное наименованіе, вамъ предоставляемое, есть только дань, которую нація платитъ своему собственному достоинству и ощущаемой ею потребности каждый день представлять вамъ доказательства уваженія и привязанности, которыя съ каждымъ днемъ возрастаютъ.

«И можетъ ли Французскій народъ найти предѣлы своей признательности, тогда какъ вы сами не полагаете оныхъ въ вашей объ немъ заботливости и попеченіяхъ?

«Можетъ ли онъ, сохраняя воспоминаніе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ имъ тогда, какъ онъ былъ предоставленъ самому себѣ, помышлять безъ восторга о счастіи, коимъ онъ наслаждается съ тѣхъ поръ какъ Провидѣніе, внушило ему броситься въ ваши объятія.

«Арміи были побѣждены; финансы въ безпорядкѣ; общественный кредитъ уничтоженъ; партіи оспоривали другъ у друга остатки нашего древняго величія; понятія о вѣрѣ и даже о нравственности, затмились; привычка давать и отнимать власть лишила сановниковъ уваженія и даже сдѣлала ненавистною всякаго рода власть.

«Ваше Величество явились: вы призвали вновь побѣду къ нашимъ знаменамъ; вы возстановили правила и бережливость въ общественныхъ расходахъ; успокоенное Государство воспріяло

довѣренность къ своимъ собственнымъ способамъ; ваша мудрость укротила буйство партій; вѣра узрѣла возстановленными алтари свои; понятія о добрѣ и злѣ пробудились въ душѣ гражданъ, когда они увидѣли что преступленіе наказывается а добродѣтели награждаются почетными отличіями.

«Наконецъ и это, безъ сомнѣнія, величайшее изъ чудесъ, произведенныхъ вашимъ геніемъ,— этотъ народъ, котораго гражданское броженіе сдѣлало нетерпящимъ никакого принужденія, врагомъ всякой власти — доведенъ вами до того, что онъ сталъ любить и чтить власть, дѣйствующую только для его славы и спокойствія.

«Французскій народъ не имѣетъ притязанія сдѣлаться судьею Конституціи другихъ Государствъ.

«Ему не для чего порицать другихъ; не для чего слѣдовать чужимъ примѣрамъ: собственная опытность будетъ впредь ему урокомъ.

«Въ продолженіе столѣтій вкушалъ онъ выгоды, доставляемыя наслѣдственною властью; онъ перенесъ краткое, но тяжкое испытаніе противной оной системы; онъ вновь вступаетъ дѣйствіемъ свободнаго и обдуманнаго разсужденія на стезю, сообразную съ его геніемъ.

«Онъ свободно пользуется своими правами, дабы вручить Вашему Императорскому Величеству власть, которую собственныя выгоды запрещаютъ ему употреблять для себя.

«Онъ учреждаетъ сіе для будущихъ поколѣній, и чрезъ торжественное условіе ввѣряетъ счастіе своихъ потомковъ отраслямъ вашего рода.

«Послѣдніе будутъ подражать вашимъ добродѣтелямъ; первые будутъ наслѣдовать нашу любовь и нашу вѣрность.

«Счастливъ народъ, который послѣ столькихъ смутовъ и недоумѣній, находитъ въ лонѣ своемъ человѣка, достойнаго усмирить бурю страстей, согласить всѣ выгоды и совокупить всѣ желанія.

«Счастливъ Государь, получившій власть свою отъ воли, отъ довѣренности и отъ любви гражданъ.

«Такъ какъ по правиламъ нашей Конституціи, чему были уже неоднократные примѣры, учрежденіе наслѣдственнаго правленія представляется на утвержденіе народа, то Сенатъ долгомъ

счелъ просить Ваше Императорское Величество соблаговолить дабы органическія распоряженія немедленно восприяли свое исполненіе; и для славы, равно какъ для счастія Республики, онъ теперь же провозглашаетъ Наполеона Императоромъ Французовъ.»

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ФРАНСУА-де-НЁШАТО. 1 Декабря 1804.

«ГОСУДАРЬ,

«Первая принадлежность верховной власти народовъ, есть право избранія, въ особенности примѣненное къ основнымъ законамъ. Оно то составляетъ истинныхъ гражданъ. Никогда, ни у какого народа право сіе не было болѣе свободно, болѣе независимо, болѣе законно употребляемо, какъ у насъ со счатливаго дня 18 Брюмера. Первое опредѣленіе народа вручило вамъ на десять лѣтъ бразды Государства. Вторымъ его опредѣленіемъ они предоставлены вамъ по жизнь. Наконецъ въ третій разъ, народъ Французскій изъявилъ свою волю. Три милліона пятьсотъ тысячь человѣкъ, разсѣянные на огромномъ пространствѣ земли, одновременно подали голоса свои въ пользу предоставленія наслѣдственной Имперіи, Августѣйшему Дому Вашего Величества. Голоса сіи заключаются въ 60,000 подписныхъ листахъ, которые были тщательно сочтены и повѣрены. Нѣтъ никакого сомнѣнія, ни о числѣ подавшихъ голосъ, ни о правѣ всякаго подавать оный, ни о послѣдствіяхъ сего всеобщаго избранія. И такъ Сенатъ и народъ Французскій единогласно подтверждаютъ, чтобы кровь Бонапарте была отнынѣ во Франціи Императорскою кровью, и чтобы новый тронъ воздвигнутый для Наполеона и имъ прославленный, не преставалъ быть занимаемымъ потомками Вашего Величества, или потомками Принцевъ, вашихъ братьевъ.

«Это послѣднее доказательство довѣрія народа и справедли-

вой его признательности долженствует быть лестно для сердца В. И. В. Мужу, посвятившему себя подобно вамъ, благу себѣ подобныхъ прiятно узнать, что одного имени его достаточно для соединенiя столь великаго числа людей. Государь, гласъ народа есть тутъ истинно гласъ Божiй. Для поднесенiя вамъ новаго титула, Сенатъ опредѣлилъ явиться въ полномъ своемъ составѣ предъ Ваше Императорское Величество. Онъ изъявляетъ радость, имъ владѣющую, приноситъ вамъ искреннюю дань своихъ поздравленiй, своего почтенiя, своей любви и радуется предмету своего поступка, ибо онымъ довершается, то чего онъ ожидалъ отъ вашей прозорливости для успокоенiя опасенiй всѣхъ добрыхъ Французовъ и для введенiя въ гавань корабля Республики.

«Такъ Государь, Республики! Здѣсь это названiе на своемъ мѣстѣ предъ тѣмъ, коего генiй доставитъ намъ наслажденiе самою вещью въ томъ смыслѣ, въ которомъ вещь сiя можетъ существовать у великаго народа: вы не только распространили предѣлы Республики, вы сдѣлали болѣе: вы утвердили ее на прочныхъ основанiяхъ. Благодаря ИМПЕРАТОРУ ФРАНЦУЗОВЪ, представилась возможность ввести въ правленiе одного лица, охранительныя правила выгодъ всѣхъ и вмѣстить въ Республикѣ силу Монархiи. Это усовершенствованiе въ искуствѣ управленiя есть шагъ, дѣлаемый нынѣ Наполеономъ въ общественной наукѣ. Онъ положилъ основанiе представительства; онъ не ограничился его настоящимъ существованiемъ; онъ вложилъ въ него зародышъ его будущаго совершенства. То, чего недостаетъ при первомъ его образованiи, долженствуетъ возникнуть отъ самаго хода онаго. Это честь настоящаго столѣтiя; это надежда и образецъ будущихъ вѣковъ.

«Государь, между величайшими мужами, коими земля славится, первая степень предоставлена основателямъ Государствъ. Разрушители оныхъ имѣютъ только роковую славу, и служатъ повсюду предметами позора; хвала и честь тѣмъ, которые ихъ возстановляютъ! они не только созидаютъ государства, но обеспечиваютъ ихъ существованiе законами, которые дѣлаются наслѣдiе будущаго. Мы обязаны симъ сокровищемъ Вашему Императорскому Величеству, и Францiя измѣряетъ великостью сего благодѣянiя, изъявленiя признательности, представленныя вамъ блюстительнымъ Сенатомъ отъ ея имени.

«Еслибъ чистая Республика была возможна во Франціи, то мы не сомнѣваемся, что вы бы захотѣли имѣть честь учредить оную; и въ семъ послѣднемъ случаѣ намъ непростительно было бы не предложить оную мужу, довольно сильному для осуществленія оной, довольно великому лично для того чтобы не имѣть нужды въ скипетрѣ и довольно великодушному для того чтобы пожертвовать своими выгодами пользѣ своего отечества. Еслибъ вамъ слѣдовало для сего, подобно Ликургу, изгнать самихъ себя изъ этого отечества, вами устроеннаго, то вы бы не поколебались. Ваши глубокія размышленія неоднократно были обращаемы на эту великую задачу; но даже для вашего генія, эта задача оказалась неразрѣшимою.

«Поверхностные умы, пораженные властію, которую столько успѣховъ и славы такъ рано доставили вамъ надъ духомъ народа, могли вообразить, что въ вашей было власти дать намъ правленіе народное или Монархическое. Не было средины; никто не хотѣлъ во Франціи аристократіи; но законодатель долженъ брать людей такими, каковы они есть, и давать имъ законы, не самые лучшіе, какіе можно придумать, а подобно Солону, лучшіе изъ тѣхъ, которые можно примѣнить къ нимъ. Если рѣзецъ великаго художника, по произволу, изсѣкаетъ изъ куска мрамора треножникъ или Бога, то нельзя сдѣлать тогоже надъ цѣлою націею. Государь, правда что ваша жизнь составляетъ цѣпь чудесъ: но еслибъ вы и могли преклонить свойство вещей и характеры людей до такой степени, чтобы ввести во Франціи демократію, то это чудо было бы только преходящею мечтою: еслибъ мы къ тому содѣйствовали, то мы бы сковали цѣпи для потомства.

«Огромное зеркало прошедшаго есть урокъ для будущаго. Всѣ знаменитыя въ исторіи Республики были сосредоточены, или на безплодныхъ горахъ, или въ одномъ городѣ: внѣ оныхъ это правленіе во всѣ времена было отчаяніемъ и разорѣніемъ для подвластныхъ областей. Свобода однихъ не могла существовать иначе, какъ чрезъ рабство другихъ. Царственный народъ былъ только въ Римѣ, а остальная часть свѣта ни во что не считалась. Франція не заключается въ одномъ Парижѣ. Смѣлая Дума хотѣла было захватить въ немъ мѣсто націи; но она

только доказала то, что уже знали, что худшая тиранія есть та, которая производится подъ именемъ свободы.

«Когда наши представители, стоя на развалинахъ престола, хотѣли основать Республику, по намѣренія ихъ были чисты; прежде чѣмъ они были разочарованы печальнымъ опытомъ, они искренно обожали обманчивый призракъ, принимаемый ими за равенство. Мы можемъ говорить о заблужденіи, коего мы могли быть временно ослѣплены. И кто бы могъ отъ онаго предохраниться? Народный потокъ невольно увлекалъ самыхъ равнодушныхъ. Но тѣ, которые со слѣпою искренностью принимали Республику Платона, предполагая, что великій народъ можетъ преобразовать свои нравы столь же быстро, какъ онъ возобновляетъ законы, не видѣли что столбы сего мечтательнаго зданія утверждаются въ мнимомъ пространствѣ. Великодушные люди восклицали съ Цицерономъ: какое пріятное слово Свобода! они забывали, что самъ Цицеронъ тогда еще жаловался, что это было одно только слово и что Республиканскій духъ не совмѣстенъ съ чернью Ромула. Какъ мы могли надѣяться учредить Демократію, тогда какъ для успѣха въ этомъ надобно бы собрать людей, которые всѣ равно были бы хладнокровны, безкорыстны, превыше своей природы, т. е. такихъ людей, которые не имѣли бы въ себѣ почти ничего человѣческаго? Безъ этого, Демократія всегда будетъ оканчиваться бурею партій и безначаліемъ. И, Боже Всемогущій, какіе бичи — партіи и безначаліе! Франція испытала ихъ, и воспоминаніе объ оныхъ долго будетъ приводить въ трепетъ.

«Говорятъ, что древніе Персы, для убѣжденія народа въ ужасной опасности злоупотребленія свободы употребляли весьма необычайный способъ: они прививали себѣ временно чуму политическихъ обществъ. Когда Царь ихъ умиралъ, то пять дней были проводимы въ безначаліи, безъ всякой власти и законовъ. Своеволіе не было, ни тогда обуздываемо, ни послѣ наказываемо: въ эти пять дней давалась полная воля духу мщенія, буйству и насилію; однимъ словомъ, эти пять дней была Революція И говорятъ, что этотъ опытъ, заставлялъ народъ съ великою радостію входить опять подъ власть Государя.

Ахъ! чего стоилъ намъ бѣдственный опытъ, этихъ сатурналій

политическаго своеволія, въ продолженіе не пяти дней, а нѣсколькихъ годовъ нашихъ внутреннихъ терзаній и раздоровъ! Какіе горькіе плоды пожали со своего восторга, тѣ которые мечтали о республиканскихъ теоріяхъ! до какой ужасной крайности были доведены тѣ, которые, убѣдясь въ заблужденіи великаго народа и между тѣмъ исполненные уваженія къ рѣшеніямъ большинства голосовъ, не знали какъ сдѣлать выборъ между народнымъ наступленіемъ, которое тотчасъ наказывало ихъ за перѣшимость, и убѣжденіемъ въ общей пользѣ, которое представляло имъ въ отдаленной будущности, это возвращеніе къ правиламъ или лучше сказать это чудо, которое теперь предъ нами совершается, но котораго тогда можно было только желать, а не надѣяться! Правосудіе и истина суть дщери времени. Революція долженствовала имѣть конецъ; но какими кровавыми путями, намъ надлежало онаго достигнуть? и кто могъ предвидѣть, что эта ужасная трагедія будетъ имѣть въ наше время столь достославную развязку?

«Послѣ колебаній, болѣе ужасныхъ чѣмъ волненіе ярящагося моря, думали обрѣсти вѣрное средство противъ народныхъ бунтовъ въ учрежденіи Полигархіи. Власть въ рукахъ многихъ лицъ, была лучше чѣмъ совершенное отсутствіе или разсѣяніе этой власти; но невозможно было вмѣстить въ одно тѣло разныя души и разныя воли, подчинить управленіе двумъ противоположнымъ началамъ. Борьба этихъ началъ уничтожила бы Францію еслибъ не рѣшились опять обратиться къ власти, болѣе сосредоточенной. Это освящаетъ на вѣки день 18-го Брюмера.

«Это же приводитъ и привязываетъ къ вамъ, Государь, тѣхъ республиканцевъ, коихъ патріотизмъ могъ быть наиболѣе горячъ и недовѣрчивъ. Ненависть противъ престола укоренилась въ нихъ отъ усердія ихъ къ выгодамъ народа и отъ пламеннаго желанія общественнаго благодѣнствія. Мысли ихъ исполнились чрезъ ваше правленіе: выведенные изъ заблужденіи на счетъ своей химеры и возвращенные вами къ существенности, они вполнѣ удостовѣрились, что невозможно подумать объ учрежденіи Республики, собственно такъ называемой у народа, привержешнаго къ Монархіи необходимостью, врожденнымъ чувствомъ и силою привычки, которой ничто не въ состояніи

искоренить. Такъ Государь, на этотъ счетъ, существуетъ одно только чувство. Такъ, единовластное правленіе для столь обширной страны есть тоже, что статуя Паллады была нѣкогда для Троянъ. Похищеніе оной причиняло ихъ погибель.

«Но этого еще не довольно. Единство Имперіи есть такъ сказать, пукъ стрѣлъ, составляющихъ власть; но стрѣлы сіи скоро были бы разлучены и разсѣяны, еслибъ наслѣдіе не укрѣпляло связку, ихъ соединяющую. Порядокъ наслѣдія, заранѣе опредѣленный, есть твердѣйшая подпора Монархическаго Правленія. Народъ почувствовалъ необходимость въ ономъ для того, чтобы не страшиться впредь междуцарствій и волненій при врученіи верховной власти.

«Между счастливыми послѣдствіями закона о наслѣдіи, принятаго Французами, прозорливость великаго народа отличила двѣ главныя выгоды: первое, что династія, основанная свободою, пребудетъ вѣрна своему началу: нѣтъ рѣкъ, которыя обращались бы вспять противъ своего источника; а сверхъ того отъ постоянной передачи сего отческаго и вѣчнаго правительства должно надѣяться новаго утвержденія общественнаго кредита, какъ внутренняго, такъ и вншняго. Дѣйствительно, внутри Имперіи, какого лучшаго удостовѣренія могутъ желать Государственные заимодавцы, какъ не испытаннаго правдолюбія Вашего Императорскаго Величества, безпримѣрной въ другихъ земляхъ точности въ уплатѣ недоимокъ, и обеспеченія, которое представляетъ на будущее время, постоянное и безпрерывное царствованіе Императоровъ наслѣдниковъ, какъ вашего сана, такъ и намѣреній? Какой залогъ можетъ представить казна вѣрнѣе того, который заключается въ славѣ вашего имени и въ чести вашей Имперіи? Также и внѣ Государства, на какомъ, болѣе прочномъ основаніи, могутъ утверждаться наши союзы? Общая выгода скрѣпляетъ всѣ связи міра сего: и какъ друзья Франціи могутъ надѣяться на нее, то и она можетъ надѣяться на нихъ; и эта прекрасная страна, возстановленная въ Европѣ опять на степень, съ которой низвела ее слабость, будетъ отнынѣ имѣть постоянное вліяніе на спокойствіе народовъ и на миръ твердой земли. Мы неимѣемъ другой выгоды, а вы достаточно доказали, что вы не имѣете другихъ видовъ.

Что касается до нашихъ непріятелей, если они поупорст-

вуютъ таковыми оставаться, то ихъ досада увеличится при видѣ услуги, которую они намъ противъ воли оказали. Они устроивали лютые ковы, и мы должны были принять мѣры дабы впредь сдѣлать оные безполезными. И такъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, наше благополучіе есть ихъ дѣло. Но Государь, пока глаза ихъ откроются или пока наши раздраженныя арміи пойдутъ наказать ихъ за вѣроломство, наше благоденствіе составляетъ ихъ муку. Какое зрѣлище представляетъ имъ Франція, та самая Франція, которую они хотѣли растерзать и которую они видятъ теперь соединившеюся вокругъ Августѣйшаго ея главы, одушевляемую однимъ духомъ, одними желаніями и спокойно торжествующею празднества, которыя возвѣщаютъ союзъ свободы, этой главной изъ пружинъ, съ великою блюстительною системою народовъ— съ наслѣдственною Монархіею!

«Справедливо, что правило это было уже прежде принято во Франціи; но по несчастію примѣненіе онаго не было, ни твердо, ни въ точности означено. Порядокъ наслѣдія престола именуемый салическимъ закономъ, не былъ предписанъ законами, а составлялъ только обычай, наблюдаемый на основаніи неопредѣлительнаго преданія, никогда письменно несуществовавшаго. Вмѣсто коренныхъ законовъ, предки наши оставили намъ только правила, коихъ смыслъ былъ по произволу измѣняемъ. Въ этой несовершенной и непостоянной Монархіи, попеременно военной, суевѣрной и феодальной, ничто не было опредѣлено. Не существовало никакого Конституціоннаго памятника, никакого договорнаго акта, по коему національная воля издавалась бы отъ имени Государя. Сего то памятника, сего то акта желали въ 1787, 1788 и въ 1789 годахъ всѣ присутственныя мѣста и всѣ граждане. Требовали чтобы договоръ между Монархомъ и народомъ былъ признанъ и соединялъ бы народъ съ Монархомъ. Желали, чтобы сей послѣдній искренно подписалъ опредѣленіе Монархической власти. Хотѣли, чтобы глава такого обширнаго Государства какъ Франція, обѣщалъ при возшествіи своемъ на престолъ быть царемъ не одинхъ только дворянъ или какого либо другаго сословія, а всего народа; не поддерживать похищенныя преимущества, но поклялся бы даровать коренныя статьи, вѣчныя основы образованныхъ обществъ.

«Свободу вѣроисповѣданiй, первое право всѣхъ людей, ибо власть не можетъ принуждать совѣсть;

«Свободу правъ всѣхъ граждaнъ,—единственную свободу, которая разсудительна и возможна; уваженiе къ свободѣ политической и гражданской, ненарушимое обезпеченiе собственности:

«Наконецъ общее направленiе его правительсвва къ первоначальной цѣли всякаго правительсвва—къ выгодѣ къ счастiю и къ славѣ народа.

«Это есть основанiе клятвы, которую В. И. В. готовитесь произнесть предъ Французскимъ народомъ; это настоящiя выраженiя, избранныя вами въ законъ себѣ и своимъ преемникамъ. Смотря по обстоятельствамъ В. В. присоединяете къ сему обязательство блюсти цѣлость земель Французской Республики, которая должна оставаться нераздѣльною; прiобрѣтенiя нацiональныхъ имуществъ, и превосходное учрежденiе вашего Почетнаго Легiона, достойной награды услугъ, оказанныхъ отечеству.

«Съ симъ присовокупленiями эта клятва кажется написанною со словъ цѣлой нацiи. За эту цѣну вся нацiя клянется пребыть вамъ вѣрною. Эти двѣ клятвы соотвѣтствуютъ между собою и служатъ взаимнымъ другъ другу ручательствомъ: это взаимныя звѣнья неразрывнаго союза; и между столькими великими видами, отличающими на вѣки Сенатскiй Указъ 28 Флореаля, мысль о статьѣ присяги, Государь, довершаетъ весь трудъ сей и запечатлѣваетъ оный безсмертiемъ.

«Добродѣтельный Траянъ помышлялъ объ этомъ въ Римѣ, но далъ только примѣръ; это была съ его стороны только новая, высокая черта, не поставленная за правило для другихъ Императоровъ; между тѣмъ какъ В. В вмѣнили это въ обязанность, не только тѣмъ, которые долженствуютъ взойти послѣ васъ на Императорскiй престолъ, но и тѣмъ, которые будутъ правителями Имперiи, въ случаѣ несовершеннолѣтiя. Такимъ образомъ все предвидѣно. Сiе то искуство соединять будущее съ настоящимъ есть тайна генiя.

«Давно уже Францiя требовала подобнаго акта, онъ былъ испрашиваемъ краснорѣчiемъ глубокомыслееннѣйшихъ писателей; признанъ необходимымъ, даже при самомъ дворѣ, мудрѣйшими

Министрами; словомъ сказать призываемъ всеобщими кликами самыхъ простонародныхъ сословій.

«Народъ Французской созрѣлъ для того, чтобы улучшить свое политическое положеніе. Увы! вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ему въ томъ, его подвергли опасности видѣть Францію раздѣленную по произволу тѣхъ, которые желали уничтожить имя ея на ландкартѣ. Она сдѣлалась жерломъ волкана, который потрясалъ весь свѣтъ, но поглощалъ самъ себя.

«Дабы затворить сію пропасть нуженъ былъ болѣе чѣмъ Курцій: по глубокой мысли одного политическаго автора надобно было, чтобы великій мужъ избралъ поприщемъ своего правленія и предмѣтомъ своей славы, развалины сего Государства, которое онъ намѣревался преобразовать и обновить. Надобно было, чтобы онъ былъ превыше своихъ современниковъ, съ ихъ согласія, съ ихъ одобрѣнія, безъ противорѣчія какъ отъ своихъ, такъ и отъ чужихъ. Въ положеніи, въ которомъ находятся нынѣшнія общества, всякой какъ прежде чувствуетъ нужду быть управляемымъ; но средства къ управленію сдѣлались болѣе трудными, потому что предметъ онаго сдѣлался болѣе обширнымъ и болѣе многосложнымъ. Основать Имперію умѣренную и прочную надъ тридцатью двумя миліонами людей храбрыхъ, чувствительныхъ, просвѣщенныхъ; умѣть остановиться самому и употребить блистательную славу своего оружія только къ спокойному поддержанію законовъ; держать въ равновѣсіи твердою правосудною рукою чаши вѣсовъ, изъ коихъ въ одной находятся обязанности Государя, а въ другой права народа; и сдѣлать сіе чудо въ XIX-мъ вѣкѣ, это могло быть удѣломъ одного только превосходнаго ума.

«Мы не имѣемъ въ нашихъ лѣтописяхъ ничего, могущаго быть поставленнымъ въ сравненіе, Мы можемъ по крайней мѣрѣ привести ихъ: это еще одно изъ вашихъ благодѣяній; ибо В. В. возвратили Французамъ и ихъ собственную исторію, которая безъ васъ, сдѣлалась бы для нихъ чуждою.

«Мы читаемъ, что Филиппъ—Августъ, предъ Бувинскимъ сраженіемъ, положилъ корону свою на алтарь, и показавъ на все своимъ войскамъ, громогласно произнесъ: «Французы, если вы «полагаете что кто либо другой болѣе заслуживаетъ носить ко«рону, то вотъ она; наименуйте мнѣ болѣе достойнаго, и я го-

«товъ ему повиноваться. Но если вы считаете меня способнымъ «повелѣвать вами, то вы должны нынѣ защищать вашего вождя, «и ваши имущества, ваши семѣйства и вашу честь.» При этихъ словахъ, солдаты упали къ ногамъ его, и на колѣнахъ просили его благословенія, за которымъ послѣдовала побѣда.

«Какъ этотъ примѣръ, Государь, счастливо примѣняется къ В. И. В., не потому впрочемъ, чтобы вы имѣли нужду говорить намъ эти слова! Блюстительный Сенатъ и Французскій народъ чрезъ меня увѣряютъ васъ, что они гордятся своимъ Императоромъ. Если они предложили вамъ корону, если они дѣлаютъ ее наслѣдственною въ вашемъ потомствѣ, и въ потомствѣ вашихъ двухъ братьевъ, то это потому, что въ свѣтѣ не существуетъ мужа, болѣе достойнаго носить скипетръ Франціи, ни другаго семѣйства, болѣе любимаго Французами. Предводительствуемые Наполеономъ, или его сыновьями, или племянниками, напитанными его духомъ, образованными по его примѣру и произнесшими его присягу—мы, Государь, и сыновья сыновей нашихъ будемъ до послѣдняго дня нашей жизни защищать это охранительное правительство; предметъ нашей гордости и любви, ибо въ немъ мы будемъ защищать *нашего вождя, наши имущества, наши семейства и нашу честь.*

«Государь, вы приняли девизомъ для монетъ вашихъ эти слова, которыя вы оправдываете: *Богъ покровительствуетъ Франціи.* Конечно такъ! Богъ покровительствуетъ Франціи, потому что онъ создалъ васъ для нея. Отецъ отечества, имѣемъ сего Бога покровителя, благословите дѣтей вашихъ и, положась на ихъ вѣрность, будьте увѣрены въ томъ, что ничто не въ состояніи ни изгладить изъ ихъ умовъ, ни искоренить изъ ихъ сердецъ обязательства, налагаемыя взаимнымъ договоромъ, которой заключенъ между Французскимъ народомъ и Императорскою фамиліею.

«Но надобно дополнить все, относящееся къ этому Августѣйшему договору, а для исполненія сего, Сенатъ поручилъ мнѣ просить В. В. приказать торжественно обнародовать Сенатскій указъ 15 Брюмера, объявляющій желаніе народа о наслѣдіи Имперіи. Этотъ великій національный актъ, естественнымъ образомъ связанъ съ Августѣйшею церемоніею коронаціи и присяги В. И. В. Учрежденіе Имперіи есть блистательный фо-

номенъ; но мы желаемъ, чтобы оное было прочно; а оно не можетъ таковымъ сдѣлаться иначе, какъ чрезъ порядокъ, установленный для наслѣдія престола. Безопасность великаго народа и ваша собственная, Государь, отъ того зависятъ. Посему необходимо принять всѣ возможныя мѣры дабы неизгладимо запечатлѣть въ умахъ мысль сію. Это чувство прежде существовало и предметъ Революціи былъ тотъ, чтобы заглушить его. Мы вновь разводимъ этотъ священный огнь на жертвенникахъ отечества, политика возжигаетъ его, вѣра его освящаетъ, а свобода ему рукоплещетъ: онъ не долженъ болѣе угаснуть.

«Дозвольте Сенату настоять касательно этой главной статьи. Этимъ то въ особенности онъ заслуживаетъ свое названіе Блюстительнаго; еслибъ онъ оказалъ одну эту услугу, то и тогдабы онъ оправдалъ и степень, занимаемую имъ въ Государствѣ, и будущіе виды, которые онъ представляетъ соревнованію лучшихъ гражданъ.

«Въ отсутствіи трона, Государь, всѣ великіе характеры пристаютъ къ партіямъ; и народъ тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ болѣе знаменитыхъ онъ имѣетъ сыновъ; все то что долженствовало бы составлять его гордость, дѣлается бичемъ его. Но какъ только есть престолъ, достойно занятый, то высокія добродѣтели получаютъ свою награду; онѣ стараются къ нему приблизиться; и отличія тѣмъ лестнѣе, что достоинства, болѣе существенныя, облекаются именами болѣе важными.

«Счастливы въ этомъ отношеніи члены Французскаго Сената! нѣтъ честолюбія военнаго или гражданскаго, которое не моглобъ быть удовлетворено надеждою достигнуть почетнаго званія Сенаторовъ, которые первые призваны для присутствія при клятвѣ, долженствующей быть произнесенною Императоромъ предъ Французскимъ народомъ. Такъ, Государь, мы считаемъ лучшимъ днемъ нашей жизни тотъ, въ который мы будемъ первыми свидѣтелями обязательства вашего съ народомъ; и мы станемъ молить Бога дабы торжество столь великаго дня не прежде возобновилось во Франціи, какъ чрезъ отдаленнѣйшія времена и для праправнуковъ нашихъ. Ахъ! да будетъ съ торжествомъ коронованія тоже, что со столѣтними празднествами, которыя никакой Римлянинъ въ продолженіе своей жизни не могъ видѣть болѣе одного раза!

«Наконецъ, Государь, по провозглашеніи правилъ наслѣдія, слѣдуетъ отдать для храненія въ архивы наши подлинные акты, утверждающіе Принцевъ Императорской крови. Мы требуемъ сего великаго залога и Блюстительный Сенатъ проситъ В. В. немедленно повелѣть, дабы сіи важные акты, предоставленные его храненію 13-ю статьею 3-й главы Конституціоннаго акта 28 Флореаля, были представлены ему съ соблюденіемъ формъ и торжественности, долженствующихъ удостовѣрить народъ въ дѣйствительности этихъ актовъ, съ коими должно соединяться вѣчное существованіе Французской Имперіи.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ

И

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

REGIONE LAZIO - ASSESSORATO CULTURA
SOPRINTENDENZA AI BENI LIBRARI

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

Стр.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

Стр.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

Стр

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

Стр.

ГЛАВА XVI.

ГЛАВА XVII.

ГЛАВА XVIII.

ГЛАВА XIX.

ГЛАВА XX.

ГЛАВА XXI.

ГЛАВА XXII.

Стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.